

22/IV

с-

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР



АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР



БАКУ—1975

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1975

В номере публикуются материалы VII Тюркологической конференции, проведенной Советским Комитетом тюркологов и Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде 3—6 июня с. г. Остальная часть представленных материалов конференции будет опубликована в следующем номере журнала.

06
С—

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКО-ТУРК. СВЯЗ.
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

н. 11182

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

М. З. ЗАКИЕВ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

1. Для изучения истории литературных языков и литературы тюркоязычных народов важное значение имеет правильная периодизация развития тюркских письменных литературных языков. Между тем в этом вопросе в тюркологии имеются большие расхождения. Так, С. Е. Малов к древнетюркскому периоду относит язык памятников V—XV вв. и полагает, что «эти памятники или языки всех этих памятников служат общим фоном, общей исторической канвой для древней истории большинства тюркских языков»¹. Правда, XI—XIV вв. он выделяет особо, хотя и не считает их самостоятельным периодом. «Для Центральной Азии, — пишет С. Е. Малов, — переходным временем для замены письма вместе с религией и даже языком (вместо «д»-языка тюрки переходили на «й»-язык) были приблизительно XI—XIV вв.»².

Составители «Древнетюркского словаря» включили в него лексический материал памятников VII—XIII вв., то есть домонгольского периода развития тюркского письменного языка. Они также подчеркивают разнообразие памятников по характеру и содержанию, их географической и исторической принадлежности³. Существуют и другие определения хронологических границ древнетюркского периода.

Более спорным является определение хронологических границ следующего периода. Язык памятников XI—XIII вв. нередко считают языком того или иного современного тюркского языка. Так, Э. Фазылов время с XI по XIX в. классифицирует как период староузбекского языка⁴. При этом в свою книгу «Староузбекский язык» он включает и общетюркские хорезмские памятники XIV в., отмечая их важную роль «в процессе образования и развития староузбекского, старотуркменского, старотатарского, старокрымскотатарского, староазербайджанского и староосманского литературных языков»⁵. По мнению А. М. Щербака, староузбекский языковой период начинается с XIV в., а золотоордынский язык, «хотя и хронологически предшествует образованию классического староузбекского языка и имеет своеобразную историю... все же является разновидностью последнего»⁶. З. Б. Мухамедова считает, что

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 3.

² Там же, стр. 221.

³ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. III.

⁴ Э. Фазылов. К истории взаимно-совместного залога в узбекском языке. — В сб.: «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков». Ташкент, 1965, стр. 78.

⁵ Э. Фазылов. Староузбекский язык, т. II. Ташкент, 1971, стр. 9.

⁶ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 19—20.

история собственно туркменского языка начинается с XI в.⁷ На наш взгляд, подобная позиция объясняется попыткой удрежить историю языка, начав ее с той отдаленной эпохи, когда фактически у тюркоязычных народностей индивидуальные языковые признаки еще не сложились. Подобное стремление прослеживается и в трудах некоторых других национальных исследователей. Так, в «Истории Киргизии» авторы вместо того, чтобы констатировать появление в древнетюркском языке специфических киргизских особенностей, основываясь на этом, подразделяют историю языка на следующие этапы: а) древнекиргизский (II—X вв.), б) среднекиргизский (X—XV вв.) и в) новокиргизский (примерно с XV в.)⁸. Известны также попытки рассматривать древнетюркский язык как уйгурский, татарский или турецкий праязык. Предостерегая историков языка от подобных ошибочных стремлений, В. М. Жирмунский ссылался на Е. Д. Поливанова, который в своей работе «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык» (Ташкент, 1933) писал: «Следовательно, общеузбекского праязыка, как такового, никогда не существовало; узбекский язык (как совокупность говоров узбекского коллектива) возник не из дифференциации (диалектологического дробления) некогда единой (или более или менее единообразной) языковой системы, а, наоборот, путем объединения различных в языковом отношении турецких (то есть тюркских. — М. З.) коллективов (на почве усвоения ими единообразной экономической характеристики, т. е. экономических признаков узбекского национального коллектива)»⁹.

Нет единого мнения и в вопросе о начале сложения и характере формирования отдельных тюркских литературных языков, что непосредственно связано с образованием тюркоязычных народностей.

В журнальной статье нет возможности охарактеризовать все высказывавшиеся точки зрения на периодизацию истории тюркских литературных языков¹⁰.

Следует лишь отметить, что в большинстве работ история языка не всегда рассматривается в тесной связи с историей его носителя и не всегда учитывается специфика функционирования и развития народно-разговорного и письменно-литературного вариантов языка в различных социально-экономических условиях.

2. При исследовании истории языка необходимо четко различать особенности развития его устного и письменного вариантов. С появлением экономических, культурных и политических центров (городов) начинает складываться общенародный разговорный язык, который в научной литературе принято называть городским койне. Этому процессу способствует развитие языка фольклора, вбирающего в себя наиболее общие элементы всех разновидностей устной речи. На основе койне или языка фольклора, а иногда и обоих складывается и в течение веков постепенно совершенствуется общенародный разговорный язык.

Общенародный язык на определенном этапе его развития начинает служить основой формирования письменного литературного языка, более подверженного влиянию социально-экономических условий. Этим,

⁷ З. Б. Мухамедова. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. Автореф. докт. дисс. М., 1969.

⁸ «История Киргизии», т. I. Фрунзе, 1963, стр. 249.

⁹ В. М. Жирмунский. О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов. — «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 56.

¹⁰ См.: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 157—183; М. Экиев. Туган тел усеше. Казан, 1967, стр. 25—28; Н. А. Баскаков. О периодизации истории литературного языка «тюрки». — «Лингвогеография, диалектология и история языка». Кишинев, 1973, стр. 137 и др.

собственно, объясняется разная степень близости литературного языка к общенародному в различных социально-экономических условиях. Так, старописьменный литературный язык, сложившийся еще в период дофеодалных формаций, употреблялся обычно в государственно-мемориальных, погребально-культовых надписях и в различных религиозных текстах, но при всех обстоятельствах им пользовался весьма ограниченный круг людей. Этот язык, застыв на каком-то уровне, уже почти не подвергался никаким изменениям в противоположность общенародному языку, находившемуся в постоянном движении, развивавшемся и совершенствовавшемся. Именно поэтому литературный язык сохранял черты, возникшие столетия назад. Так, например, в санскрит (язык религиозных гимнов) полностью запрещалось вносить какие бы то ни было новшества, возникавшие с течением времени в разговорной речи, и в результате он стал мертвым языком. Со временем место санскрита занял новый письменный язык, основанный на тех же литературных нормах, однако значительно более близкий (особенно по лексическому составу) к общенародному языку своей эпохи.

Условия жизни классового общества таковы, что, с одной стороны, общенародный язык почти не подвергается совершенствующему и упорядочивающему воздействию литературных норм, ибо трудящиеся массы, составляющие большинство населения, испытывая социальный, а нередко и национальный гнет, лишены возможности приобщения к культуре, создаваемой на современном им письменном литературном языке. С другой стороны, и письменный язык в результате общественного развития все больше отдаляется от общенародного, ибо письменный язык является привилегией лишь высших слоев населения и литература создается применительно к их вкусам и требованиям. Народная речь третируется как «язык улицы» и «язык черни». Данное положение усугубляется и тем, что нередко грамотные люди в процессе обучения подвергаются сильному влиянию иноязычной культуры и, естественно, начинают со временем вводить в родной письменный язык неоправданные заимствования, тем самым еще более отдаляя его от народной основы. Все это приводит в классовом обществе к значительным расхождениям между разговорной и письменной формами языка. Данное положение наглядно проявляется и в современных капиталистических странах. «Эти расхождения настолько разительны, например, в английском и французском языках, что даже сами французы и англичане признают это „национальным бедствием“»¹¹.

Письменный язык, становясь, таким образом, все менее пригодным для общения, начинает постепенно вытесняться другим, новым письменным языком, хоть и основанным на положительных традициях старого письменного языка, но значительно более близким к общенародному языку. Почти все старописьменные литературные языки пережили такой процесс замены по несколько раз. Смена письменных языков особенно характерна для периода формирования национальных языков. Это можно проследить на примерах французского, немецкого, русского, тюркских и других языков. Любопытно, что Ф. Энгельс, выступая против использования старого письменного языка, писал: «Относительно пуриста, который ратует против нашего стиля... Тот немецкий язык, о котором он мечтает и который нам вколачивали в школе..., таков, что мне понадобилось тридцать лет, чтобы отучиться от него. Этот бюрократический язык, ставший господствующим, был чужд народу, и он не мог не остаться таковым».

¹¹ «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1972, стр. 319.

тический немецкий язык школьных учителей... исчезает теперь даже в Германии... немецкое построение фразы вместе с правилами расстановки знаков препинания в том виде, как их преподавали в школах 40—50 лет тому назад, стоят лишь того, чтобы бросить их в мусорный ящик. Так с ними и поступают в Германии»¹². Изменения, происходившие во французском письменном языке, также не остались вне его внимания. В 1873 г. Ф. Энгельс писал К. Марксу: «На этом современном скованном правилами французском языке становится все более невозможным высказывать мысли. Перестановка предложения, к которой принуждают правила педантичной формальной логики, отнимает у изложения всякую яркость, всякую живость...»¹³.

Итак, капиталистические отношения в обществе стимулируют приближение литературных норм и общенародного языка, однако условия для их всестороннего благотворного влияния друг на друга еще отсутствуют.

Взаимообогащающие отношения между общенародным разговорным и письменным литературным вариантами языка могут сложиться только в бесклассовом обществе. С одной стороны, литературный язык, отличающийся более развитой обработанной формой, хоть и имеющей тенденцию к отдалению от общенародного языка, специалисты постепенно сознательно приближают к последнему. Это объясняется тем, что в условиях массовой грамотности общество остро нуждается в коммуникативно пригодном литературном языке. Таким языком может быть лишь литературный язык, близкий по своим основным нормативным показателям общенародному. С другой стороны, общенародный разговорный язык, испытывая благотворное влияние письменных литературных норм, совершенствуется и обогащается, ибо каждое новое поколение воспитывается на письменном литературном языке и поэтому является активным носителем литературных норм, неизбежно вытесняющих из его речи узкодиалектальные элементы.

Таким образом, развитие общенародного и литературного вариантов языка не всегда происходит по одной линии, и характер их взаимоотношений складывается в зависимости от практических условий их применения. При периодизации истории развития языка обязательно должно учитываться и это обстоятельство.

3. Особенной популярностью пользуется общая периодизация истории языка, предложенная Н. А. Баскаковым¹⁴, однако в ней периоды развития народно-разговорного и письменно-литературного вариантов языка не разграничиваются.

Наиболее древние письменные памятники, дошедшие до нас, относятся к VIII в. Однако это вовсе не говорит о том, что письменный язык тюрков возник лишь в эту эпоху. Есть основания полагать, что язык этот формировался гораздо ранее, может быть, даже в так называемую хуннскую эпоху. Известно, что хунны находились в тесном контакте с китайцами. Очевидно, именно тогда возникло тюркско-китайское двуязычие, нашедшее впоследствии отражение в рунических памятниках¹⁵. Известно также, что китайцы имели письменный язык уже в древности. При тесном контакте двух языков наличие письменной формы у одного

¹² «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I. М., 1957, стр. 80.

¹³ Там же, стр. 83.

¹⁴ Н. А. Баскаков. Введение., стр. 148.

¹⁵ Э. Р. Тенишев. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 45.

из них не могло не привести к появлению письменности и в другом. Кроме того, не следует забывать, что, по мнению многих специалистов, язык орхоно-енисейских памятников характеризуется высокой степенью обработанности. Чтобы достигнуть этого, данный узкофункциональный язык должен был иметь многовековую традицию. Таким образом, есть все основания полагать, что письменный тюркский язык сложился задолго до VIII в., может быть даже, как уже отмечалось выше, в хуннскую эпоху, причем у самих хуннов и усуней, или канглы. Однако прямых доказательств этого нет. Поэтому категорически утверждать это нельзя. Именно этим следует объяснить то, что многие филологи и историки датируют указанный период V—VI вв., и с ними нельзя не согласиться. Следовательно, первый период развития тюркского письменно-литературного языка, именуемый обычно древнетюркским, начинается V—VI вв. н. э. и завершается IX—X вв. Этот, так сказать, филологический период совпадает и с древнетюркским историческим периодом, устанавливаемым учеными согласно историко-археологическим данным. Так, А. Д. Грач пишет: «Хронологические границы древнетюркского времени охватывают период с VI в. по первую четверть X в., т. е. эпоху существования не только могущественных каганатов тугю, но и государств уйгуров и енисейских кыргызов»¹⁶.

Древнетюркскую эпоху Н. А. Баскаков, в свою очередь, делит на три периода: тукуюский (VI—VIII вв.), древнеуйгурский (VIII—IX вв.) и древнекиргизский (IX—X вв.)¹⁷. Однако названия этих периодов не дают еще права считать, например, древнеуйгурский язык праязыком лишь одного современного уйгурского, так же как и видеть в древнекиргизском праязык современного киргизского языка. Это было бы игнорированием многовековых этнических, этнонимических и глоттогонических процессов. Следует учитывать еще и то обстоятельство, что в этот период «смена одного каганата другим свелась в основном к смене политической гегемонии»¹⁸ и что «племена, обитавшие в древнетюркское время на очень отдаленных друг от друга территориях, были объединены широкими экономическими и культурными связями»¹⁹. К тому же можно полагать, что письменный язык того времени, которым пользовалась лишь верхушка общества, имел сильно выраженный наддиалектный характер и переходил от поколения к поколению почти без изменений. Об этом говорят специальные исследования, проведенные В. Г. Кондратьевым, который пишет: «Таким образом, языки памятников орхоно-енисейской письменности и древнеуйгурских памятников имеют очень много общих элементов... Различия между указанными группами памятников очень незначительны... Исследование грамматического строя языка памятников позволяет прийти к следующему выводу: в обеих группах памятников нашел отражение единый язык, бытовавший на территории Центральной Азии в течение нескольких столетий»²⁰. Итак, древнетюркский письменный язык имел ясно выраженный наддиалектный характер, и тукуюский, древнеуйгурский и древнекиргизский периоды его имеют в виду скорее смену политических гегемоний,

¹⁶ А. Д. Грач. Хронологические и этно-культурные границы древнетюркского времени. — «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 189.

¹⁷ Н. А. Баскаков. Введение., стр. 157.

¹⁸ А. Д. Грач. Указ. раб., стр. 188.

¹⁹ Там же, стр. 192.

²⁰ В. Г. Кондратьев. Об отношении языка памятников орхоно-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников. — «Советская тюркология», 1973, № 3, стр. 26.

нежели изменение языковых норм. Поэтому древнетюркский язык следует рассматривать как источник для изучения истории всех тюркских языков.

В X в. в результате дальнейшего развития, расширения и последующего разложения военных союзов тюркских племен на территории Восточного Туркестана, Семиречья и Южного При Тяньшанья складывается Караханидское раннефеодальное государство с политическими и культурными центрами в Кашгаре и Баласагуне. В них формируется общегородское тюркское койне, легшее в основу общенародного разговорного языка. Поскольку тюркские племена, обитавшие на весьма отдаленных друг от друга территориях, поддерживали между собой широкие экономические и культурные связи, формирование общенародного разговорного языка в Караханидском государстве проходило под сильным влиянием общенародных тюркских языков других регионов (причем большую роль при этом играл язык фольклора), хотя основу его и составлял общий разговорный язык уйгуро-карлукских племен. Если учитывать еще и вообще близость тюркских языков между собой, то можно понять, почему общенародный разговорный язык караханидов стал в известной мере общенародным для основных регионов тюркского мира того времени. Следовательно, во-первых, в результате возникновения раннефеодальных государств общенародный разговорный язык, на основе которого сложился письменный литературный вариант, получает дальнейшее развитие, а именно: он выходит за рамки центральноазиатского ареала. Во-вторых, в X в. на смену буддизму и язычеству приходит ислам, с устойчивыми традициями в области культуры и письменности. В итоге руническая письменность вытесняется арабским письмом. В новых общественных условиях круг лиц, использующих письменный язык по сравнению с прошлым, значительно увеличивается, расширяется и сфера применения этого языка. Это приводит к тому, что древнетюркский письменный язык, базу которого составлял общеплеменный язык центральноазиатского ареала, достаточно далекий от общенародного языка, теряет свое значение. Возникает необходимость в обновлении литературного языка. В течение X—XI вв. на основе сложившихся лексических и грамматических норм древнетюркского литературного языка, в результате обогащения его лексическими единицами общенародного языка Караханидского государства, а также арабскими и персидскими словами, формируется новый тюркский письменный язык, тоже с сильно выраженным наддиалектным характером. Об этом языке А. Н. Самойлович писал: «Древнейшая турецкая (то есть тюркская. — М. З.) литература мусульманской эпохи совершенно определенно связана с турецкой (тюркской. — М. З.) литературой предшествующей эпохи и именно с той ее частью, в которую входят памятники преимущественно манихейские на смешанном западном языке... и один памятник мусульманский, первый из нам известных (XI в.), — „Кутадгу билиг“... В мусульманскую эпоху этот язык стал еще более смешанным, усвоив себе в различных размерах прежде всего языковые элементы западно-огузских наречий, а затем и некоторых других»²¹.

Что касается названия этого языка, то следует отметить, что называют его по-разному: литературным языком мусульманской эпохи, среднетюркским, древнетюркским, староузбекским, старотюркским, ран-

²¹ А. Н. Самойлович. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями. — «Советская тюркология», 1973, № 5, стр. 110.

несредневековым уйгурским, *тюрки* и т. д. Пожалуй, самым распространенным является *тюрки*. Однако так назывался и литературный язык в период с X по XIX в. Чтобы отличать *тюрки* друг от друга, литературный язык среднетюркской эпохи, в отличие от древнетюркского, называется старотюркским. Если сравнивать историю тюркских языков с историей славянских, то обращает на себя внимание любопытная деталь: тюркологи самый ранний период истории языка называли древним, а средний период — старым, слависты же, наоборот, ранний период именуют старым (старославянский), средний — древним (древнерусский).

Старотюркский литературный язык, возникший в Караханидском государстве, «вскоре распространился на всей территории мусульманского тюркского мира»²². До XV в. этот письменный язык был общим для всех тюрков, живших в Караханидском государстве, Волжской Булгарии, в сельджукском объединении, Золотой Орде, Дешт-и Кыпчак и т. д. Общий (смешанный, наддиалектный) характер этого языка объясняется объективными причинами. Во-первых, в связи с образованием больших раннефеодальных государств началось формирование крупных старотюркских народностей, которые к концу рассматриваемого периода в результате феодальных междоусобиц (так же, кстати, как и древнерусская народность) распались на более мелкие. Формирование более крупных народностей сыграло определенную роль в сохранении традиций общих литературных норм тюркского письменного языка. Во-вторых, этому немало способствовали особенности арабского письма, в котором, как известно, система гласных не находит полного отражения в графике, и поэтому одно и то же слово в различных диалектных окружениях произносилось и читалось по-разному. Здесь же, между прочим, кроется ответ и на часто возникающий вопрос: как транскрибировать то или иное произведение общего старотюркского языка, например, «Махаббат-наме» Хорезми, — в соответствии со среднеазиатским произношением или же произношением региона Волги и Урала? Если учесть вышесказанное, то придется признать, что памятники следует транскрибировать по региональным произносительным нормам общенародных разговорных языков того времени. В-третьих, общий характер языка объясняется и тем, что в условиях классовой формации он не мог служить в равной мере всем слоям общества. Язык литературных сочинений описываемого периода изобиловал персидскими и арабскими заимствованиями и древнетюркскими архаизмами. Именно поэтому иногда трудно понять, черты какого (своего или чужого) диалекта являются характеризующими для того или иного автора. Об этом же говорит и то, что, например, в центре Золотой Орды языком официального общения был кыпчакский, однако в документах употреблялся язык, насыщенный огузскими элементами.

Попытки же выделить из старотюркского языка огузский, кыпчакский, болгарский, хорезмский, уйгурский, чагатайский языки, а также языки среднеазиатского, волго-уральского региона и т. д. в свете сказанного следует признать весьма условными. Памятники X—XV вв., именуемые старотюркскими, должны быть поэтому признаны общим достоянием и стать предметом изучения при исследовании истории литературы и языка всех тюркоязычных народов (кроме, может быть, чу-

²² Н. А. Баскаков. О периодизации..., стр. 141.

вашского и якутского). Такого мнения придерживаются многие известные тюркологи, ведущие исследования в общетюркологическом плане²³.

В XV—XVI вв. в составе более крупных старых народностей в результате их распада формируются современные народности и их общенародные разговорные языки. Однако в условиях феодального общества еще не возникает общественная потребность в массовом письменном применении общенародных языковых норм. Круг грамотных и сфера использования письменного языка по сравнению с прошлым расширяются весьма незначительно. Применение на письме доступной всем простой народной речи продолжает считаться недостойным и даже греховным. Несмотря на формирование отдельных народностей со своим собственным общенародным разговорным языком, господствующий класс считает более приемлемым для себя и целесообразным применение на письме малодоступного народу языка, то есть общего старотюркского письменного языка. Однако пользование им отдельными народностями приводит, естественно, к тому, что он с течением времени в какой-то степени все же начинает обогащаться за счет локальных особенностей разговорного языка. Таким образом, в XV—XVI вв. образуются локальные варианты старотюркского литературного языка, получившие впоследствии соответственно наименования: староузбекский, старотурецкий, староазербайджанский, старотатарский, старотуркменский письменные литературные языки.

Старые письменные литературные языки, в силу вышеуказанных причин, по всем показателям были ближе друг к другу, нежели к соответствующим общенародным разговорным языкам. Характеризуя отдельные старотюркские литературные языки XV—XIX вв., Н. А. Баскаков отмечает: «... локальные варианты „тюрки“, содержащие до 80% заимствованной арабской и персидской лексики, составляющей своеобразный „интернациональный“ фонд, были весьма близки друг к другу и понятны для всех тюркских народов, пользовавшихся этими локальными вариантами»²⁴.

Период функционирования локальных вариантов *тюрки*, то есть отдельных старотюркских литературных языков, охватывает XV—XIX вв.

В конце XIX и в первой четверти XX в. среди некоторых тюркских народностей (например, азербайджанцев и казанских татар) определенное развитие получают капиталистические отношения, и в связи с этим появляются условия для формирования буржуазных наций. Возникает необходимость в увеличении числа грамотных людей и расширении сферы употребления письменного языка. В этих условиях старый, малопонятный письменный литературный язык становится непригодным для массового использования. Появляется общественная потребность в письменном употреблении общенародного разговорного языка, формировавшегося в виде городского койне или языка фольклора. При этом грамматические и стилистические нормы старого письменного языка обычно сохранялись. Таким образом, на основе общенародного разговорного языка и доступных народу традиций старописьменного языка складывается национальный письменный литературный язык. У многих

²³ См.: Н. А. Баскаков. Указ. работы; Э. Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века. Автореф. докт. дисс. М., 1965; А. К. Кырышжанов. Язык старокыпчакских письменных памятников. XIII—XIV вв. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1973; А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатского турецкого языка. — В сб.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928.

²⁴ Н. А. Баскаков. О периодизации..., стр. 138.

тюркоязычных народов такой язык сформировался лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

В условиях капиталистического общества национальный литературный язык, несмотря на свою относительную близость к общенародному разговорному языку, имеет тенденцию к развитию в сторону отдаления от общенародных основ. Это объясняется тем, что в классовом обществе литературный язык обслуживает в основном образованные слои населения, а получение образования все еще остается привилегией имущих классов.

Лишь в условиях бесклассового общества в результате массовой грамотности населения национальный письменный литературный язык функционирует и развивается в тесном благотворном взаимодействии с общенародным разговорным языком. Национальный письменный литературный язык впервые становится подлинно всенародным средством общения. Поэтому в истории развития литературных языков тюркоязычных народов СССР послеоктябрьский период является качественно новым.

На основе всего изложенного мы считаем возможным выделить в истории развития тюркских письменных литературных языков следующие периоды: 1) древнетюркский (VI—X вв.); 2) общий старотюркский, то есть период *тюркí* (XI—XIV вв.); 3) период отдельных старотюркских народных литературных языков, иначе говоря, локальных *тюркí* (XV—XIX вв.); 4) период отдельных новотюркских национальных языков (вторая половина XIX в. — первая четверть XX в.) — этот период выделяется только для тех тюркских литературных языков, национальные нормы которых начали складываться еще до Великой Октябрьской социалистической революции; 5) послеоктябрьский период развития национальных тюркских языков.

Н. НАРТЫЕВ

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос определения в тюркских языках сложного, в частности, сложноподчиненного предложения, — один из наиболее спорных¹.

Еще в середине XIX в. М. А. Казембек, рассматривая функции причастий, деепричастий и отглагольных имен, называл последние «сокращенными придаточными предложениями»². Такая точка зрения возникла под влиянием ошибочной теории «сокращенного придаточного предложения», господствовавшей в то время в индоевропеистике.

А. Троянский не употреблял в своих исследованиях термина «сложное предложение», а пользовался выражением «сочетание предложений» и анализировал функции некоторых союзов, деепричастий и причастий, связующих предложения³. А. Троянский не подразделял также сложные предложения на сочиненные и подчиненные.

В «Грамматике алтайского языка»⁴ сложные предложения исследовались уже шире, хотя предложения с деепричастными оборотами рассматривались не как сложные, а как переходные между простым и сложным предложением.

Сложные предложения в алтайском языке составителями «Грамматики» подразделялись на две группы: «опредетельные» и «зависимые или дополнительные предложения»⁵. В разделе «Опредетельные предложения»⁶ структура предложения алтайского языка разбиралась на основе перевода его на русский язык. Если тот или иной оборот при переводе соответствовал определительному придаточному предложению в русском языке, то и в алтайском языке он считался придаточным предложением; например: *Пашкы тужунда јер туткан бій болгом, ел билген каан болгом* 'В прежнее время я был князем, который владеет землею, я был царем, который управляет народом'⁷.

В разделе «Зависимые предложения» утверждалось, что русские придаточные предложения в алтайском языке могут быть выражены при помощи причастий или, вернее, отглагольных имен. Следовательно, причастия (отглагольные имена), склоняющиеся по всем падежам и упот-

¹ «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958.

² См.: М. А. Казембек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846, стр. 439—441.

³ А. Троянский. Краткая татарская грамматика. Казань, 1860, стр. 87.

⁴ «Грамматика алтайского языка». Казань, 1869.

⁵ Там же, стр. 190.

⁶ Там же, стр. 190—199.

⁷ Там же, стр. 191.

реблющиеся с послелогоми, при переводе соответствуют придаточным предложениям и семантически исследуются как придаточные предложения; например: *Иштенгеним енем биле адама, ѳргененим бойума* 'Что я работаю, это для отца и матери; а учусь, это для себя'⁸. То есть данный вопрос рассматривался чисто логически. Однако известно, что придаточное предложение — категория не логическая, а грамматическая. Поэтому было бы ошибочным определять сложноподчиненное предложение, основываясь лишь на семантике или же на соответствии алтайских оборотов при переводе русским придаточным предложением. Поскольку придаточное предложение образуется на основе внутренних законов грамматического строя каждого языка, структура того или иного сложного предложения должна определяться строем именно этого языка.

П. М. Мелиоранский, говоря о функциях причастий и деепричастий, отмечает, что они активно употребляются при образовании придаточных предложений при обязательном наличии самостоятельных подлежащих⁹. П. М. Мелиоранский считал, что причастия могут быть сказуемыми определительных придаточных предложений¹⁰.

Ученый указывал также, что логическое подлежащее в определительных придаточных предложениях может стоять в именительном или родительном падеже. Это подтверждается словосочетанием *уру урлаган ат* или *урунуң урлаган аты* 'лошадь, украденная вором'¹¹. Подобные словосочетания грамматически не могут быть придаточными предложениями, ибо предикативное отношение в них не прослеживается.

В известных работах Н. Ф. Катанова¹², Н. И. Ашмарина¹³, А. Н. Самойловича¹⁴, В. А. Гордлевского¹⁵ большое внимание уделяется сложноподчиненным предложениям. Однако большинство рассматриваемых этими учеными придаточных предложений являются причастиями и отглагольными именами. Вряд ли можно считать сложноподчиненным предложение *ایسته دیکیک اتی که تیر دیم* [букв. 'Желаемое тобой мясо я принес'. — Н. Н.], то есть 'Я принес мясо, которое ты желала'¹⁶, где отглагольное имя *ایسته دیکیک* [букв. 'желаемое тобой'] в переводе на русский язык соответствует придаточному предложению 'которое ты желала'. На наш взгляд, такой оборот нельзя считать придаточным предложением, ибо в нем не находит выражения предикативное отношение, и поэтому это скорее развернутый член предложения. Следует подчеркнуть, что в вышеназванных работах основной упор делается не на грамматическую структуру предложения, а на его семантику, причем на основе перевода на другой (в данном случае — русский) язык. Это препятствовало раскрытию самобытных особенностей изучаемого языка, грамматический строй определялся на основании критериев языка, относящегося к совершенно иной системе.

А. Н. Самойлович в дальнейшем изменил свою точку зрения на сложноподчиненные предложения. Если ранее причастные, деепричаст-

⁸ «Грамматика алтайского языка», стр. 200.

⁹ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, часть II. Синтаксис. СПб., 1897, стр. 35.

¹⁰ Там же, стр. 45.

¹¹ П. М. Мелиоранский. Указ. раб., стр. 47.

¹² Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня, т. I—II. Казань, 1903.

¹³ Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса, часть I. Казань, 1903.

¹⁴ А. Н. Самойлович. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916.

¹⁵ В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928.

¹⁶ А. Н. Самойлович. Указ. раб., стр. 100.

ные и отглагольно-именные обороты ученый считал придаточными предложениями, то теперь, по его мнению, они могут быть придаточными предложениями лишь при условии наличия «особого грамматического подлежащего»¹⁷. В других случаях все перечисленные обороты рассматриваются только как развернутые члены простого предложения.

Н. К. Дмитриев строго осуждал применение так называемого «метода перевода» при изучении структуры сложноподчиненных предложений в тюркских языках¹⁸. По его мнению, развернутые члены предложения в башкирском языке, хотя и соответствуют логически придаточным предложениям в русском, синтаксически относятся к совершенно иной категории. Поэтому соответствующие предложения башкирского языка могут и соответствовать, и не соответствовать сложноподчиненным предложениям русского языка. Какие же предложения считать придаточными в башкирском языке? Н. К. Дмитриев считал, что для придаточного предложения необходимы: 1) выражение относительно самостоятельной мысли; 2) собственные подлежащее и сказуемое, выраженные в предикативной форме — *verbum finitum*¹⁹.

Следует отметить, что в вопросе выделения придаточных предложений в тюркских языках Н. К. Дмитриев стоял на правильных позициях. Большинство предложений с причастиями и деепричастиями он не считал сложными предложениями, ибо они не отвечают основным требованиям, предъявляемым к придаточным предложениям²⁰.

Однако, как справедливо отмечает Г. Д. Санжеев, Н. К. Дмитриев напрасно отступил от своей правильной мысли, пытаясь «обосновать» противоречащий ей тезис²¹: «Из среды причастных и деепричастных оборотов мы склонны выделить такие, в которых при причастии или деепричастии имеется свое грамматически выраженное подлежащее, отличное от подлежащего остальной части фразы. Хотя такие обороты и не удовлетворяют одному из выставленных выше основных признаков придаточного (сказуемое в одной из форм, выражающих лицо), однако мы склонны считать их тоже придаточными, хотя и переходного типа: в этом типе отсутствие сказуемого в форме, обозначающей лицо, как бы компенсируется отчетливо выраженным грамматическим (и логическим) подлежащим»²².

Эта мысль не нова. Аналогичную точку зрения высказывали П. М. Мелиоранский и А. Н. Самойлович. Мнение о том, что при наличии самостоятельного подлежащего неличные конструкции должны считаться придаточными предложениями, поддерживается также Н. З. Гаджиевой²³, Э. В. Севортяном²⁴, Э. А. Груниной²⁵, Г. А. Абдурахмановым.

¹⁷ А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 101.

¹⁸ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 244.

¹⁹ Там же, стр. 245.

²⁰ Там же, стр. 245—246.

²¹ См.: Г. Д. Санжеев. Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка. — «Вопросы узбекского языкознания». Ташкент, 1952, стр. 56.

²² Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 247.

²³ Н. З. Гаджиева. Критерии выделения придаточных предложений в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1957, № 3.

²⁴ Э. В. Севортян. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть III. Синтаксис». М., 1961, стр. 122—134.

²⁵ Э. А. Грунина. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. — Там же, стр. 135—163.

вым²⁶, М. А. Аскаровой²⁷, У. Б. Алиевым²⁸, Г. Г. Саитбатталовым²⁹, М. З. Закиевым³⁰ и другими лингвистами.

Н. З. Гаджиева придерживается мнения, что сказуемое придаточного предложения может иметь неличную форму, то есть быть причастием, деепричастием и отглагольным именем, неличные конструкции выступают придаточными предложениями лишь при наличии самостоятельного подлежащего. При этом Н. З. Гаджиева подчеркивает, что даже наличие самостоятельного подлежащего еще не достаточно для образования придаточного предложения во всех языках, и останавливается на анализе функции формы *-уап||-ап* в каждом из конкретных языков. Она заключает, что в языках кыпчакской группы эта форма более склонна к предикации, нежели в языках огузских. Поэтому Н. З. Гаджиева не считает сложноподчиненными предложениями в азербайджанском языке (несмотря на наличие самостоятельного подлежащего) предложения типа: *Балкэ масэлэни сиз истэйэн вахта гэдэр узатмаг мүмкүн олду* 'Может быть, вопрос можно было бы отложить до того времени, которого вы хотите'³¹. Таким образом, Н. З. Гаджиева в какой-то мере отходит от собственного положения о том, что неличные формы могут быть сказуемым придаточного предложения, что, по нашему мнению, лишний раз свидетельствует о внутренней противоречивости ее позиции. На самом деле неличные формы в языках не только огузской, но и кыпчакской группы не могут выступать сказуемым придаточного предложения, ибо в них не находит выражения предикативное отношение. Так же как нельзя выявить грамматическое сказуемое в причастных и деепричастных оборотах, так же невозможно выделить и грамматическое подлежащее, ибо они теснейшим образом взаимосвязаны. Причастия, деепричастия и отглагольные имена не выражают лица, а следовательно, и не могут употребляться вместо личных форм глаголов.

Н. П. Дыренкова³², А. Н. Кононов³³, Н. А. Баскаков³⁴, М. Ш. Ширалиев³⁵ и другие лингвисты считают придаточными предложениями только те, сказуемые которых выражены личной формой глагола.

А. Н. Кононов, исследующий сложное предложение в тюркских языках на грамматической основе, отглагольные имена, причастия, деепричастия, рассматриваемые во многих работах как придаточные предложения, относит к развернутым членам предложения³⁶. Исходя из грам-

²⁶ Ф. Абдурахмонов. Кўшма гап синтаксиси асослари. Тошкент, 1958.

²⁷ М. Аскарова. Ҳозирги замон ўзбек тилида кўшма гаплар. Тошкент, 1960.

²⁸ У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения карачаево-балкарского языка. Автореф. докт. дисс. Нальчик, 1960.

²⁹ Г. Г. Саитбатталов. Синтаксис сложного предложения башкирского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963.

³⁰ М. З. Закиев. Хэзерге татар әдәби теле (синтаксис). Казан, 1966.

³¹ Н. З. Гаджиева. Типология придаточных предложений в современном азербайджанском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть III. Синтаксис». М., 1961, стр. 166.

³² Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 286; *её же*. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 298—301.

³³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956; *её же*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.

³⁴ Н. А. Баскаков. Структура простого предложения тюркских языков. — «Труды Института языка и литературы АН Киргизской ССР». Выпуск VI. Фрунзе, 1956, стр. 81—97; *её же*. Словосочетания в каракалпакском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть III. Синтаксис». М., 1961, стр. 50—61.

³⁵ М. Ш. Ширалиев. Сложноподчиненное предложение в азербайджанском языке. — «Вопросы языкознания», 1956, № 1, стр. 93—99.

³⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 437—488.

матического строя изучаемого языка, А. Н. Кононов доказывает, что в данном случае говорить о придаточном предложении никаких оснований нет.

Н. А. Баскаков, исследовавший структуру сложного предложения каракалпакского языка, приходит к следующему выводу: «Итак, к сложным относятся только такие предложения, в составе которых имеется два или более сказуемых, выраженных личными формами глагола (*verbum finitum*)»³⁷.

Это положение нельзя не признать справедливым, ибо отличить сложное предложение от простого, основываясь только на семантике, нельзя. Н. А. Баскаков при этом отмечает, что, хотя в каракалпакском языке простые предложения с развернутыми членами и соответствуют логически сложноподчиненным предложениям, по грамматической структуре они не выходят из сферы простого предложения³⁸.

М. Ш. Ширалиевым предложены критерии определения сложноподчиненных предложений в азербайджанском языке и различения их от всевозможных оборотов. По мнению М. Ш. Ширалиева: 1) придаточные предложения должны выражать относительно законченную мысль; 2) сказуемые придаточных предложений обязательно должны употребляться в личной форме; 3) связь придаточного предложения с главным должна осуществляться с помощью союзов, союзных слов и условной формы глаголов³⁹. Мысль о том, что сказуемое придаточных предложений должно быть выражено личной формой глагола, убедительно доказывается на материале азербайджанского языка также А. З. Абдуллаевым⁴⁰.

Проблема сложноподчиненного предложения в тюркских языках находит различное освещение и в работах зарубежных ученых. Г. Вейл не считает неперенным условием существования придаточного предложения наличие сказуемого, выраженного личной формой глагола. Поэтому причастия, деепричастия и отглагольные имена рассматриваются им как придаточные предложения, например: *او اودن چيقان افند ينيك* «Как зовут господина, вышедшего из того дома?»⁴¹.

Ж. Дени считает придаточными предложениями только те, сказуемые которых выражаются личной формой глагола. По его мнению, придаточные предложения, в турецком языке, например, употребляются крайне редко⁴², и придаточным предложениям индоевропейских языков в турецком языке соответствуют «мнимые предложения» (*quasi-propositions*)⁴³. Особенностью придаточных предложений, полагает Ж. Дени, является то, что их сказуемое употребляется в личной форме⁴⁴. Сопоставляя синтаксисы турецкого и французского языков, ученый приходит к заключению, что французский синтаксис имеет аналитический характер, а турецкий — синтетический⁴⁵. Однако внимательное изучение

³⁷ Н. А. Баскаков. Сложное предложение в каракалпакском языке. — «Исследования...», стр. 230.

³⁸ Н. А. Баскаков. Предложения с развернутыми членами в каракалпакском языке. — Там же, стр. 121.

³⁹ М. Ш. Ширалиев. Указ. раб., стр. 96.

⁴⁰ А. З. Абдуллаев. Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963.

⁴¹ Gotthold Weil. Grammatik der Osmanisch-Türkischen Sprache. Berlin, 1917, стр. 231.

⁴² J. Deny. Grammaire de la Langue Turque (Dialecte Osmanli). Paris, 1921, стр. 823.

⁴³ Там же, стр. 824.

⁴⁴ Там же, стр. 861.

⁴⁵ Там же.

тюркских языков, в том числе и туркменского, не подтверждает этого. Хорошо известно, что синтаксической связи в тюркских языках свойственны все способы: аналитический, синтетический и аналитико-синтетический.

Таким образом, взгляды исследователей-тюркологов на сложноподчиненное предложение в тюркских языках подразделяются на три основные группы:

1) к первой группе относятся те (М. А. Казембек, Н. Ф. Катанов, Н. И. Ашмарин, В. А. Гордлевский и др.), кто считает причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты придаточными предложениями, независимо от наличия самостоятельных подлежащих;

2) ко второй группе (П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович, Н. К. Дмитриев, Н. З. Гаджиева и др.) — те, кто полагает, что при наличии самостоятельного подлежащего, стоящего в именительном падеже, соответствующие обороты (по П. М. Мелиоранскому — только деепричастия) могут считаться придаточными предложениями;

3) к третьей группе (Н. П. Дыренкова, А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, М. Ш. Ширалиев и др.) — сторонники следующего взгляда: придаточным может считаться только такое предложение, в котором сказуемое выражается в личной форме.

Итак, в тюркологии существуют три точки зрения на проблему сложноподчиненного предложения.

Первая точка зрения не учитывает грамматических особенностей причастных, деепричастных и отглагольно-именных оборотов, а также такие грамматические понятия, как подлежащее и сказуемое, образующие ядро предложения. При этом ошибочно считается, что логическое соответствие суждению — достаточное условие для того, чтобы эти обороты классифицировать как придаточные предложения. Если согласиться с этим, то все развернутые члены также придется считать придаточными предложениями. Таким образом, становится невозможным выявление в них грамматических подлежащего и сказуемого; стирается и грань между придаточными предложениями и развернутыми членами предложения. Главным критерием здесь становится не грамматическая структура предложения, а его семантика, которая, как известно, едина для всех языков. При этом национальные особенности языков как бы отходят на второй план и определяющим становится логическое начало, общее для всех языков.

Вторая точка зрения, ставя условием наличие самостоятельного подлежащего в придаточном предложении, только усложняет вопрос, приводя в конечном итоге к решению чисто условному и внутренне во многом противоречивому.

Во-первых, в сложноподчиненных предложениях вовсе не требуется обязательного наличия самостоятельного подлежащего в придаточном предложении: подлежащее может быть общим для главной и придаточной части сложноподчиненного предложения.

Во-вторых, наличие подлежащего определяется сказуемым. Если в придаточном предложении есть сказуемое, то имеется и подлежащее, ибо они грамматически взаимосвязаны.

В-третьих, то, что именуют «самостоятельным подлежащим», грамматически подлинным подлежащим не является. Ибо это — логический субъект.

В-четвертых, условием существования придаточного предложения является наличие сказуемого в личной форме. Однако причастия, деепричастия, отглагольные и предикативные имена и некоторые мо-

дальние слова не могут образовать придаточного предложения даже при наличии самостоятельного подлежащего (субъекта), так как они не имеют личной формы.

Первую и вторую точки зрения сближает между собой логический подход к решению вопроса. Поэтому они могут быть объединены в одну группу.

На чем же основываются сторонники первой и второй точек зрения, считая причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты придаточными предложениями?

В-первых, они исходят из семантики оборотов: если она логически соответствует суждению, то обороты считаются придаточными предложениями. Однако суждение и предложение, как известно, не одно и то же. Грамматика изучает не содержание предложения, а его структуру и форму⁴⁶.

Во-вторых, они основываются на логическом сказуемом и логическом подлежащем в предложениях. Сторонники второй точки зрения даже требуют наличия самостоятельного подлежащего, стоящего в именительном падеже. Но, независимо от того, имеют анализируемые конструкции подлежащее или нет, они не могут быть придаточными предложениями, хотя бы только потому, что это подлежащее не является грамматическим.

В-третьих, они утверждают, что неличные формы — причастия, деепричастия и отглагольные имена — могут употребляться вместо личных форм глагола. В действительности же ни личные формы не могут употребляться в функции неличных форм, ни неличные — в функции личных.

В-четвертых, считается, что сказуемое простого предложения может быть выражено неличными формами, то есть именами, а следовательно, и сказуемое придаточного предложения может быть именным. Однако суть не в том, является ли сказуемое глагольным или именным, а в том, выражает ли оно лицо. В некоторых случаях наличие личных окончаний совсем не обязательно, ибо они тогда подразумеваются и все равно выражают предикативное отношение.

В-пятых, утверждается, что причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты, считающиеся придаточными предложениями, якобы образовались в результате «расширения и развития членов» простого предложения. Однако известно, что эти конструкции активно употреблялись в языках памятников древнетюркской письменности еще в VIII веке: *Ачiм каган олуртукда, ѳзiм тардуш будун ѳзi шад артiм* 'Когда сидел на престоле мой дядя — каган, я сам был надом над народом тардуш'⁴⁷.

В-шестых, то, что сказуемым придаточного предложения могут быть неличные формы, объясняется внутренними особенностями тюркских языков. Правда, в тюркских языках причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты употребляются довольно часто. Однако они встречаются и в других языках, например, русском, английском, французском, лезгинском.

В-седьмых, вопрос о придаточном предложении расценивается как чисто терминологический, с чем, конечно, также по понятным причинам нельзя согласиться.

Третья точка зрения заключается в том, что при определении придаточных предложений в тюркских языках необходимо исходить из грам-

⁴⁶ В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). — «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 389.

⁴⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 30—38.

матического строя этих языков. При этом за основу берется не семантический, а грамматический критерий, то есть предикативное отношение, выраженное личной формой глагола.

Что же касается определения сложноподчиненного предложения в туркменском языке, то здесь существовало два мнения.

Согласно первому из них (М. Гельдыев, Г. Алпаров⁴⁸, Х. Деряев⁴⁹ и др.), причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты считаются придаточными предложениями, независимо от наличия или отсутствия в них самостоятельного подлежащего; например: *Dyjn ejimizde bir aaz iış bolmagyna gore, men mektebe gelip bilmedim* 'Ввиду того, что вчера дома было немного работы, я не смог прийти в школу'⁵⁰ (букв. 'Из-за занятости вчера небольшой работой дома я не смог прийти в школу').

Согласно второму мнению (А. П. Поцелуевский⁵¹, А. М. Аннануров⁵², М. Хамзаев⁵³ и др.), причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты считаются придаточными предложениями лишь в том случае, когда в них имеется самостоятельное подлежащее или же подлежащее, стоящее в именительном падеже; например: *Ичмек ере гачанда, онуң ичинде өзүм хем бардым* 'Когда шуба падала на землю, (внутри нее) и я сам был'⁵⁴ (букв. 'При падении шубы на землю и я сам в ней был'). Сторонники обоих мнений ошибочно считают сказуемым логический предикат, то есть опять-таки отвлекаясь от грамматической структуры предложения. Поэтому оба мнения следует расценить как проявление устаревшего «логического направления» в грамматике.

Обязательным признаком придаточного предложения, на наш взгляд, следует считать употребление сказуемого в личной форме глагола. Материал туркменского языка отрицает возможность образования придаточного предложения из неличных форм (причастий, деепричастий, отглагольных и других имен, а также модальных слов). Причастия по выполняемой ими функции близки к прилагательным, ибо они определяют в предложении имена существительные. Деепричастия же, подобно наречиям, представляют собой неизменяемую форму и выполняют в предложении функции обстоятельства. Отглагольные имена, также как и имена существительные, изменяются по падежам, характеризуются категориями принадлежности и числа, выполняя в предложении те же функции, что и имена существительные⁵⁵.

П. Азимов убедительно доказывает отсутствие многих признаков глаголов у причастий и деепричастий, а именно — неспособность их выражать лица и конкретное время⁵⁶.

⁴⁸ М. Geldijev, G. Alpaarov. Tyrkmen diliniň gýrammatyqasy (sarf, nahuv). Aşgabat, 1929.

⁴⁹ Ныдыр Деряев. Gramatika. Ikinçi belim. Nahuv. Aşgabat, 1935.

⁵⁰ М. Гельдыев, Г. Алпаров. Указ. раб., стр. 234.

⁵¹ А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943; его же. К вопросу о зависимых номинальных предложениях в туркменском языке. — «Труды Ашхабадского государственного педагогического института им. М. Горького». Выпуск II, 1947, стр. 11—18.

⁵² А. М. Аннануров. Вопросы синтаксиса в плане перевода с русского на туркменский язык. Ашхабад, 1956.

⁵³ М. Хамзаев. Түркмен дилиниң морфологиясының ве синтаксисиниң меселелери. Ашгабат, 1969.

⁵⁴ А. П. Поцелуевский. Указ. раб., стр. 69.

⁵⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 437, 470, 474.

⁵⁶ П. Азимов. Түркмен дили (сөз ясайжы гошулмалар). Ашгабат, 1950, стр. 145—157.

Таким образом, причастия, деепричастия и отглагольные имена в современном туркменском языке, так же как и в других тюркских языках, употребляются не в качестве придаточных предложений, а как развернутые члены предложения.

Личные формы глагола, в отличие от вышеуказанных неличных форм, всегда образуют основу предложения как простого, так и сложного, и даже сами могут быть предложением.

Исходя из вышеизложенного, определяющими признаками придаточных предложений в современном туркменском языке следует считать следующие:

1) грамматическое выражение предикативного отношения, то есть: а) сказуемое придаточного предложения обязательно должно быть выражено личными формами глагола, б) подлежащее придаточного предложения может стоять только в именительном падеже.

Итак, согласование в лице подлежащего и сказуемого придаточного предложения является обязательным условием;

2) придаточное предложение должно выражать относительно законченную мысль;

3) в придаточном предложении должна быть выражена модальность, отличающая его от причастных, деепричастных и отглагольно-именных оборотов;

4) придаточное предложение должно определять: а) либо один из членов главного предложения, б) либо все главное предложение целиком;

5) придаточное предложение может употребляться и вне сложного предложения, то есть самостоятельно, ибо оно грамматически оформляется как полноценное предложение, выражающее предикативное отношение. Исключение могут составлять лишь некоторые типы придаточных предложений, сказуемые которых выражаются условными формами глагола;

6) основными средствами связи придаточного предложения с главным служат подчинительные союзы, союзные слова и условная форма глагола;

7) придаточное предложение может стоять перед главным предложением, следовать за ним и редко — делить его на две части.

Х. Г. НИГМАТОВ

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ФОРМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ЯЗЫКЕ ВОСТОЧНО-ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ XI—XII ВВ.

Формы принадлежности в языке памятников восточно-тюркского языка образуются с помощью общетюркских показателей¹. Категория принадлежности (далее КП) органически связана с категориями лица и числа. Поэтому все аффиксы принадлежности (далее АП), обозначая принадлежностные отношения, выражают одновременно значения лица и числа. Поскольку значения лица и числа есть не что иное, как проявление сущности самостоятельных грамматических категорий лица и числа, существующих и вне КП (ср. личные местоимения, лицо/число в предикативных формах глагола, число у имен), сущность самой КП может быть вскрыта только при условии отвлечения от тех особенностей функционирования АП, которые связаны со спецификой употребления и со значениями категорий лица и числа.

В семантическом плане КП характеризуется многообразием значений ее форм в их конкретных манифестациях. Еще более разнообразны семантические взаимоотношения компонентов притяжательных словосочетаний, именуемых *изафетом*², и материалы языка памятников карахидского периода ничего нового в этот известный в тюркологии пространный перечень значений и оттенков значений форм принадлежности и *изафетных* словосочетаний не вносят.

В семантическом аспекте АП служат для выражения самых разнообразных партитивно-притяжательных (при именах) и лично-субъектных (при причастиях) значений. Значение конкретных форм принадлежности и семантические взаимоотношения притяжательных словосочетаний представляют собой наложение на эти отношения особенностей значений лица, числа, дефинитивности, падежных форм (с которыми сочетаются слова с АП), взаимоотношения лексических значений сочетающихся слов и многих других. Например, словоформа *ғамым* в зависимости от контекста может быть истолкована как: 1) «забота, которую я проявляю по отношению к себе» (*ғамымныҕ йэдим* 'я позаботился о себе'), 2) «забота, проявляемая другим, по отношению ко мне» [*йэдиң... ғамым* (КБ-1557) 'ты позаботился обо мне'].

¹ См.: Н. К. Дмитриев. Категории принадлежности. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. Морфология. М., 1956; Э. В. Севортян. Категория принадлежности. — Там же.

² См.: С. С. Майзель. *Изафет* в турецком языке. М.—Л., 1957; А. К. Боровков. Природа «турецкого *изафета*». — В сб.: «Академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 106—123.

Семантическое многообразие притяжательных форм и словосочетаний побудило некоторых исследователей рассматривать данную категорию как одно из средств выражения синтаксических отношений (Е. И. Убрятова, М. Б. Балакаев, В. А. Аврорин и др.)³, или как средство трансформации предикативных отношений в атрибутивные (Н. А. Баскаков)⁴. Поскольку семантическая сторона АП подробно описана в тюркологической литературе, мы ограничимся рассмотрением синтаксической сущности данной категории.

Синтаксическая сущность КП сводится к тому, что АП при слове указывают на отнесенность данного слова к мыслимому (а) или выраженному (б) лицу, к подлежащему (при совпадении лиц подлежащего и АП) (в), к какому-нибудь предшествующему слову в составе предложения (г), к предшествующему слову в составе словосочетаний (изафет II и III) (д), известному участникам речевого акта (из предшествующего акта коммуникации) лицу или предмету (е), к предшествующему контексту (ж):

- а) *атаң* (КБ-5653) 'твой отец'; *көлүм* (III, 151) 'мое озеро';
- б) *мэниң атым* (КБ-715) 'мое имя';
- в) *сөзүм оглума сөзладим мэн* (КБ-183) 'я изложил свои слова своему сыну';
- г) *заманаңны йырма кишисини йыр* (XX-204) 'не ругай свою эпоху, ругай людей (этой эпохи)';
- д) *йағысы эли* (КБ-2991) 'страну своего врага'; *Айтолдының... ичи* (КБ-1101) 'живот Айтолды'; *қарақуш өңи* (КБ-3861) 'беркутовый (темный) цвет';
- е) *қылығы жафа-ул қылынчы отун* (КБ-6001) 'проделки (мира) — жестокость, поведение его дурное';
- ж) *сэниңдин айытға йарын бир байат жавабы анутғыл* (КБ-5157) 'завтра (в день страшного суда) единственный господь спросит у тебя, приготовь ответ к этому'.

Широкие возможности отнесения к «предшествующему» делают АП одним из основных средств выражения семантической актуализации имени⁵, охватывающим не только имена, но и местоимения (а), числительные (б) и другие слова⁶:

- а) *эсизкэ сөкүш зөгү өгди булур өзүңа бақа көр қайусын қулур* (КБ-236) 'за дурное — брань, за добро — хвала, посмотри на себя, которое из них ты хочешь';
- б) *үчи йазқы йулдуз үчи йайқы бил* (КБ-138) 'знай: три (из двенадцати созвездий) — весенние звезды, три — летние'.

Как средство выражения определенности АП очень часто утрачивают партитивно-притяжательные значения — *тилэмиш тилэгин биллиг-лиси йоқ йорытур қазасын тыдыңлысы йоқ* (КБ-3820) 'нет (человека) знающего желания (бога), (он) вершит судьбами, нет останавливаю-

³ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка, т. I. М.—Л., 1950; М. Б. Балакаев. Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959; В. А. Аврорин. Особый способ выражения синтаксической связи. — В сб.: «Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова». М.—Л., 1960.

⁴ Н. А. Баскаков. Природа притяжательных определительных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1971, № 4; *его же*. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, стр. 103.

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 131.

⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 93.

щего его'; *сөзиңә бақа көрсә маңны түз-ул* (КБ-2078) 'если вникнуть в эти (вышесказанные) слова (а не в его слова!), то смысл их верный'.

Как известно, о показателе определенности можно говорить только тогда, когда последний может иметь генерализирующее значение⁷. В языке памятников аффиксы принадлежности могут иметь и значение генерализации — *өлүмдин қутулғу йэри йоқ билин* (КБ-1453) 'знай себе: нет **никакого** места, где можно было бы скрыться от смерти'; *көликә бир-өк йэрдә турмас күни* (КБ-6008) 'тень не стоит **целый** день на месте'.

Во всех вышерассмотренных случаях синтаксическая сущность категории принадлежности сводится к выражению отнесенности слова к «предшествующему». Если данное «предшествующее» выражено эксплицитно и вступает в синтаксическую связь со словом с аффиксом принадлежности примыканием (локализацией) или формой родительного падежа, то образуются словосочетания второго и третьего типов тюркского изафета, в составе которых наиболее отчетливо проявляется синтаксическая сущность категории принадлежности как средства обозначения отнесенности слова к «предшествующему» при сохранении, а также при полной или частичной нейтрализации выражения партитивно-притяжательных значений.

В функции обозначения семантической актуализации имени АП чаще всего сохраняют свою связь с выражением партитивно-притяжательных отношений и с функцией обозначения отнесенности слова к «предшествующему», однако в крайних точках такого функционирования (например, при выражении генерализации) они порывают с выражением этих отношений и приобретают новую сущность как показатели определенности.

Аффиксы принадлежности как синтаксическое средство связи слова с предшествующим, не осложненное партитивно-притяжательными значениями, наиболее ярко выступают в специальном типе определительных словосочетаний, где *определяемое* с предметным значением *предшествует* своему *определению* с аффиксом принадлежности («перевернутое определительное словосочетание») — *кэдик тағы* (КБ-6336, 6379) 'горная дичь' (а не «гора, избилующая дичью»), *ҳажиб қуты* (К-514) 'счастливый хаджиб', *қатун қуті* (I, 357) 'счастливая женщина', *элиг қуты* (КБ-1378) 'счастливый правитель', *элиг алтуны* (КБ-3100) 'Его величество (букв. золотой) правитель' (обращение к Кунтогды), *сөз сағы* (ХХ-67) 'праведное слово', *сөз ... чыны* (КБ-1364) 'истинное слово', *тайған йүгерйги* (III, 190) 'гончий пес', *көңли түзи* (КБ-3952) 'чистосердечный'. Эти словосочетания по своему значению аналогичны «нормальным» определительным словосочетаниям с препозитивным определением, то есть *кэдик тағы* = *тағлығ кэдик*, *элиг қуты* = *қутлуғ элиг*, *сөз чыны* = *чын сөз* и т. д. Такие «перевернутые» определительные словосочетания не получили развития в последующей истории тюркских языков⁸. Это связано с тем, что, во-первых, постпозитивное место определения противоречит строю тюркских языков⁹, во-вторых, модель типа *кэдик*

⁷ Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. Историческая морфология немецкого языка. Л., 1969, стр. 56.

⁸ Реликты этого явления сохраняются до сих пор в турецком языке. Ср.: словосочетания типа Ahmet Zavallısı 'бедняга Ахмед', анализированные С. С. Майзелем и С. Н. Ивановым, см.: С. С. Майзель. Указ. раб., стр. 174; С. Н. Иванов. К истолкованию категории принадлежности. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 29—30.

⁹ Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 59—61; Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика..., стр. 115. Постпозитивное определение допускается в тюркских языках в редких случаях, например: имя собственное *Ойсулув*, приложения типа узбекского *темирчи Карим*, *Карим темирчи* 'кузнец Карим' и т. п.

тағы обладала широкораспространенным типом значения — значением выделительности, которое основывалось не только на одном синтаксическом признаке отнесенности слова к «предшествующему», но и на семантическом факторе обозначения целого (предшествующее) и части (последующее), что соответствует всей распространенной системе продуктивных значений притяжательных словосочетаний и строю тюркских языков; *киши эдгуси* (КБ-1543) 'добрый (лучший) из людей'. Языковая система преодолела наличие противоположных значений в одной и той же модели [*киши эдгуси* — 1) 'хороший (добрый) человек'; 2) 'лучший (добрый) из людей'] путем устранения возникающего значения («хороший человек») и усиления старого, системно допускаемого значения («лучший из людей»). Это послужило толчком к тому, что данная модель стала служить не только для выражения паритивных отношений, но и для усиления качественного значения существительного и прилагательного — *кишилэр кишиси* (КБ-2834) 'человечный человек', *эрэнлэр эри* (КБ-4379) 'муж мужей', *эрян алпї* (III, 192) 'богатыри-мужчины'. Однако насколько была сильна в XI в. тенденция к утверждению словосочетаний типа *кэдик тағы* 'горная дичь', можно судить по тому, как в этих словосочетаниях АП указывает на определительный характер *тағ* 'гора' по отношению к предшествующему определяемому *кэдик* 'дичь' и адъективизирует значение второго компонента (ср.: *элиг қуты* = *қутлуғ элиг*).

Наряду с синтаксической функцией отнесения к «предшествующему» аффиксам принадлежности свойственна и противоположная функция — отнесение к последующему. В простейшем виде она выступает чаще всего в двусоставных предикативных оборотах¹⁰, являющихся определением к последующему целому — *тили бош киши* (XX-69) 'болтливый человек', 'болтун'; *тили йалған эр* (XX-79) 'лживый мужчина', 'лжец'; *өги йэтмиш эр* (КБ-1715) 'мужчина с зрелым умом', 'зрелый человек'.

Такие словосочетания должны были вступать в противоречие с оборотами типа *эр(ниң) тили йалған* 'слова мужчины лживые', так как в наиболее распространенных типах своего функционирования АП указывает отнесенность слова к «предшествующему» (*эр тили*), а в оборотах типа *тили йалған эр* они выполняют противоположную функцию — обозначают отнесенность предшествующего слова (части) к последующе-

му (целому) — *тили йалған эр*. В оборотах типа *тили йалған эр* нейтрализуется синтаксическая сущность АП как средства выражения отнесенности к «предшествующему» и наиболее ярко проявляется выражение паритивных отношений, то есть нейтрализация синтаксической сущности АП компенсируется мощным семантическим фактором — паритивными отношениями.

В языке изучаемых памятников XI—XII вв. такие обороты немногочисленны даже в тех случаях, когда их предикат выражен причастием. Однако в последующий период истории тюркских языков, в результате распространения причастного предиката этих оборотов членами глагольной валентности, они начинают занимать в строе тюркских языков важное место, «причастия становятся... преимущественным средством

¹⁰ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, § 1057; *его же*. Грамматика современного узбекского литературного языка, § 543; С. Н. Иванов. Тюркские атрибутивные конструкции с показателем относительной связи. — «Ученые записки Ленгосуниверситета. Серия востоковедческих наук», № 282, вып. II, 1959; *его же*. К истолкованию категории принадлежности.

выражения предикативного члена в оборотах этого типа»¹¹, и партитивно-притяжательные отношения «растворяются в семантике осложненного оборота»¹².

Таким образом, противоречие между синтаксическими функциями «отнесенность к последующему» и «отнесенность к предшествующему» устраняется путем закрепления функции «отнесенность к последующему» за определенным типом атрибутивных оборотов, в пределах которого она и развивается.

Подытоживая рассмотрение синтаксической сущности КП при именах, можно заключить, что основная синтаксическая функция КП при них сводится к обозначению отнесенности слова к «предшествующему». Наряду с этим данной категории не чуждо и противоположное синтаксическое значение — указание отнесенности слова к последующему, но эта функция проявляется в ограниченной сфере — в оборотах типа «перевернутый изафет» (термин А. Н. Кононова) и поддерживается семантическими отношениями целого и части.

Синтаксическая сущность функционирования АП при причастиях принципиально не отличается от их функции в составе имен — и в том, и в другом случае они выражают отнесенность слова, к которому они присоединены, к «предшествующему», а особенности причастных оборотов основываются, главным образом, на способности глаголов быть распространенными членами глагольной валентности. Особая роль КП в развитии разветвленной системы причастных оборотов заключается в том, что она, создав специальную — посессивную модель выражения субъектно-предикатных отношений, предотвратила девербализацию именных форм глагола и способствовала их развитию в пределах этих оборотов именно как глаголов, а не как имен.

Различия в семантическом отношении в функционировании АП в составе имен и причастий заключаются в том, что партитивно-притяжательные отношения при причастиях трансформируются в лично-субъектные — аффиксы принадлежности обозначают лицо/число производителя действия в причастных оборотах и, таким образом, являются аффиксами лица/числа посессивного строя. Почва для перехода АП в аффиксы лица/числа посессивного строя была подготовлена самой семантической и синтаксической сущностью АП, так как, во-первых, в АП наряду со значением принадлежности слитно выражаются и значения категорий лица и числа, во-вторых, синтаксическую сущность АП составляет функция указания отнесенности слова к «предшествующему», а лицо/число в предикате как раз и являются средствами отнесения предиката к «предшествующему» — к субъекту¹³.

Таким образом, можно заключить, что синтаксическая сущность КП при именах и причастиях существенно не отличается — и в том, и в другом случае АП выражают отнесенность слова к «предшествующему». Различие касается в основном семантической стороны данной категории: предотвращение девербализации причастий (чему способствовали сами АП) как бы «растворило» партитивно-притяжательные значения этих аффиксов и трансформировало их в лично-субъектные.

На основе рассмотрения синтаксической природы КП можно сделать следующие выводы:

1. В семантическом плане формы принадлежности характеризуются выражением партитивно-притяжательных (при именах) и лично-субъ-

¹¹ С. Н. Иванов. Тюркские атрибутивные конструкции., стр. 192.

¹² Там же, стр. 191.

¹³ Особенности и формы выражения субъекта причастных оборотов в языке памятников XI—XII вв. могут быть предметом специального исследования.

ектных (при причастиях) значений, а их синтаксическую сущность составляет выражение функции «отнесение к предшествующему». Семантическое и синтаксическое входят в формы принадлежности, составляя диалектическое единство и проявляясь одно через другое.

2. При предельно ярком выражении семантической стороны синтаксическая сущность форм принадлежности нейтрализуется, что наиболее наглядно выступает в простейших типах оборотов «перевернутый изафет», в составе которых синтаксическая сущность «отнесенность к предшествующему» не только нейтрализуется, а, поддерживаемая отчетливо выраженным семантическим признаком партитивности, переходит в свою противоположность — в «отнесение к последующему».

3. При максимальной выраженности синтаксической функции в формах принадлежности нейтрализуется семантическая сторона, что обнаруживается в «перевернутых» определительных словосочетаниях типа *кэдик тагы* 'горная дичь', когда аффикс принадлежности становится средством усиления качественного значения имени с предметным значением и выражает его отнесенность как постпозитивного определения к препозитивному определяемому.

4. Формам принадлежности присуще диалектическое единство не только семантической и синтаксической сторон, их синтаксическая сущность раздваивается на противоположные начала: а) на широкораспространенную функцию — «отнесение к предшествующему», б) на менее распространенную функцию — «отнесение к последующему».

Противоречие между этими двумя противоположными синтаксическими функциями устраняется путем специализации функции «отнесения к последующему» и их закреплением за атрибутивными оборотами типа «перевернутый изафет».

5. Раздвоение синтаксической функции в аффиксах принадлежности на противоположные типы и их диалектическое единство с семантической стороной говорит о том, что синтаксическая функция представляет собой сущность самой категории принадлежности. Поэтому она раскрывается во взаимоотношениях категории принадлежности с другими средствами синтаксической связи — с падежами, послелогами и союзами, что, однако, должно явиться предметом специального исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- (КБ-514) — *Юсуф хос Хожиб*. Кутадгу билиг. Нашрга тайёрловчи Қ. Каримов. Тошкент, 1971 (в примерах указывается порядковый номер бейта).
 (XX-204) — *Қ. Маҳмудов*. Аҳмад Югнакийнинг «Ҳибатул ҳакойиқ» асари ҳақида. Тошкент, 1972 (Критический текст и транскрипция стр. 177—231. В примерах указывается номер бейта).
 (III, 151) — *Маҳмуд Кошғарий*. Девону луготит турк. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталибов. Тома I—III. Тошкент, 1960—1963 (указываются том и страницы).

Во всех примерах сохранена транскрипция указанных изданий.

Л. Ю. ТУГУШЕВА

ЯЗЫКОВЫЕ И ВНЕЯЗЫКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В ДЕШИФРОВКЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕУЙГУРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Как известно, адекватная дешифровка памятников письменности является обязательным условием, гарантирующим надежность каких бы то ни было обобщений на их основе. В процессе дешифровки и изучения памятников древнетюркской письменности постепенно вырабатывались и совершенствовались методы их исследования. Поиски методов, обеспечивающих надежность и гарантирующих адекватность истолкования древнетюркских текстов, ведутся со времени их открытия по сей день. История дешифровки памятников древнеуйгурской письменности полна разногласий¹ по поводу прочтения одних и тех же отрывков, слов, знаков, и это не случайно². Основа для разночтений заложена в самой системе согдийско-уйгурского письма, которым написана большая часть дошедших до нас памятников древнеуйгурской письменности. В уйгурском письме представлено 16—20 графических элементов, с помощью которых составляется не менее тридцати знаков, имеющих определенное звуковое значение. Подобное несоответствие между количеством графических элементов и образуемых с их помощью знаков (фонем, аллофонов) приводит к полифонии, способствующей возникновению разночтений и, соответственно, разногласий в интерпретации текста. Разнобой в чтении порой бывает разительным. В качестве иллюстрации можно привести, например, прочтение одной и той же строки из юридического документа, предложенное двумя исследователями — В. В. Радловым и Н. Ямада:

1) (чтение В. В. Радлова) bitginčä tär jalyn birür-män išim bütmiš öd jaly birlä³;

2) (чтение Н. Ямада) birginčä bar joq bolsar-män inim bodruq ävdäkilär birlä⁴.

Как показывает практика исследований, в доводах внеязыкового характера, привлекаемых для обоснования любых версий толкования,

¹ См., например: С. Е. Малов. Рецензия на: A. v. Le Coq. Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan. — Tüŕän, 1918, стр. 449—460. — «Записки Коллегии востоковедов», т. I. Л., 1925, стр. 553.

² См. также: N. Yamada. Four notes on several names for weights and measures in uighur documents. — «Studia Turcica». Budapest, 1971, стр. 491—493.

³ W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928, стр. 122 (В дальнейшем USp.).

⁴ N. Yamada. Указ. раб., стр. 496.

недостатка не бывает. Однако факты показывают, что увеличение числа подобных аргументов интерпретацию не делает более убедительной. Для разрешения разногласий в этих вопросах необходимы какие-то иные аргументы, позволяющие отбросить все предположения, кроме одного, наиболее верного. Весьма полезным в этом плане может оказаться использование некоторых установлений современной лингвистической семантики, одним из основных положений которой является признание двойственной природы лексического значения — слово является не только знаком реалии, но и единицей языка: «оно обозначает что-то вне языка и в то же время связано определенными отношениями с другими элементами языка»⁵. Эти связи и отношения составляют «сетку значимостей», включающую в себя типы значений, входящих в структуру языка и рассматриваемых как собственно языковые значения⁶. Они могут быть подвергнуты анализу и описаны исчерпывающим образом с помощью элементарных семантических признаков; иными словами, значение отдельной единицы может быть однозначно определено на основе семантических признаков.

Замечено также, что между семантическими признаками слова и его синтаксическим поведением существует определенная связь: каждое значение имеет типичный для него синтаксический контекст. «Слова с одинаковым или сходным значением имеют одинаковые или сходные наборы синтаксических признаков, и наоборот»⁷. Из этого следует, что значение отдельного элемента может быть предсказано синтаксическими условиями контекста, и притом в той мере, в какой значение фразы может быть понято недвусмысленно, даже если позиция иного компонента остается незаполненной. Прочерк в этом случае «совершенно автоматически, под действием одних синтаксических сил, приобретает нужное значение»⁸. Синтактика языковой единицы, правила соединения ее с другими элементами в тексте, сочетаемость по совокупности семантических, лексических, синтаксических, морфологических и тому подобных признаков могут служить объективным основанием для истолкования ее значения. Основываясь на морфо-синтаксических, лексических и семантических особенностях сочетания какой-либо единицы внутри фразы, можно с достоверностью установить семантические свойства последней, отнесенность ее к какому-либо определенному классу. Установление на основе указанных принципов собственно языковых значений элементов может служить надежным критерием при отборе версий, выдвинутых по соображениям экстралингвистического характера.

Необходимо отметить вместе с тем, что деление значений на «языковые» и «внеязыковые» на данном этапе следует принимать лишь условно. Нельзя не согласиться с Д. Н. Шмелевым в том, что «...семантические элементы, к которым в конечном счете могут быть сведены „абстрактные“ значения, столь же „экстралингвистичны“ и несопоставимы друг с другом, как и те „уникальные“ признаки „конкретных“ значений, которые отягощают так называемую конкретную лексику»⁹. И все же в настоящее время уже не подлежит сомнению, что на определенных эта-

⁵ Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 16.

⁶ См.: Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, стр. 17—19.

⁷ Там же, стр. 26.

⁸ Там же, стр. 31.

⁹ Д. Н. Шмелев. Указ. раб., стр. 34.

пах исследования выделение абстрактных (языковых) и конкретных (внеязыковых) значений и применение по отношению к ним разных способов описания является весьма целесообразным¹⁰.

Рассмотрим ряд примеров. В уйгурских юридических документах встречается слово, передаваемое в тексте с помощью графем SU(U)LUY, значение которого длительное время оставалось неясным, хотя и были предложены различные варианты толкования. Основываясь на данных «Словаря» Махмуда Кашгари, Дж. Р. Гамильтон предложил версию «салфетка, повязка, тюрбан»¹¹, В. В. Радлов усматривал в данном слове форму на -luу от основы šu- (?)¹². Между тем сопоставление контекстов, взятых из разных документов, в которых встречается это слово, позволяет установить, что оно используется, как правило, в той графе документа, где перечисляются свойства тканей, подлежащих обмену или продаже. Графа эта строится по стандартной схеме, трафарету и состоит из четырех (реже пяти) пунктов, включающих сведения:

а) о формате ткани в соответствии со стандартами, принятыми в разных городах (областях) страны;

б) о марке (печати) города (области), проставленной на ткани;

в) о количестве кусков (штук) ткани;

г) о формате ткани (одинарный, двойной, официально установленный и т. п.);

д) (факультативно) о способе оформления краев (сторон) (?) ткани.

Ср.: (а) lükčün kidin-intä joryg (б) šuuluу tamya-lyу (в) üč otuz ... böz-ingä kâş-iştimiz (USp, 108, 5—6) 'мы согласились на двадцати трех ... штуках хлопчатобумажной ткани с маркой (печатью) šuuluу, имеющей хождение к западу от [города] Лукчуна'; (а) lükčün kidini joryg (б) šuuluу t(a)mya-lyу (в) jüz jitmiş (г) ikilig jory bözgä k(ä)siştimiz (USp, 107, 4—6) 'мы согласились на ста семидесяти кусках ткани двойного формата с маркой (печатью) šuuluу, имеющей хождение к западу от [города] Лукчуна'; (а) qočo kidini joryg (д) iki ucy kinlig (б) utuaan tamyalуу (в) üč miñ biş jüz (г) qaпро (Ямада, 1972, стр. 211) 'три тысячи пятьсот [кусков ткани] установленного формата с маркой (печатью) [города] Хотана, с ... (?) по двум краям, имеющей хождение к западу от Гаочана'; (а) qočo kidinindä joryg (д) iki ucy kinlig (б) utan jir-tä tamyalуу (в) jüz (г) qaпро (Ямада, 1972, стр. 211) 'сто [кусков ткани] установленного формата с маркой (печатью) [города] Хотана, имеющей хождение к западу от Гаочана'. Совокупность фраз, относящихся к указанной графе в различных документах, составляет своеобразную парадигму, раскрывающую позиции отдельных элементов этих фраз. Приведенные примеры показывают, что слово šuluу||šuuluу всегда ставится в пункте «б» и по своим сочетаемым признакам и характеру синтаксических связей выступает полным аналогом топонима utan и, следовательно, вероятнее всего является обозначением географического пункта. Таким образом, в данном случае выяснение языковых связей слова позволяет определить его конкретно-предметную отнесенность. По свидетельству источников, šu-li или šu-lik является древним названием Кашгара¹³. На связь, существующую между

¹⁰ См.: Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, стр. 59.

¹¹ J. R. Hamilton. Un acte ouïgour de vente de terrain provenant de Yar-khoto. — «Turcica», т. I, 1969, стр. 43.

¹² W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler, стр. 203—204.

¹³ Ср.: S. Beal. Ši-yu-ki. Buddhist records of the western World. London, 1921, т. II, стр. 306.

śu-li||śu-lik других источников и šuluу древнеуйгурских текстов, впервые указал японский ученый Н. Ямада¹⁴.

В свете сказанного проясняется также значение выражения otra jirtä, встречающегося в уйгурском документе, изданном Дж. Р. Гамильтоном¹⁵. Оно использовано в предложении (а) qočo ketinindä joryg (д) iki uçu kinlig (б) otra jirtä tamyalуу (в) jüz qapпо, построенном по указанному трафарету, в той же позиции в пункте «б», что и слова šuluу и utan. Из этого может быть сделан вывод о том, что выражение otra jirtä служит обозначением местности и, соответственно, должно быть переведено: «[снабженная маркой (печатью)] центральной (срединной) области (земли)».

Нетрудно заметить, что для глагола et- в значении «делать, совершать» реализация валентности первого объекта является синтаксически обязательной. Судя по многочисленным примерам, это правило действовало и в древнетюркских языках. Ср.: badun et- 'устанавливать народ' (КТб₃₉), iſ et- 'устанавливать дела' (МК I 171), çuŋ et- 'звенеть' (МК III 357), tögüg et- 'создавать законы' (ТТ IV₃₆) и многие другие. Между тем в принятых версиях чтения и перевода предложений: «bu küŋ-niŋ çamu çarumu ätsär jalıany bolsar 'если в отношении этой рабыни возникнет спор и будет использован обман'»¹⁶; «jal(y)ŋuz joryp ätsär tu(tsar) qylsar... män qajtsu tu(tuŋ) baſumıa bolur, 'если же он (т. е. сын-заложник), живя отдельно, будет делать, совершать и выполнять (все домашние работы)... то (все это) будет на ответственности меня, Кайтсу-тутунг'а»¹⁷ первый объект при глаголе et- синтаксически не выражен, что является ничем не мотивированным здесь нарушением правил.

Отсюда простекают несоответствия чтения и перевода в обоих случаях: в переводе первого предложения глагол et- представлен в несвойственном ему значении «возникать», во втором случае вставлено дополнение от переводчика («все домашние работы») вместо недостающего при подобной интерпретации текста участника ситуации. Такого рода немотивированные нарушения формально-структурных правил построения предложений как бы сигнализируют об ошибочности интерпретации. Графический анализ текста позволил установить, что в первом случае вместо ätsär следует читать önsär, следовательно, перевод В. В. Радлова, в отличие от его чтения, является вполне правильным. Вторая фраза по начертанию знаков в тексте должна читаться: jalıuz joryp oу(u)r täv qylsar ... män qajtsu tu(tuŋ) baſumıa bolur 'если он сам по себе (в одиночестве) совершит воровской, нечестный поступок, то пусть это будет на моей, Кайтсо-тудуна, ответственности'.

Аналогичная ситуация встречается в интерпретации предложения из документа, хранящегося в рукописном собрании Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР под шифром SI 0/70, стк. 4—5: bu titso atl(y)у oуul čintso ajaу-qa tägimlig-kä bar уаупча köniп byşууп tapунур, переведенного следующим образом «этот сын по имени Титсу верой и правдой, по существующему обычаю, пусть служит у монаха Чинтсу»¹⁸, где выражению bar jaупча соответствует перевод «по существующему обычаю». В под-

¹⁴ N. Yamada. Uighur Documents of Slaves and Adopted Sons. — «Memoirs of the Faculty of Letters Osaka University». Vol. XVI, 1972, стр. 211.

¹⁵ J. R. Hamilton. Указ. раб., стр. 33, стк. 4—5.

¹⁶ W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler, стр. 99, № 56, стк. 15—17.

¹⁷ С. Е. Малов. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. — «Записки Института востоковедения АН СССР», I, 1932, стр. 132—133.

¹⁸ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 136; «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 83.

тверждение предложенного толкования приводится довод, что в ряде документов встречается сходное выражение *el jaŋuŋça* в значении «в согласии с обычаями страны (общины, народа)»¹⁹. Ср.: *il jaŋuŋça tüsi birlä birür [män]* 'возвращу вместе с процентами согласно [установленным] в стране (общине) обычаям (порядкам)' (USp, 7, 5—6); *il jaŋuŋça asuŋu birlä birürtmän* 'возвращу вместе с процентами согласно с местными обычаями (порядками)' (USp, 70, 6—7) и др. При сопоставлении контекстов, содержащих эти выражения, обращает на себя внимание то, что выражение *el jaŋuŋça* приводится в графе о гарантиях выплаты долга, в то время как *baŋ jaŋuŋça* встречается в пункте об условиях передачи одного лица в услужение другому. Отсутствие параллелизма в этом плане указывает здесь в какой-то мере на отсутствие параллелизма и в иных отношениях. Но более существенными с этой точки зрения являются различия в синтактике сочетающихся слов. Синтактика слова *baŋ* в трех его основных значениях, в которых оно встречается в древних и современных тюркских языках, не говорит в пользу указанной трактовки. Слово *baŋ* в роли предикатива со значением «есть; иметься, наличествовать» в нейтральном стиле, как правило, постпозитивно по отношению к слову, с которым оно связано предикативными отношениями: *атам энем бар болсун* 'пусть у меня будут отец и мать' (кирг.), *аты барның канаты бар* 'тот, у кого есть конь — есть крылья' (тат.), *bi sabumda igid bar-ŋu* 'разве есть фальшь в этих моих словах (?)' (КТМ₁₀). Вступая в атрибутивную связь, слово *baŋ* занимает препозитивное положение и, как непереносное условие, приобретает семантический элемент обобщения «весь, имеющийся в наличии»: *бар белгәне* 'все, что он знает' (тат.), *бар кадәр* 'все, что есть' (тат.), *бар акчам* 'все мои деньги' (кирг.), *бор буйча* 'во весь рост' (узб.), *baŋ küçin üntirip* 'собрав все свои силы' (Uig I 43₁₁). Третье значение — «имущество; достаток; имущий» в настоящем случае исключается условиями семантического окружения. Кроме того, слово *baŋ* в роли атрибута не вступает в изафетную связь с главенствующим словом, которая подразумевается в интерпретации «по существующему обычаю»; в изафетной конструкции оно выступает в роли главенствующего слова. Ср.: *күчүнүн барынча* 'изо всех сил' (кирг.). Следовательно, по условиям синтактики возможны два варианта трактовки выражения *baŋ jaŋuŋça*. Первый из них предполагает употребление компонента *baŋ* в роли самостоятельного имени существительного, имеющего общий семантический признак со словом *el* 'народ, община', по отношению к которому предикатив *baŋ* является лишь омонимом. Но такое имя существительное до сих пор еще нигде не зарегистрировано. Второй вариант предполагает атрибутивное употребление слова *baŋ*, и тогда, согласно правилам сочетаемости, оно должно переводиться «весь имеющийся», но не «по существующему», как предложено в упомянутом издании. Синтактика выражения *baŋ jaŋuŋça*, таким образом, говорит о том, что оно построено по иной модели, нежели *el jaŋuŋça*, и нуждается в иной интерпретации. Скорее всего оно должно быть переведено «со всем присущим ему [усердием]». Остается не совсем ясным конкретно-лексическое значение главенствующего слова *jaŋ*. Возможно, что оно соотносится с именем существительным *jaŋ*, встречающимся в некоторых текстах в значении «мера, степень». Ср. *usuŋu jaŋuŋça içgil artuq içsär bolmaz* 'пей по мере жажды, больше пить нельзя' (Rach I₁₇₁).

¹⁹ С. Е. Малов. Рецензия на: A. von Le Coq. Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan, стр. 554.

Японскому ученому М. Мори благодаря учету, наряду с другими факторами, собственно языкового значения сочетающихся элементов, раскрывающихся в их синтагматических и парадигматических связях, удалось расшифровать значение выражения *bağ joq bol-*, долгое время остававшегося нераскрытым. М. Мори доказал, что выражение *bağ joq bol-* означает не смерть должника, как предполагалось ранее, а подобно прочим выражениям этого парадигматического ряда (*iştin taştyn bol-*, *ögü qody bol-*) — его отсутствие (бегство или выезд) ко времени выплаты долга и что в древнеуйгурском обществе поручительство за должника осуществлялось по принципу, называемому в юриспруденции *Stillesitzbürgschaft*, предусматривающему ответственность поручителей в случае бегства или переезда должника, но не в случае его смерти²⁰.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- КТ* — Памятник в честь Кюль-Тегина.
МК — «*Divanü lûgat-it-türk tercümesi*». Çeviren Besim Atalay, t. I—III. Ankara, 1939—1941.
Rach I — Rachmati, G. R. Zur Heilkunde der Uiguren. — «*Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*». Phil.-hist. Kl., 1930.
ТТ IV — *Türkische Turfantexte IV*. — «*Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*». Phil.-hist. Kl., 1934, X.
Uig I — F. W. K. Müller. *Uigurica I*. — «*Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*». Phil.-hist. Kl., 1908, Abh. II.

²⁰ M. Mori. A Study of Uygur Documentes of Loans for Consumption. — «Memoirs of the research department of the Toyo Bunko», № 20, 1961.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

С. ИСХАКОВА

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ТАТАР С АЛТАЙСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ

Западносибирские татары — аборигены Сибири в течение столетий находились в экономических и культурных контактах со многими народами: узбеками, таджиками, казахами, татарами Поволжья, башкирами, народами Крайнего Севера (хантами и манси), русскими, а также народами Саяно-Алтая. Эти контакты нашли отражение в разговорной речи этнических групп западносибирских татар.

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы языкового взаимодействия западносибирских татар и племен Саяно-Алтая. Языковые контакты западносибирских татар с другими народами рассматривались в ряде ранее публиковавшихся статей¹.

Материалом для данной статьи послужили полевые исследования языка татар, проживающих в районах нынешней Омской области и частично в Тобольском районе Тюменской области. Нами привлечены также труды В. В. Радлова, Н. А. Баскакова, известного историка и этнографа Л. П. Потапова и других ученых, исследовавших вопросы языка, истории и этнографии тюркоязычных народов Саяно-Алтая.

Изучение современной тюркологической литературы о языках народов Алтая, в особенности трудов Н. А. Баскакова, проведенный нами сравнительный анализ полевого языкового материала западносибирских татар позволяют еще раз подтвердить этнолингвистическую близость татар этого региона с алтайскими племенами, на что указывал в свое время еще В. В. Радлов².

Очень ценные данные об исторических контактах сибирских татар с алтайскими племенами имеются в трудах Л. П. Потапова. Эти данные показывают, что в формировании киргизов, казахов, башкир, кочевых узбеков, сибирских (тюменских, тобольских и др.) татар³ принимали участие различные этнические группы, племена и народности, выселенные в так называемое монгольское время из областей Хангайского и Саяно-Алтайского нагорий.

¹ С. М. Исхакова. О языке сибирских бухарцев. — В журн.: «Общественные науки в Узбекистане», № 5, 1968; *ее же*. Узбекский элемент в языке сибирских татар. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Казань, 1970; *ее же*. Древнетюркские элементы в народноразговорном языке западносибирских татар. — «Советская тюркология», № 6, 1973 и др.

² В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи, часть IV. СПб., 1872, стр. XI.

³ Л. П. Потапов. Тюльберы енисейских рунических надписей. — «Тюркологический сборник 1971», М., 1972, стр. 161.

Значительный интерес представляют также предания тарских татар (Омская область) о пребывании на территории Тарского уезда алтайцев-телеутов. По одному из вариантов преданий, телеуты пришли сюда, спасаясь от «жестоких калмыцких ханов». Живя долгое время среди татар, телеуты смешались с ними, овладели татарским языком, приняли ислам. Так появилось среди тарских татар «теленкут тукум» (телеутское племя)⁴.

Исторические и культурные связи западносибирских татар с алтайскими племенами привели, естественно, и к языковым контактам, к взаимодействию и взаимовлиянию их языков. В народноразговорном языке сибирских татар и в языках жителей Саяно-Алтайского нагорья имеется много интересных фонетических, грамматических и лексических параллелей.

Остановимся подробнее на лексических параллелях и попутно на некоторых фонетических и грамматических закономерностях, характерных для языков сибирских татар и народов Саяно-Алтая. Некоторые примеры из других тюркских языков приводятся, чтобы подчеркнуть степень близости рассматриваемых нами языков.

В народноразговорном языке сибирских татар⁵ и в языках тюркоязычных племен Саяно-Алтая в начале и конце слова преобладают глухие согласные; например, сиб. тат. *paɣ*⁶ 'богач, богатый'; алт. *пай*, лит. тат. *бай*. Сиб. тат. *paɣas* 'медная посуда для варки пищи', алт. *пакрас* 'медь', лит. тат. *бакыр*, каз. *мыс тегене*, кирг. *жез идиш*, узб. *мис кастрюля*, башк. *бакыр кәстрүл*, тур. *вакир каркасак*. Сиб. тат. *paɣuɣ* 'бедняга', алт. *пакыр* 'бедненький, бедняга', лит. тат. *мескен*, каз. *байғұс*, бишара, кирг. *байкуш*, бечара, узб. *бечора*, мискин, *боёқиш*, башк. разг. *бахир*, *бисара*. Сиб. тат. *paɣmaq* 'палец', алт. *пармак*, башк. *бармак*, каз. *бармак* и т. д. Сиб. тат. *paɣ* 'есть', алт. *пар*, лит. тат. *бар*. Сиб. тат. *paɣuq* 'рыба', алт. *палык*, лит. тат. *балык*.

Глухой согласный *s* в конце слова характерен как для языка сибирских татар, так и алтайских племен, например: сиб. тат. *jas* 'весна', алт. *јас*, лит. тат. *яз*. Сиб. тат. *jös* 'сто', алт. *јүс*, лит. тат. *йөз*. Сиб. тат. *qys* 'девушка', алт. *кыс*, лит. тат. *кыз*. Сиб. тат. *jös* 'плавай', *jösü* 'плавать', алт. *јүс*, лит. тат. *йөз*.

Древнетюркское каз 'гусь', в языке всех групп сибирских татар *qas*, алт., тув. *кас*, а в других современных тюркских языках представлено в следующих фонетических формах: кирг., каз., ног., лит. тат. *каз*; тур. *kaz*, башк. *каз*; кумык., карач.-балк. *къаз*; ккалп., уйг. *fas*; азерб., туркм. *газ*; узб. *ғоз*; хак. *хас*; якут. *хаас*; чув. *хур*⁷.

Наряду с употреблением глухих согласных отмечается также употребление звонких согласных и диффузных (промежуточных) звуков в различных позициях. Например: сиб. тат. *abyşqa* 'старик', алт. *абыска*,

⁴ Сведения из неопубликованных этнографических материалов казанского историка Ф. Т. Валиева.

⁵ Сибирско-татарский материал передается в основном на примере разговорного языка тарских татар (Большереченский, Тарский, Колосовский, Седельниковский районы Омской области).

⁶ Слова языка сибирских татар даны в транскрипции, принятой журналом «Советская тюркология». Примеры же, взятые нами из работ: В. И. Вербицкий. Словарь алтайского и аладинского наречий тюркского языка. Казань, 1884; его же. Алтайские шорцы. М., 1893; Н. А. Баскаков. Дialect черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966; его же. Дialect кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972 и других авторов, даются в их собственной транскрипции и обозначаются общим определением «алтайские» (алт.) без учета ныне существующего деления на языки и диалекты.

⁷ См.: К. Ибрагимов. Некоторые древнетюркские названия птиц и их параллели в современных тюркских языках. — «Советская тюркология», № 6, 1974, стр. 43.

лит. тат. карт, каз. *шал*, карт; кирг. *абышка*, узб. *чол*, башк. карт. Сиб. тат. *arba* 'ворожи, наговаривай' > *arbau* 'наговаривать', тел. *arwa*. Сиб. тат. *jelbe* 'вей' > *jelbü* 'веять', алт. *јлбе*-. Сиб. тат. *šalbrap jörü* 'иметь неряшливый вид, беспечный', алт. *шалбыр* в том же значении. Сиб. тат. *šabala* 'ложка', алт. *шабала*, каз. *қасық*, кирг. *кашык*, узб. *қошиқ*, башк. *калак*, тур. *kaşık*.

В морфологическом плане между сравниваемыми языками также много общих параллелей в местоимениях, числительных, наречиях и других частях речи. К примеру, из количественных и порядковых числительных в языке сиб. тат. *per* 'один', *perence* 'первый', алт. *пир||бир*, лит. тат. *бер*; сиб. тат. *tört||türt* 'четыре', алт. *торт*, лит. тат. *дурт*; сиб. тат. *jette* 'семь', алт. *йетте*, лит. тат. *жиде*. Из личных местоимений: сиб. тат. *pes||peslär* 'мы', кум. *пис*, алт. *бис*, лит. тат. *без*; сиб. тат. *ses||seslär* 'вы', кум., алт. *слер*, лит. тат. *сез*. Из лично-притяжательных местоимений: сиб. тат. *mineñ* 'мой', кум. *мениң*, лит. тат. *минем*. Из лично-уподобительных местоимений: сиб. тат. *mintäj* 'как я', алт. *мендий*; сиб. тат. *sintäj* 'как ты', алт. *сендий*; сиб. тат. *pestäj* 'как мы', алт. *пустий*; сиб. тат. *sestäj||seslartäj* 'как вы', алт. *силердий*; сиб. тат. *alartaj* 'как они', алт. *олордый*. Из указательных количественных местоимений: сиб. тат. *mynca* 'столько, так много', алт. *мынча*; сиб. тат. *анса*, алт. *анча*; сиб. тат. *myntaj* 'такой', алт. *мундуу*. Из неопределенных местоимений: сиб. тат. *kem-te* 'кто?', 'кто это?', алт. *кем де?*, лит. тат. *кем?*; сиб. тат. *qajta-ty* 'где?', алт. *кайда да?*; сиб. тат. *qajsy-ty* 'который, который из них', алт. *кажы да?*, лит. тат. *кайсы?*

В рассматриваемых языках встречаются наречия, почти тождественные по фонетическому звучанию и семантическому значению; например, сиб. тат. *päsä* утвердительное 'конечно, значит'. В тексте: *alajtisän päśä* 'значит, так говоришь!'; алт. *pasa* 'также, снова'. Возможно, это восходит к арабскому *bäs* [بس] 'значит, таким образом'. В других тюркских языках: кирг. *демек* 'значит, таким образом', каз. *демек*, башк. *ти-мәк*, узб. *демак*, лит. тат. *димәк*, *бәс* (арх). Сиб. тат. *täl* 'точно, точь-в-точь'; например, *täl inäsenä oşayan* 'точно, как мать', алт. *тал* в том же значении; например, *судын тал ортазына јетте* 'достиг точно середины реки'; каз. *дәл*, кирг. *дал*, узб. *вақтида*, башк. *нәк*, тур. *tam*, якут. *кур-дук*, лит. тат. *нак*.

Сиб. тат. *tiptäkä* 'напрасно, зря': *Tiptäkä alaj yulypty!* 'Зря (он) это сделал!' (с оттенком возмущения говорящего неблагоприятным поступком того или иного человека); ср. шор. *тептек* в том же значении; кирг. *бекергә*, каз. *боска*, *бекер*, узб. *бекор*, башк. *бушка*, *юкка*, лит. тат. *юкка*.

Сиб. тат. *törgen-törgen* 'порывами, временами': *paşym auryjty törgen-törgen* 'временами болит голова'; алт. *турген-турген* в том же значении; каз. *уақыш-уақыт*, кирг. *кез-кезде*, башк. *вакыт-вакыт*, узб. *вақыт-вақыт*.

Алтайское прилагательное *инсек* 'узкий' в языке тарских татар (Тарский, Большеереченский районы Омской области) употребляется только в идиоматическом выражении с оттенком иронии: *per jaqqa incek* 'ненормальный, испорченный (букв. кривой на одну сторону)'. В языке сибирских татар *инсек* представляет собой наречие и обычно употребляется в качестве ответа на вопрос: *nicekte?* 'каково?', *per jakka incek* 'криво, кривовато'. Сиб. тат. *ötyra||ötärasyna* 'навстречу' (наречие), *ötyrläu* 'встречать', *ötärasyna сууурты* 'вышел навстречу', 'вышел встречать', алт. *удура* 'навстречу'.

Рассмотрим теперь некоторые сибирско-татарские и алтайские лексические параллели. В народноразговорном языке сибирских татар бытует слово **qoboj** — грамматически это имя прилагательное, служащее определением к слову **keše**, **qoboj keše** 'человек с дурным характером'. Производное от **qoboj**: **qobojlanu-** 'скандалить, озорничать, проявлять свой дурной характер'.

По-видимому, происхождение этого слова связано с родом шорцев *кобий*. У алтайских племен *сояк кобий* — род, часть шорцев⁸. Таким образом, слово **qoboj**, бытующее в языке татар, так или иначе связано с алтайскими племенами. Однако первоначальное значение этого слова татарами забыто.

В лексике некоторых групп сибирских татар существует слово **šemäksen** 'сплетник', у шорцев *смакчы кизи* 'проньера, слуга, служанка'. Вероятно, это слово проникло в язык сибирских татар из языка алтайских племен в значении «слуга», «служанка», но с течением времени первоначальное семантическое значение было также утрачено, сохранилось лишь прилагательное, характеризующее человека, наделенного указанной чертой.

В языке сибирских татар и алтайских племен встречается слово *пазынчак* (сиб. тат. — *пасынцак*), означающее «униженный, смиренный (человек)». Татарами это слово всегда употребляется только для характеристики человека и всегда вместе со словом «человек» (*пасынцак keše*): **qıqurğa keše** 'хвастун, шутник'. Это фразеологическое сочетание в татарском языке также имеет свою параллель. В языках алтайских племен есть слово *кокур* 'шутка'. В сиб. тат. **tasraj küs** 'пучеглазый (человек)', в алт. *тозрой-* 'выпучивать глаза'. Среди тарских татар нами зафиксировано фразеологическое сочетание: **Taslar||fastar ajmakq tabyşqan tapä sujur sujlaşqan** 'Тастары собрались, зарезав телку, угощались'. Очевидно, в данном выражении нашли глухое отражение давние исторические контакты западносибирских татар с алтайскими племенами, в частности, с родом тастар. Как известно, *тастар* — это название рода у племен Северного Алтая (*тастар кондош* 'плешистые кондоши')⁹.

Параллели между народноразговорным языком сибирских татар и алтайских племен встречаются и в названиях явлений природы, например: **пасауај** — лексическое значение этого слова «зигзагообразная молния», «страшная непогода», тел. *наадагај, најыгај* 'кукла', 'божество, изображаемое в виде кукол'¹⁰. Сиб. тат. **rojoğyyn** 'буран, метель', у алтайских племен, в частности, у телеутов *порогон* в том же значении. Здесь налицо явление метатезы. Сиб. тат. **pysqaq** 'мелкий продолжительный дождь', алт. *пыскак* 'иней'. Слово **pysqaq**, сохраняя фонетическую общность со своей алтайской параллелью, изменило семантику.

Много общего между разговорным языком сибирских татар и алтайских племен обнаруживается в зоонимии, в названиях орудий труда, предметов домашней утвари и т. д.

Приведем некоторые слова, наиболее характерные для сибирских татар и алтайских племен, но редко встречающиеся в других тюркских языках¹¹. Сиб. тат. **ауиун** 'куропатка', алт. *агун*; тат. поволж. *кыртавы-*

⁸ См.: Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.—Л., 1935, стр. 39.

⁹ Там же, стр. 10—11.

¹⁰ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западносибирских путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 35.

¹¹ Некоторые примеры этого ряда были предоставлены автору Ф. Т. Валеевым из собранных им полевых материалов.

гы (букв. 'полевая курица'), каз. *құр, күс*, кирг. *чил*, узб. *каклик*. (Сиб. тат. *ögö* 'филин', алт. *ögö*, тат. поволж. *байгыш*; *мәче башлы ябалак* (букв. 'кошкоголовый филин'), каз. и кирг. *үкү*, башк. *ябалак*, якут. *модьугу, модьу атах*, сиб. тат. *ау* 'рыболовная сеть', алт. *ау*, лит. тат. *ятмә*, кирг. *тор*; узб. *тур*; якут. *илим*, каз., башк. *ау*. Сиб. тат. *jese* 'забор для лова рыбы', алт. *йезе*; сиб. тат. *čara* 'круглая, плоская большая деревянная чаша'; сиб. тат. *qumty* 'ящик', алт. *комды*, лит. тат. *тартма*, каз. *жэшік*, кирг. *ящик*, узб. *яшик, қуты*; сиб. тат. *qosoq* 'орех', алт. *кузук*, древнетюрк. *кузук*, тур. *köz*, каз., кирг. *жаңғак*, узб. *ёнғок*, якут. *эриэхэ*, башк. *сәтләүек*. Перечень этот можно продолжить.

Близость народноразговорных языков отдельных групп западно-сибирских татар к языкам народов Алтая наблюдается и в области табуированной лексики этих народов.

Изучению табуированной лексики и эвфемизмов в языках народов Алтая посвящена специальная работа Н. А. Баскакова¹². Однако применительно к языку сибирских татар этот вопрос пока еще не освещался. Особенно отчетливо эта близость прослеживается в лексиконе татарских женщин, что объясняется запретом произносить имя мужа.

Так, в старину жене главы семьи сибирского татарина запрещалось произносить имя мужа и его старших родственников (мужчин). Татарки старшего поколения продолжают соблюдать этот запрет и в наши дни. Материал полевых наблюдений показывает, что жена заменяет имя мужа, так же как и женщина-алтайка, другим словом — эвфемизмом; например, ею употребляется выражение *Ächmätneñ atasy* 'отец Ахмета' или *Äminäneñ atasy* 'отец Амины' (то есть называется имя старшего ребенка в семье).

Обращаясь к младшему брату мужа, жена называет мужа *äkäñ* 'твой брат'; обращаясь к сыну или дочери, говорит *atañ* 'твой отец'; к племяннику мужа — *cicatañ* 'твой дядя'. У сибирских татар жена иногда заменяет табуированное имя другим словом или выражением, например, *ul iğ* 'этот мужчина'; *ul keşe* 'этот человек'. Некоторые эвфемизмы на языке сибирских татар и алтайских племен звучат совершенно тождественно. Нами зафиксированы такие выражения у тарских татар, как *minen käsärem* 'мой деспот' (лат. *Caesar* — титул римских императоров после Цезаря); *minen ituem* 'мой строгий'.

Эти же выражения встречаются и в языке народов Алтая¹³.

На основе приведенного нами небольшого по объему фактического полевого языкового материала, характеризующего языковые контакты западносибирских татар с алтайскими племенами, можно сделать, как нам кажется, следующие выводы.

В языковом отношении сибирские татары представляют весьма пестрый пласт, в их языке имеются элементы многих тюркских языков, в том числе народов Алтая.

Компаративное изучение языков разных групп сибирских татар и алтайских племен позволяет заключить, что между указанными народами существует языковая общность. Многие слова и термины, бытующие в народноразговорном языке сибирских татар, по своему фонетическому звучанию и семантическому значению тождественны или очень близки к словам и терминам, встречающимся в языках народов Алтая. Это, по

¹² Н. А. Баскаков. Пережитки табу и тотемизма в языках народов Алтая. — «Советская тюркология», № 2, 1975, стр. 3—5.

¹³ Там же, стр. 4.

нашему мнению, не случайное совпадение, а результат давних исторических контактов между западносибирскими татарами и некоторыми алтайскими племенами.

Этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Причем это изучение взаимосвязей и взаимодействия рассматриваемых языков необходимо осуществлять комплексно, используя данные не только лингвистики, но и истории, этнографии и других наук, применяя современные научные методы исследования. Привлечение данных алтайских языков может углубить во временном отношении изучение общетюркского праязыкового состояния¹⁴.

¹⁴ См.: Э. Р. Тенишев. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований. — «Советская тюркология», № 5, 1973, стр. 124.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

И. В. ПУХОВ

ИЗ ПОЭТИКИ ОЛОНХО

(МОНОЛОГИ ОЛОНХО)

В отличие от эпоса большинства тюркских народов олонхо исполняется без инструментального сопровождения¹. Основная музыкальная и смысловая нагрузка в олонхо падает на так называемые монологи, которые поются, тогда как остальные стихотворные части произносятся речитативом. Это придает олонхо и его исполнению специфический характер. Монологи создаются только стихами, в них заключена повествовательная часть олонхо. Остальной текст может представлять собой сочетание стиха и прозы.

В олонхо монологи-песни занимают около одной трети текста. Например, в «Неспотыкающемся Мюлдью Сильном», записанном от Д. М. Говорова², 61 песня, что составляет 7.434 стихотворных строки из общего числа 19.271. В «Нюргуне Боотуре Стремительном» П. А. Ойунского песенный текст, по подсчетам Г. М. Кривошапко, содержит 13.509 стихотворных строк из общего числа 36.768³.

Исполнение песенной части требует вдвое больше времени, чем речитативного текста. По подсчетам той же Г. М. Кривошапко, монологи занимают около 66% времени, затрачиваемого на исполнение всего олонхо.

Монолог олонхо по своему характеру близок к драматическому: поющий обращается к какому-либо лицу, которое находится либо рядом, либо где-то очень далеко. Так, например, герой, находясь в Нижнем (подземном) или Среднем мире, может обратиться за помощью к жителям Верхнего (небесного) мира, и его услышат. Внутренний монолог в олонхо отсутствует.

Хотя якутский эпос исполняется одним лицом — *олонхосутом*, певец воспроизводит голоса разных персонажей, ибо каждый из них имеет собственный, отличный от других тембр голоса и свой лейтмотив. По сути дела олонхо — это театр одного актера: олонхосут выступает в роли всех персонажей повествования — мужчин (героев, чудовищ, тунгусского богатыря, старика-мудреца, раба Сорук Боллура), женщин (героини, шаманки-чудовища, старухи рабыни Симэхсин), детей, богов, птиц, животных. Диапазон голоса олонхосута чрезвычайно широк — буквально от сопрано до баса. Олонхо очень близко по своему характеру к эхиритбулагатской группе бурятских *улигеров*, точно так же исполняемых од-

¹ О музыке олонхо см.: С. А. Кондратьев. Якутская народная песня. М., 1963; Г. М. Кривошапко. Якутская музыка и олонхо. — В издан. «Мелодия»: «П. А. Ойунский. Нюргун Боотур Стремительный. Олонхо». Л., 1970.

² Это олонхо в 1938 г. было издано в Москве на якутском языке латинизированным алфавитом, текст его составляет 474 страницы.

³ Г. М. Кривошапко. Музыка олонхо. См.: «Строптивый Кулун Кулустуур — якутский народный героический эпос». Готовится к изданию в серии «Эпос народов СССР».

ним певцом без инструментального сопровождения с воспроизведением различных голосов.

Стихи олонхо по размеру неравносложны — от четырех до двенадцати-четырнадцати слогов в строке. По звуковой организации это аллитерационный стих, с созвучиями как согласных, так и гласных. Например:

53. Аһыырга айыллыбыт
абыс иилээх — саҕалаах
аан-ийэ дойдум иччитэ
айгыр силик аһынылаах саналаах
алгыстаах тыллаах Аан Мичик Хотун⁴.

'Хозяйка восьмибодной-восьмикранной
первозданной матушки-земли моей,
изначально созданной для пропитания;
бабушка госпожа моя, Аан Мичик Хотун,
щедро разукрашенная,
сострадательная в помыслах'.

Якутский народный стих не знает рифмы как композиционно организованного звукового повтора. Однако, поскольку в сферу аллитерационного созвучия как в начале, так и в конце стиха вовлекаются и гласные, в нем часто возникает сходство с рифмой. Например:

58. ...сылбараң маһан булаайаһынан
үстэ кыгыһаччы дайбаата, —
аарыһын тыһа айдаарда,
хоботун тыһа куугуһаата.

'Трижды протяжно ударила
глянцево-белой колотушкой,
забрэнчали подвески бубна ее,
ширкунцы ее зазвенели'.

Из данного примера видно, что звуковой строй стиха олонхо полностью подчинен господствующему в якутском языке закону сингармонизма, согласно которому «употребление в якутском языке как гласных, так и согласных звуков строго упорядочено определенными нормами и правилами»⁵, то есть в словах, начинающихся с широких гласных, далее следуют только широкие гласные, а в словах, начинающихся с узких гласных, — только узкие. Поэтическая выразительность стиха олонхо, его музыкальность достигаются посредством сочетания сложных аллитерационно-ассонантных созвучий с сингармонизмом гласных.

Благодаря соблюдению закона сингармонизма в якутском стихе созвучия прослеживаются не только в начальных слогах строк, но и внутри строк, то есть они могут быть не только вертикальными, охватывающими соседние стихи, но и линейными (в пределах одного стиха). Сочетаясь в самых различных комбинациях, подобные созвучия могут охватить и всю строфу, продолжаться за ее пределами, распространяясь на многие десятки строк и образуя сплошной поток сходных созвучий.

Якутский аллитерационный стих изучался такими крупными поэтами, как А. Е. Кулаковский⁶ и П. А. Ойунский⁷. Имеется и обобщающая работа по якутскому стихосложению⁸.

⁴ Олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» (рукопись). Далее ссылки на это олонхо будут указываться в тексте номером абзаца в начале цитаты.

⁵ Г. М. Васильев. Якутское стихосложение. Якутск, 1965, стр. 20.

⁶ А. Е. Кулаковский. Правила якутского стихосложения. — В сб. трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ», 1925, вып. I.

⁷ П. А. Ойунский. О теории якутского стихосложения. — «Сочинения», т. 7. Якутск, 1962.

⁸ Г. М. Васильев. Указ. раб.

Несмотря на неравномерность стиха (может быть, даже кажущуюся), стих олонхо, как нам думается, тяготеет к очень сложной разновидности силлабического стиха. Возможно, именно поэтому так легко привилась в современной якутской поэзии силлабическая система. Ассонантные созвучия народного стиха олонхо, в конечном счете, способствовали становлению рифмы в якутской поэзии.

По-видимому, олонхо следует рассматривать как очень древнюю форму стиха, созданную еще в тот период, когда отделялась поэзия от прозы и воспринималась как то, что «можно петь». В стихе олонхо многое восходит к ритмической прозе, соотношение которой со стихом еще не изучалось. Поэтому одни относят олонхо к прозе, другие же расчленяют текст на стихи, не придерживаясь при этом каких-либо твердых правил. Возможно, именно этим в какой-то степени и объясняется указанная неравномерность слогов в стихе.

Для монологов характерны те же изобразительные средства, что и для всего олонхо. Однако можно отметить и специфические особенности.

Прежде всего для монологов характерны обращения:

129. Тобус халлаан тойотторо буолбут,
түөрт-уон түөрт добуолу тойоттор,
дорообону тутун!
Сүһүөхтээх бэйэм сүгүрүйэ,
хоолдьуктаах бэйэм хонкуйа кэллим.
үс хара күлүккүтүгэр мүргүйэбин!
Примите приветствие мое,
сорок четыре приближенных тойона,
ставшие господами девятого неба!
Я пришла и, имея суставы, приседаю,
имея выю, наклоняюсь,
трем вашим теням поклоняюсь!

Обращение может представлять собой постоянный расширенный эпитет, характеризующий лицо, к которому обращаются, его родину и его коня (пример приводим только в русском переводе):

59. Здравствуй, богатырь,
Строптивый Кулун Куллустуур,
выросший в тихой райской стране,
где деревья редуют, только сваливаясь,
вода убывает, лишь испаряясь,
восходит ежедневно
дорогое светлое солнце,
бледнеет по утрам
луны сияющий отблеск;
(здравствуй, богатырь),
выросший в стране, в которой люди и скот
(до тебя) еще не размножились,
владеющий конем
с кроншнепом-птицей на ушах,
кукушкой-птицей на загривке,
сарычем-птицей на лопатках,
еелезнем-птицей на крупе,
серыми зайчатами на подколенках;
в Верхней Сибири назван он:
Огненный Рыжий конь,
который, резвясь, мотает головой;
в Нижнем мире назван он:
Буйный Рыжий конь,
который, резвясь, перебирает ногами;
в Среднем же мире назван он:
Вихревой Рыжий конь,
который, резвясь, помахивает хвостом;
Другой России царь, иной Сибири князь,
(чужого) бранного поля властелин,

собственный мой господин,
предназначенный самец —
муж верный мой,
предопределенный мне Гремящим Хааном,
предуказанный мне Мычащим Хааном,
предназначенный мне Ревущим Одун Хааном!

Такой торжественный стиль с полным перечнем всего, чем обладает и чем славится собеседник, обязателен во всех случаях обращения богатыря *айыы* к другому богатырю *айыы*, или к божеству, к богине земли Аан Алахчын Хотун, к небесным вестникам, шаманам, шаманкам.

Другой характер носит обращение к чудовищам *абаасы*. Здесь все носит характер издевки, позорящей лицо, к которому обращаются. Сатирический тон сохраняется даже и в том случае, когда к чудовищу обращаются с просьбой:

216. Ты, Муос Буодьулаан — богатырь,
ездящий на буреломе, покрытом землей,
старший братец мой,
ближних соседей уничтоживший,
дальних соседей поочистивший,
кровно-родственных соседей прикончивший,
широкий живот свой не насыщающий никакой жратвой,
к любой еде
не знающий отвращения,
на, (закуси), поешь,
принесла я тебе обильное угощение,
щедрый подарок — бери!

Подобная характеристика представляет собой постоянный расширенный эпитет данного чудовища. Любопытно, что это обращение не только не воспринимается чудовищем как оскорбление, но и само оно характеризует себя теми же словами.

В приведенных примерах раскрывается и другая особенность монологов олонхо: прямая характеристика лица, к которому обращаются. Часто встречаются в монологах и случаи самохарактеристики героев, возвеличивающих себя.

Так, например, в монологе героя Неспотыкающегося Мюльдью Сильного из одноименного олонхо говорится: «Я, тридцать лет пролежавший калекой, Неспотыкающийся Мюльдью Сильный, указанный в синодике из слоистого золота господина девяти вышних небес беломолочного вида Юрюнг Аар Тойона стать неотодвигаемым, как темная каменная стена, заслоном»⁹.

Подобная традиция самовозвеличивания и самовосхваления восходит к глубокой древности. Так, например, «небоподобный, неборожденный» тюркский каган Кюль-Тегин, став каганом, по его словам «вполне поднял погибший народ, неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным»¹⁰.

Не только содержание, но и само построение речи героев, а также ее лексика раскрывают внутреннюю сущность говорящего. В монологах много риторической торжественности, что связано с общим архаическим характером олонхо, его общностью с древним эпосом тюрко-монгольских народов. В олонхо сохранились многие забытые понятия и вышедшие из употребления слова. Враждебные героям чудовища *абаасы* грубы, уродливы, соответственно и речь их вульгарна и примитивна; ко-

⁹ Д. М. Говоров. Неспотыкающийся Мюльдью. М.—Л., 1938, стр. 300 (на якутском языке).

¹⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, стр. 35.

мические персонажи — раб Сорук Боллур и рабыня Симэхсин поют и говорят выкриками, отрывисто, слова произносят нечетко, проглатывая звуки, речь их, нестройная и бессвязная, изобилует просторечными выражениями, прозаизмами. Речь старца Сээркээн Сэсэна, как и подобает быть речи мудреца, медлительна и торжественна. Торжественностью и большими периодами отличаются и монологи верховного божества Юрюнг Аар Тойона, небесных шаманов. Персонажи олонхо четко разграничены по своим функциям, характер монологов отражает эти функции и их место в эпосе. В то же время это дифференцирование еще несколько упрощенно, основывается больше на внешних признаках. Психологическое состояние говорящего, его настроение выражается весьма прямолинейно, со всей «очевидностью». Тоска плененной чудовищами героини или отчаяние и жалобы побежденного богатыря подаются в гиперболизированной форме и увязываются с важнейшими описываемыми событиями. Тонкости переживаний героев, колебания в их настроении не находят отражения ни в их речах, ни в действиях, так же, как и в героическом эпосе других народов.

Одно из основных отличий монологов олонхо от речитативной части заключается в их структуре. Монологи героев являются как бы средством их самовыражения. В них большое место занимает биографический элемент. Эти монологи проникнуты стремлением героев подробно высказать все «до конца», выразить свое отношение к излагаемым событиям. В речитативе олонхосуты обычно избегают повторного изложения событий. Герои же в своих монологах очень часто обращаются к предыстории описанных событий, вновь и вновь излагая уже известное слушателю. Повторы, тавтология в описании ситуаций и событий — одна из главных особенностей монологов олонхо.

Монологи как бы составляют каркас всего олонхо, в них переплетаются все перипетии сюжета. События разворачиваются от монолога к монологу.

Эта особенность предопределяет значение монологов, в которых олонхосуты не только излагают сюжет, но и придают ему эмоциональную окраску, выражая накал страстей, героическую борьбу и т. д.

Таким образом, монологи в олонхо — это своеобразные «конденсаторы» происходящих событий, по своей напряженности и эмоциональности требующие песенного выражения.



ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Е. И. УБРЯТОВА

С. Е. МАЛОВ И ЕГО ТРУДЫ

Имя С. Е. Малова почитаемо всеми тюркологами. Вероятно, трудно найти специалиста, который в своей повседневной работе не обращался бы к его исследованиям. Еще не сошло со сцены поколение его многочисленных учеников, в памяти которых живы воспоминания об этом очень самобытном ученом и человеке. На VII Тюркологической конференции в Ленинграде так глубоко и живо освещались различные стороны многогранной научной деятельности С. Е. Малова, так тепло и сердечно говорили о нем самом, что возникало ощущение его непосредственной причастности не только к работе совещания, но и ко всему тому, что делается в настоящее время в области тюркологии.

Отсылая читателей к этим докладам¹ и нашим статьям, посвященным С. Е. Малову², мы остановимся лишь на некоторых вопросах биографии ученого и судьбе его трудов.

С. Е. Малов³ родился 16 (4) января 1880 г. в Казани в семье протоиерея, профессора Казанской духовной академии Е. А. Малова⁴, известного деятеля миссионерского движения, которому И. Ю. Крачковский дал следующую характеристику: «Основательный знаток татарского и арабского языков, значительное количество своих основных работ он посвятил полемике с исламом»⁵. Ученик Н. И. Ильминского и Г. С. Саблукова, Е. А. Малов оставил след и в тюркологии, и в арабистике как различными своими статьями, так и главным образом препода-

¹ См. публикуемые в данном номере: Н. А. Баскаков. С. Е. Малов и изучение каракалпакского языка; А. М. Щербак. С. Е. Малов — исследователь древнетюркских и древнеуйгурских памятников; Э. И. Фазылов. С. Е. Малов — исследователь истории тюркских языков СССР; У. Доспанов. Ценный вклад в каракалпакское языкознание.

² Е. И. Убрятова. О научной и общественной деятельности С. Е. Малова. — «Тюркологический сборник. 1951», стр. 5—30; *ее же*. С. Е. Малов (К 75-летию со дня рождения). — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. 14, 1955, № 1, стр. 93—98; *ее же*. Сергей Ефимович Малов (некролог). — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1957, № 6, стр. 574—578; *ее же*. С. Е. Малов (К 80-летию со дня рождения). — В сб.: «Проблемы тюркологии и истории востоковедения». Казань, 1964, стр. 43—55; *ее же*. С. Е. Малов — крупнейший исследователь тюркских языков. — «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук», вып. I, 1968, № 1, стр. 108—111.

³ «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». М., 1974, стр. 211—212.

⁴ Там же, стр. 210; А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, стр. 176, 212.

⁵ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 184.

давательской деятельностью. Знание языков было для него лишь средством, используемым им для пропаганды православия. По словам С. Е. Малова, его отец Е. А. Малов считал, что для чтения лекций в Духовной академии не следует приглашать университетских профессоров, ибо для них важнее «звучок, а не слово божье». Этим, по-видимому, объясняется то, что он никак не мог примириться с приглашением в Духовную академию Н. Ф. Катанова⁶.

Конечно, Е. А. Малову, как всякому отцу, хотелось, чтобы сын был продолжателем главного дела его жизни. И С. Е. Малова готовили к этому. Он получил духовное образование (окончил духовное училище, семинарию, духовную академию). Однако судьба С. Е. Малова сложилась иначе. С. Е. Малов активно посещал лекции Н. Ф. Катанова в Казанском университете и под его руководством подготовил свою первую статью о языке мишарей Чистопольского уезда⁷. Окончив Духовную академию и защитив диссертацию на тему «Сотворение мира по мусульманским источникам» (воспроизводится по памяти), С. Е. Малов поступил в Петербургский университет. Заметим попутно, что в некрологе, опубликованном в № 6 журнала «Советское востоковедение» за 1957 г. (стр. 200), в связи со смертью С. Е. Малова сообщается следующее: «Вопреки воле родителей Сергей Ефимович отказался от духовного образования и посвятил себя научной деятельности». О том, что это было вопреки воле родителей, нам никогда не приходилось слышать ни от самого С. Е. Малова, ни от его жены А. М. Маловой. Так уж получилось, что С. Е. Малова заинтересовала и увлекла та сторона деятельности его отца, которую тот считал второстепенной и подсобной. Об этом в своей первой упомянутой выше статье С. Е. Малов пишет: «Заинтересовавшись мишарями по статьям г. Казаринова и проф. Малова, я отправился летом 1902 г. к мишарям Чистопольского уезда Казанской губернии» (стр. 3).

Получив за годы обучения в семинарии и Духовной академии обширные знания по татарскому, арабскому, древнееврейскому языкам, а также по этнографии тюркских народов и культуре ислама, С. Е. Малов не сожалел о времени, потраченном на духовное образование. (Заметим в скобках, что как-то, еще в тридцатые годы, автор этих строк обратилась к Сергею Ефимовичу с вопросом: «Не считает ли он потерянным время, потраченное им на духовное образование?». На что тот очень серьезно и очень категорично ответил: «Нет, не считаю»). Однако православие не стало частью его мировоззрения. Он был атеистом. С его точки зрения, православие заслуживало внимания, как всякая религия, игравшая важную роль в истории народов. Как объект изучения его больше привлекал шаманизм.

Е. А. Малов это понял и дал сыну полную возможность не только учиться на Восточном факультете Петербургского университета, но и совершать экскурсии с научной целью. В статье «Булгарские и татарские эпиграфические памятники» С. Е. Малов сообщает: «В начале июля 1907 г., будучи студентом факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, предпринял на средства своего отца — Е. А. Малова — экскурсию (вместе с проф. А. Н. Боголюбовым) в с. Матвеевку,

⁶ Подробнее об этом см.: С. Н. Иванов. Н. Ф. Катанов. Очерк жизни и деятельности. М., 1973.

⁷ С. Е. Малов. Из поездки к мишарям (О наречии мишарей Чистопольского уезда). — «Приложение к Ученым запискам Казанского университета». Казань, 1904.

б. Спасского уезда, для осмотра находящихся там болгарских надгробных камней»⁸.

С. Е. Малов всегда очень тепло и с чувством глубокой благодарности вспоминал об отце. Не разделяя его убеждений, он уважал преданность им. С легкой иронией он вспоминал о том, как отец поручал ему еще в детстве читать после себя корректуры своих работ. За каждую найденную ошибку платилась копейка. (Это сотрудничество, разумеется, на другой основе, продолжалось и позднее). Уже будучи студентом, С. Е. Малов помогал отцу править корректуру перевода «Корана» Г. С. Саблукова. О пребывании в Петербургском университете С. Е. Малов говорил редко. Рассказывал, что посещал лекции И. А. Бодуэна де Куртенэ, пытался бывать на лекциях у П. М. Мелиоранского, но это не очень получалось, так как П. М. Мелиоранский читал только на старших курсах. О В. А. Жуковском С. Е. Малов вспоминал в связи с оставлением его при университете. В. А. Жуковский сказал ему, что оставить для подготовки к профессорскому званию его могут, но предупредил, что по окончании едва ли он сможет работать при университете, так как вакансии нет. С. Е. Малов ответил, что он надеется работать в Казанском университете.

Часто и очень тепло вспоминал С. Е. Малов о В. В. Радлове.

С. Е. Малов приехал в Петербург в период весьма важный в истории русского востоковедения. В 1903 г. был организован Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях⁹. В состав комитета вошли все крупные востоковеды того времени во главе с его бессменным председателем академиком В. В. Радловым. Русский комитет был создан при Академии наук и при Министерстве иностранных дел. Министерство выделяло большие средства, позволявшие организовывать научные экспедиции. Руководители Русского комитета широко пользовались этой возможностью для изучения языков и этнографии народов Азии как в России, так и за ее пределами. Можно без преувеличения сказать, что русское востоковедение в предреволюционные годы было обязано своим развитием Русскому комитету и его председателю В. В. Радлову. Будучи еще с 1893 г. директором Музея антропологии и этнографии Академии наук, В. В. Радлов возглавил изучение языков и этнографии народов России. Проработавший около четверти века в провинции — 12 лет на Алтае и столько же в Казани, он хорошо знал местную интеллигенцию, занимавшуюся изучением народов России и их языков, деятельно помогая им в этом. Вместе с П. П. Семеновым-Тяньшанским В. В. Радлов поддержал ходатайство Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества о привлечении к участию в Сибиряковской экспедиции (1894—1896) политических ссыльных, проживавших долгие годы в гуще местного национального населения Сибири, Э. К. Пекарского, В. М. Ионова, В. Г. Богораза и других. Многие из них в дальнейшем стали его сотрудниками в Музее антропологии и этнографии и Русском комитете (Э. К. Пекарский, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз и др.). При Музее антропологии и этнографии в то время собралась большая группа энтузиастов науки, знатоков языков и быта многих народов Сибири, в том числе и тюркских. Эта группа на многие годы определила развитие науки в данных областях. В советское время

⁸ «Эпиграфика Востока», I, 1947, стр. 38.

⁹ Е. Я. Люстерник. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. — «Народы Азии и Африки», 1975, № 3, стр. 224—232.

группа, получившая название Радловского кружка, приняла на себя огромный труд по созданию письменности и выработке литературных языков многих бесписьменных народов нашей страны, выполняя функции целых институтов, которые в Академии наук только-только начинали формироваться.

С. Е. Малов по своим научным интересам и сложившимся в Казани отношениям (он был учеником воспитанника В. В. Радлова — Н. Ф. Катанова), естественно, должен был примкнуть к этому кругу ученых. Он участвовал в заседаниях Радловского кружка и в экспедициях, организуемых В. В. Радловым через Русский комитет. В 1908 г. В. В. Радлов направил его в Сибирь для изучения языка шорцев и чулымских тюрков¹⁰. Это была первая непосредственная встреча С. Е. Малова с сибирскими тюркскими языками и енисейскими руническими памятниками. Собранные тогда материалы были использованы в ряде статей по языку и этнографии народов Сибири и Алтая. Сам С. Е. Малов в дальнейшем не занимался специально исследованием этих языков, но постоянно следил за их изучением и помогал в этом своим ученикам и молодым исследователям. Позднее в предисловии к «Грамматике ойротского языка» Н. П. Дыренковой он писал: «Ее грамматика послужит большим толчком и вызовет, надеюсь, интерес к этому несколько забытому тюркологическому участку — к тюркским языкам Сибири. Над изучением тюркских языков Сибири тюркологи не так активно работают, как бы того заслуживали эти самые языки, у тюркологов преобладал и еще теперь преобладает интерес к тюркским языкам, имеющим большую историю своей письменности и литературы, а не к языкам „бесписьменным” или младописьменным»¹¹. Эти слова С. Е. Малова сохраняют свое значение и по сей день, хотя с тех пор произошли большие перемены. Вырос и окреп Институт языка и литературы Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (открыт в 1935 г.), были созданы соответствующие научно-исследовательские институты в Хакасии (1944 г.), Туве (1945 г.), Горно-Алтайске (1952 г.). По инициативе проф. А. П. Дульзона в 40-е гг. при Томском государственном педагогическом институте возник научный центр по исследованию языков народов Сибири (в том числе и бесписьменных тюркских), который содействовал развитию интереса к бесписьменным языкам Сибири и привлек многих преподавателей иностранных языков к их изучению. В 1963 г. был создан Сектор языков народов Сибири, а с 1968 г. — лаборатория экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Тем не менее изучение многих тюркских языков Сибири по сей день не вышло из стадии, которую С. Е. Малов называл «пройтись первым плугом». Объясняется это прежде всего малочисленностью специалистов, занимающихся отдельными языками этого региона. Даже самый крупный из названных институтов — якутский из-за недостатка кадров до сих пор не имеет возможности развернуть должным образом изучение якутского языка во всех лингвистических аспектах. Многие практические работы (составление учебников и пособий, проведение лекций и консультаций), а также научные исследования, требующие трудоемкой подготовки (собираание диалектного материала в многочисленных и территориально отдаленных районах республики, его первичная обработка, составление слова-

¹⁰ Отчет о командировке студента Восточного факультета Сергея Ефимовича Малова. СПб., 1908.

¹¹ См.: Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 10.

рей и т. п.), выполняются всем составом сотрудников. В хакасском и тувинском институтах научных сотрудников еще меньше (3—4 человека) и возникли эти институты на десять лет позднее. На семнадцать лет позже был создан институт в Горно-Алтайской автономной области, в котором долгое время работали лишь два языковеда. Что касается изучения письменных языков, то они исследовались от случая к случаю. Чаще всего это были разновременные записи отдельных слов, иногда текстов и совсем редко появлялись посвященные их изучению специальные статьи. Поэтому трудно переоценить значение проводившегося за последние двадцать пять—тридцать лет А. П. Дульзоном и его учениками (преподавателями иностранных языков кафедр различных сибирских вузов) изучения языков народов Сибири, в том числе и тюркских. А. П. Дульзон, заведовавший кафедрой германских языков и общего языкознания Томского пединститута, занимаясь проблемой происхождения аборигенов Сибири, руководил большой группой учеников и сотрудников, изучавших языки, топонимику, этнографию и историю местных народов. Так были изучены языки чулымских тюрков, хакасов, татар (томских и барабинцев) и написаны исследования о языке чулымских тюрков в сопоставлении с татарским и хакасским языками. После кончины А. П. Дульзона в 1973 г. большая группа его учеников продолжила его исследования, многие из них стали заочными аспирантами и диссертантами и работают в настоящее время при Секторе языков народов Сибири Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР и его лаборатории экспериментально-фонетических исследований по языкам алтайцев (кумандинцев, туба, телеутов), долган, шорцев. Впервые стало проводиться широкое экспериментальное исследование фонетики тюркских языков Сибири. Особого внимания и всяческой поддержки требует изучение языков народов Сибири, осуществляемое на общественных началах преподавателями кафедр иностранных языков различных вузов Томска, Кемерово, Новосибирска, Новокузнецка, а за пределами Сибири — в Саратове и Ярославле. Эта форма работы возникла еще по инициативе В. В. Радлова, тогда еще молодого преподавателя немецкого языка. В. В. Радлов проработал в Барнауле двенадцать лет, занимаясь в свободное время изучением тюркских языков Алтая и прилегающих районов Западной Сибири, Монголии и Средней Азии. Здесь им были созданы труды, составившие гордость нашей науки.

Енисейские рунические памятники стали для С. Е. Малова предметом постоянного изучения. Его вклад в дешифровку этих трудно поддающихся прочтению надписей очень велик, и тому, что они стали сейчас «легко читаться», мы обязаны С. Е. Малову, который посвятил им почти пятьдесят лет своей жизни, подготовив несколько публикаций¹².

По окончании университета С. Е. Малов по представлению В. В. Радлова дважды направлялся Русским комитетом для изучения тюркских языков в Западный и Центральный Китай. Почти четырехлетнее (1909—1911 и 1913—1915 гг.) пребывание С. Е. Малова среди различных групп тюркских народностей позволило ему собрать большой материал по языку уйгуров Западного Китая, лобнорцев, сарыг-йугуров¹³. Это представляло огромный научный интерес для русской науки. Тогда же была

¹² Главнейшая из них — «Енисейская письменность тюрков». М.—Л., 1952.

¹³ Главная часть этих работ была опубликована уже в советское время (см. выше).

открыта и уникальная древнеуйгурская рукопись «Алтун яруг», к изданию которой В. В. Радлов сразу же приступил¹⁴.

После возвращения из второго путешествия в Центральный и Западный Китай (1915 г.) С. Е. Малов приступил к сдаче магистерских экзаменов, по завершении которых в 1916 г. он поехал на преподавательскую работу в Казань.

О большом интересе С. Е. Малова к преподавательской работе свидетельствуют две его статьи, посвященные учреждению тюркского и финно-угорского отделений на историко-филологическом факультете Казанского университета¹⁵.

В 1923 г. С. Е. Малов переезжает в Петроград. Он сразу же включился в большую работу по разработке письменности и литературных языков многих народов нашей страны, осуществлявшейся Радловским кружком. Примером деятельности этого периода может служить его участие в разработке якутской письменности. В 1924 г. С. Е. Малов был привлечен к обсуждению проекта алфавита якутского языка С. А. Новгородова¹⁶, а с 1938 г. руководил всеми подготовительными работами по созданию якутского алфавита на русской графической основе.

Вместе с другими членами Радловского кружка С. Е. Малов выступал на I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку (26 февраля — 6 марта 1926 г.). Им был прочитан доклад, посвященный проблемам изучения древнетюркских памятников. С. Е. Малов неоднократно участвовал в экспедициях по изучению каракалпакского¹⁷ и туркменского языков.

Принимая активное участие в многочисленных тогда конференциях по разработке алфавитов и орфографий ряда тюркских языков (Алма-Ата, Ташкент и др.), С. Е. Малов готовил кадры языковедов в различных учебных заведениях, руководил аспирантами, преимущественно из числа представителей тюркоязычных народов¹⁸.

В 1923 г. Н. Я. Марр пригласил С. Е. Малова в Институт яфетидологических изысканий. Между ними состоялась беседа, о которой С. Е. Малов вспоминал с добрым чувством. С. Е. Малов глубоко уважал Н. Я. Марра как ученого, широко смотрящего на задачи науки, ценившего не только теоретические исследования, но и придававшего большое значение обработке конкретных материалов, детальному описанию живых языков и их древних памятников. В жизни С. Е. Малова это был довольно трудный период: одно время он даже работал только в Публичной библиотеке, где занимался регистрацией изданий, поступавших из республик. Однако его исследовательская деятельность не прекращалась ни на минуту.

¹⁴ «Suvarnaprabhāsa» («Сутра золотого блеска»). Текст уйгурской редакции, изд. В. В. Радлова и С. Е. Малова. Bibliotheca Buddhica, XVII, тт. I—II. СПб., 1913; тт. III—IV. Пг., 1914; тт. V—VI. Пг., 1915; тт. VII—VIII. Пг., 1917.

¹⁵ См. сб.: «Неотложные задачи земств Поволжья». Казань, 1917, стр. 13—26.

¹⁶ См.: «Приложение к протоколу X заседания ОИФ Российской Академии наук от 23 июля 1924 г.». — «Известия Российской Академии наук», серия VI, т. XVIII. Л., 1924.

¹⁷ С. Е. Малов. Каракалпакский язык и его изучение. — В сб.: «Каракалпакия», т. II. Л., 1934, стр. 200—207; его же. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966.

¹⁸ Автору этих строк также посчастливилось готовить свою диссертацию под руководством С. Е. Малова. Сергей Ефимович по несколько раз читал все разделы работы. Его указания относились преимущественно к разысканиям по существующей литературе и сопоставлению аналогичных материалов. В остальном он предоставлял автору полную свободу действий.

С 1934 г. С. Е. Малов начал свою работу в Институте языка и мышления, которая продолжалась до самой его кончины в 1957 г. Он много лет заведовал Сектором тюркских языков, с 1951 г. — Сектором алтайских языков.

В 1939 г. Институт языка и мышления выдвинул кандидатуру С. Е. Малова в члены-корреспонденты Академии наук СССР и с этого времени С. Е. Малов работал в Отделении литературы и языка Академии наук СССР.

Будучи сотрудником Института языка и мышления, С. Е. Малов подготовил к печати все свои труды по древнетюркским памятникам и материалы по тюркским языкам Западного и Центрального Китая. В 50-х годах все эти работы одна за другой были изданы. Продолжая традиции школы В. В. Радлова, С. Е. Малов занимался изучением и описанием живых бесписьменных языков, черпая материалы из фольклора и бытовой речи их носителей, сопровождая эти описания краткими грамматическими комментариями и глоссариями.

Как и В. В. Радлов, С. Е. Малов изучал рунические памятники, продолжая работу по дешифровке и публикации неразобранных енисейских памятников, уйгурских документов, а также по уточнению и переводу прежних публикаций (памятник Тоньюкука).

До выхода в свет его книги «Памятники древнетюркской письменности» в 1951 г. С. Е. Малов был в числе немногих исследователей, занимавшихся изучением рунических памятников.

Внимание С. Е. Малова как исследователя и в описании живых языков, и в изучении древних памятников больше всего привлекали лексические особенности. Он был для своего времени, несомненно, самым крупным знатоком тюркской лексики. Это особенно отчетливо проявилось в составленных им к своим трудам глоссариях, до сих пор не утративших научного значения, в его рецензиях и тех материалах, которыми он пополнил «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского, а также в работах о тюркизмах в русском языке. Грамматические особенности языка в трудах С. Е. Малова стояли на втором месте. Однако и здесь проявилась его глубокая эрудиция, свидетельством которой является составленный им указатель грамматических форм к отрывкам из книги «Золотой блеск»¹⁹.

Внимание С. Е. Малова постоянно привлекала проблема происхождения тюркских языков и их взаимоотношений. С этой точки зрения показательны его работы «К истории казахского языка»²⁰, «Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам»²¹, «Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии»²².

Вопросы классификации тюркских языков также находились в центре научных интересов С. Е. Малова. Главная заслуга его в данной области заключалась в том, что он дал классификационным признакам, отчасти уже выдвигавшимся его предшественниками, историческое истолкование²³.

¹⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 187—198.

²⁰ См.: «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1941, № 3, стр. 97—101.

²¹ См.: «Вестник Академии наук СССР», 1941, №№ 5—6, стр. 63—64.

²² См.: «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1947, т. VI, вып. 6, стр. 475—480.

²³ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1952, т. XI, вып. 2, стр. 135—143.

Работать с Сергеем Ефимовичем было очень легко и всегда интересно. Он очень трезво оценивал свои личные качества ученого, не преувеличивая и не умаляя своих возможностей. Он считал, что для науки все важно: и теоретические обобщения, и исследования отдельных конкретных языковых фактов. «Все идет в общий котел», — любил повторять он, и с неподдельным интересом относился к любой работе, независимо от того, кому она принадлежала — студенту или крупному ученому, лишь бы она содержала новый факт или мысль, позволяющие что-то понять и объяснить. Особенно он ценил привлечение новых материалов, говоря: «Материалы в наших работах — самое главное!», «Я — фактист». В этом плане весьма интересна его книга «Енисейская письменность тюрков», в которой С. Е. Малов раскрыл всю работу по дешифровке, чтению и переводу енисейских рунических памятников. В этой работе виден весь С. Е. Малов как исследователь отдельных фактов, как страстный и последовательный полемист по большим принципиальным вопросам науки и жизни.

С. Е. Малов называл себя беспартийным большевиком и действительно им был. Он никогда не высказывался публично по политическим вопросам, но вся его жизнь, его отношение к событиям, его поведение и в Институте языка и мышления, и во время войны в эвакуации подтверждают эту самохарактеристику. Он всегда находился в окружении людей, и он всегда всем был нужен.

В жизни и работе это был очень скромный и неприхотливый человек. В то время у него, как и у других тюркологов, лаборантов не было. Эту работу выполняла его жена А. М. Малова (1886—1973), помогавшая ему в вычитке рукописей и корректур, в подготовке к печати многих его книг²⁴. Она же помогала С. Е. Малову читать первую корректуру книги автора этих строк «Исследования по синтаксису якутского языка» (М.—Л., 1950), которая была неожиданно быстро набрана в мое отсутствие. Вместе с сыном И. С. Маловым А. М. Малова составляла библиографию работ С. Е. Малова, которая легла в основу списка его трудов, помещенного в «Тюркологическом сборнике. I» (М.—Л., 1951).

После кончины мужа А. М. Малова целиком посвятила себя заботам об увековечении его памяти, изданию неопубликованных работ, передала на хранение оставшиеся рукописи, словарную картотеку, архив.

Уникальную библиотеку, собиравшуюся семьей Маловых свыше ста лет (на книге Н. И. Ильминского рукой Е. А. Малова сделана надпись: «Получена в мае 1862 г. от автора»), А. М. Малова безвозмездно передала Институту истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР.

Последние годы жизни С. Е. Малов усиленно готовил свои труды к печати. И он успел почти все напечатать. Однако многие его работы изданы неудовлетворительно. Так, например, его книга «Лобнорский язык» (Фрунзе, 1956) содержит множество ужасающих опечаток, к тому же большая часть ее ограниченного тиража сгорела.

Трудная судьба сложилась и у его книги «Язык желтых уйгуров». Она издавалась частями. Многое было сделано С. К. Кенесбаевым для издания ее второй части²⁵ (она вышла в свет раньше первой). Это было

²⁴ С. Е. Малов. Уйгурский язык. М.—Л., 1954; его же. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956; его же. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957; его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959; его же. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1962.

²⁵ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957.

последним прижизненным изданием работы С. Е. Малова. Типографские условия потребовали замены в этом издании многих знаков академической транскрипции знаками практического алфавита казахского языка. Тексты и переводы увидели свет лишь в 1967 г.²⁶ и были напечатаны в академической транскрипции. Было бы, как нам кажется, целесообразным переиздать этот труд фотомеханическим способом по сохранившимся чистым листам издания этой книги, подготовленного самим автором в конце 40-х — начале 50-х гг.

Нам уже не раз приходилось подчеркивать, что в книге «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» (М.—Л., 1959) рунический текст содержит опечатки и поэтому требуется его переиздание²⁷.

И, наконец, о книге «Памятники древнетюркской письменности» (1951 г.). Эта книга сослужила великую службу тюркологии и как очень важное пособие, и как учебная хрестоматия, и как исследование ученого, к которому часто приходится обращаться специалистам. Полностью сохраняет свое научное значение глоссарий книги, несмотря на выход «Древнетюркского словаря», который построен по другому принципу и часто дает иное толкование слов. Для редких слов С. Е. Малов приводит сопоставления с современными тюркскими и монгольскими языками, что очень важно для этимологических изысканий и для сопоставляемых языков. Книга давно стала библиографической редкостью, и в массовых библиотеках она подлежит списанию. Эту книгу С. Е. Малова также необходимо переиздать фотомеханическим способом, и она еще долго будет служить тюркологии.

Хорошо бы переиздать и отдельные статьи и рецензии С. Е. Малова в виде сборника. Это было бы и полезно для науки, и явилось бы прекрасной данью памяти крупнейшего ученого, так много сделавшего для развития отечественной тюркологии, столетие со дня рождения которого уже не за горами.

²⁶ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. М., 1967.

²⁷ См.: «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973, стр. 408; «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 117.

Н. А. БАСКАКОВ

С. Е. МАЛОВ И ИЗУЧЕНИЕ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА

Имя С. Е. Малова в тюркологической науке занимает и всегда будет занимать одно из самых почетных мест. Будучи учеником одного из основателей тюркологии как науки В. В. Радлова и одного из самых талантливых русских тюркологов профессора П. М. Мелиоранского, С. Е. Малов в своей научной деятельности, которая протекала на рубеже двух эпох в истории развития отечественной науки, сочетал в себе радловскую широту научных интересов в области всех тюркских языков и глубину научных исследований, характерную для работ П. М. Мелиоранского.

С. Е. Малов принадлежал к плеяде тех отечественных тюркологов, которые не только передали эстафету пользующегося мировым признанием русского дооктябрьского востоковедения новому поколению ученых, но и воспитали многочисленные национальные кадры советских востоковедов, ныне успешно изучающих историю и культуру, язык и литературу своих народов.

Замечательные научные труды С. Е. Малова по древним и современным тюркским языкам в настоящее время внимательно изучаются учеными — представителями всех тюркоязычных народов, черпающими в них весьма ценные сведения о тюркских языках Восточной Европы, Крыма, Кавказа, Поволжья, Средней Азии и Сибири.

Большие заслуги принадлежат С. Е. Малову и в развитии каракалпакского языкознания. Ряд его трудов и высказываний специально посвящен истории, грамматике, фонетике и лексикологии каракалпакского языка, который до Октябрьской революции был почти неизвестен тюркологам.

Систематическое изучение каракалпакского языка началось по существу только в советское время. До этого каракалпакский язык только упоминался в работах зарубежными и русскими тюркологами без приведения каких-либо конкретных сведений о его фонетических, лексических и грамматических особенностях.

Одним из первых исследователей, давших науке лингвистическое описание каракалпакского языка, был С. Е. Малов. Намерение заняться непосредственно изучением каракалпакского языка было высказано С. Е. Маловым еще в 1929 г., а практически осуществлено через год.

В 1930 году была организована под общим руководством С. Е. Малова диалектологическая экспедиция в четыре основных района Каракалпакской АССР, продолжавшаяся около трех месяцев. Экспедиция

состояла из двух отрядов. Одним из отрядов, обследовавших Чимбайский, Кегейлинский и Тахтакупырский районы, руководил непосредственно сам С. Е. Малов. Вместе с ним участниками экспедиции были редактор республиканской газеты «Михнеткеш каракалпак» Т. С. Сафиев, научный сотрудник А. Кусекеев и сын С. Е. Малова — И. С. Малов. В другой отряд, обследовавший дальние аулы Тахтакупырского района, а также Караузякский и Кунградский районы, входили директор Каракалпакского республиканского музея Н. В. Торчинская, научный сотрудник Московского центрального музея народоведения, этнограф А. Х. Дэвлет, ответственный секретарь Комитета Нового алфавита Каракалпакской АССР Н. А. Баскаков и научный сотрудник того же комитета Т. Б. Бекимбетов.

Как уже отмечалось выше, идея организации экспедиции для изучения каракалпакского языка возникла впервые на Всероссийском этнографическом совещании в 1929 году в Ленинграде. О необходимости лингвистического и этнографического изучения Каракалпакии на этом совещании говорили такие крупные этнографы и лингвисты, как В. Г. Богораз-Тан, Б. Куфтин, П. Ф. Преображенский, Б. М. Соколов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов и другие. Уже тогда С. Е. Малов выразил согласие поехать в Каракалпакию для изучения диалектов каракалпакского языка. Реализовано это было, как отмечалось выше, уже в 1930 г.

В начале 1930 года в Алма-Ате был созван Краеведческим обществом по изучению Казахстана Первый всеказахстанский краеведческий съезд, на котором и было решено организовать под руководством С. Е. Малова экспедицию по изучению каракалпакского языка. Одновременно с Научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы Узбекской ССР организовывалась экспедиция по изучению хорезмских говоров узбекского языка и диалектов каракалпакского языка. Руководил ею профессор Е. Д. Поливанов.

В июне 1930 года Е. Д. Поливанов посетил Хиву, а затем и Турткуль. Однако он ограничился изучением каракалпакских диалектов главным образом у учащихся техникума-интерната в Турткуле и в ближайших к нему аулах. Пробыв около двух недель в Каракалпакии, Е. Д. Поливанов на заседании Комитета Нового алфавита Каракалпакской АССР сделал на каракалпакском языке доклад «О фонетических особенностях каракалпакского языка», а затем продолжил свою работу уже в районах, примыкающих к Хиве.

В июле того же года, по прибытии С. Е. Малова, Комитетом Нового алфавита Каракалпакской АССР были уже подготовлены и оборудованы два больших каюка с тремя полотняными палатками на палубах, и вскоре, после предварительных собеседований, экспедиция отправилась в путь.

Маршрут экспедиции пролегал по водному пути. Через три дня после отправления из Турткуля, пройдя по Амударье, Куванш-Джарме и Кегейли (искусственные каналы орошения), экспедиция достигла города Чимбая. Здесь в течение двух недель проводилась совместная работа с выездами в окрестные селения и аулы, после чего экспедиция разделилась на два самостоятельных отряда, проработавших около месяца. Потом отряды вновь соединились для продолжения совместной работы и подведения итогов. Вскоре С. Е. Малов отправился через Аральское море в Алма-Ату, чтобы доложить о результатах экспедиции, а весь состав последней продолжил свою работу в Ходжейлинском районе Каракалпакской АССР и в Хорезме, в районах расселения каракалпаков. После этого экспедиция вернулась через Хиву в Турткуль, чтобы отчитаться перед Комитетом Нового алфавита Каракалпакской АССР.

Таким образом, благодаря деятельности одного из крупнейших лингвистов и тюркологов Е. Д. Поливанова и проведению в сложных условиях весьма плодотворной по результатам первой специальной лингвистической экспедиции под руководством другого крупнейшего специалиста С. Е. Малова 1930 г. стал весьма знаменательной вехой в истории развития каракалпакского языкознания.

Одной из главных задач, поставленных перед экспедицией, было установление норм каракалпакского литературного языка, разработка и уточнение алфавита, правил орфографии и принципов составления терминологии, а также собирание материалов по грамматике и диалектологии. На основе материалов экспедиции была позже составлена «Краткая грамматика каракалпакского языка», уточнен алфавит, разработаны основные правила орфографии и принципы составления терминологических словарей, написаны учебники для начальной каракалпакской школы, в составлении которых в качестве консультанта неизменно участвовал С. Е. Малов.

Вторым значительным событием в истории изучения каракалпакского языка, активным участником которого был С. Е. Малов, стала Первая конференция по изучению производительных сил Каракалпакской АССР, организованная учреждениями Академии наук СССР: КИПС (Комиссией по изучению племенного состава) и СОПС (Советом по изучению производительных сил).

Конференция была созвана 18—25 марта 1933 года в Ленинграде по инициативе Совета Народных Комиссаров Каракалпакской АССР. В ее работе принимали участие президент Академии наук СССР А. П. Карпинский, академики В. Л. Комаров, В. П. Волгин, А. А. Борисьяк, И. М. Губкин, А. Ф. Йоффе, Б. А. Келлер, С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман и многие другие. Первое заседание конференции открыл А. П. Карпинский. Затем работа конференции проходила в специальных секциях.

Секцией культуры, истории, языка и литературы, заседания которой проходили в индийском кабинете Института востоковедения Академии наук СССР, руководил академик С. Ф. Ольденбург. В работе секции из тюркологов принимали участие А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, А. К. Боровков, А. Хашимов, Н. П. Дыренкова, П. П. Иванов, К. Убайдуллаев, Т. С. Сафиев, Т. Н. Низаметдинов, Дж. Атаниязов, А. Джуманиязов, А. П. Чулошников, А. Маргуланов, А. И. Пономарев, Н. А. Баскаков и др.

На заседаниях этой секции были заслушаны доклады: В. И. Вертегова «Культурная революция в Каракалпакской АССР», А. Н. Самойловича и П. П. Иванова «Материалы по истории каракалпаков» (доклады читал П. П. Иванов), С. Е. Малова «Каракалпакский язык и его изучение» и К. У. Убайдуллаева «Новые правила каракалпакской орфографии» (читал в русском переводе Н. А. Баскаков). По окончании работы секции С. Е. Малов организовал в память П. М. Мелиоранского экскурсию по Восточному факультету Ленинградского университета, где показал участникам аудитории, в которых читали лекции П. М. Мелиоранский и здравствовавший тогда С. М. Шапшал. Лекции П. М. Мелиоранского и С. М. Шапшала слушали С. Е. Малов, В. И. Филоненко и другие видные тюркологи. В память В. В. Радлова была организована экскурсия по Этнографическому музею, а также по радловским местам седьмой линии Васильевского острова.

Третьим знаменательным событием в истории изучения каракалпакского языка, в котором участвовал С. Е. Малов, была Орфографическая конференция по каракалпакскому языку в городе Турткуле (1935). Конференция эта вынесла весьма полезные решения и выработала при ак-

тивном участии С. Е. Малова хорошо продуманные орфографические правила, которые, однако, не были внедрены в практику, а позже пересмотрены местными научными работниками уже без участия С. Е. Малова и других известных тюркологов, что привело к проведению в жизнь некоторых ошибочных положений и правил, не соответствующих реальному фонетическому строю каракалпакского языка. Предложения и замечания С. Е. Малова и других тюркологов по докладу об орфографии и терминологии каракалпакского языка были фактически реализованы лишь в 1957—1958 гг., когда уже функционировал русский алфавит и был введен ныне действующий свод каракалпакской орфографии.

Активно участвуя в экспедициях и конференциях, посвященных разработке литературных языков народов СССР, С. Е. Малов опубликовал целый ряд статей и исследований по истории, лексикологии, грамматике и диалектологии тюркских языков, в том числе и каракалпакского. Основными работами С. Е. Малова по каракалпакскому языку являются, во-первых, его специальное исследование «Заметки о каракалпакском языке», представленное им еще в 1933 году в Научно-исследовательский институт Каракалпакской АССР и напечатанное по предложению Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР в 1966 году (только через 33 года) отдельной брошюрой, не потерявшей своего научного значения и по сей день; во-вторых, статья С. Е. Малова «Каракалпакский язык и его изучение», опубликованная в сборнике «Каракалпакия», том II (издание Академии наук СССР. Л., 1934, стр. 200—207); и, в-третьих, статья «К истории казахского языка», опубликованная в «Известиях Академии наук СССР. Отделение литературы и языка». М., № 3, стр. 97—101, которая хотя и посвящена истории казахского языка, но содержит по существу также и конспект истории каракалпакского языка.

Наконец, многочисленные справки, сравнения, сопоставления и другие сведения о каракалпакском языке тюрколог-каракалпаковед найдет также в работах С. Е. Малова, посвященных изучению различных тюркских языков как древних, так и современных, например, в его исследованиях по диалектам уйгурского языка, по языкам сарыг-йутурскому, лобнорскому и т. д.

Основной чертой лингвистических работ С. Е. Малова и, в частности, работ по каракалпакскому языку является их историзм. Так, исследованию каракалпакского языка он предпосылал историографический обзор с объективной и справедливой научной оценкой всей проведенной до него работы. После этого ученый определяет место, занимаемое каракалпакским языком в истории тюркских языков в целом. Анализируя фонетическую структуру каракалпакского языка и отмечая его характерные особенности, С. Е. Малов правомерно сопоставляет фонетические явления этого языка прежде всего с аналогичными явлениями близкородственных тюркских языков, к которым он относит из живых языков ногайский и казахский, а из древних — половецкий. Сопоставляя общие фонетические и грамматические закономерности в этих языках, С. Е. Малов устанавливает общую схему развития этих языков от более древнего их состояния до современного.

С. Е. Малов прекрасно владел сравнительно-историческим методом, который он широко и творчески использовал в своих работах как в области фонетики и морфологии, так и в особенности в области лексики тюркских языков.

С большой тщательностью С. Е. Малов определяет характер особенностей каракалпакского языка, отличающих его от близкородственных языков, и вместе с тем дает формулировку общих закономерностей

как для некоторых групп тюркских языков, так и для всех тюркских языков как единой семьи. Весьма интересна в этом отношении его классификация тюркских языков, опубликованная в широко известном труде ученого «Памятники древнетюркской письменности» (Л., 1951), где в историческом аспекте представлена по существу общая картина развития всех тюркских языков, как древних, так и современных.

Опираясь на объективные лингвистические данные: а) глухость и звонкость согласных, б) замещение конечных задних согласных полугласными и долгими гласными, в) более последовательное наличие сочетаний *rt*, *lt*, *pt* в древних языках по сравнению с современными и в особенности с западными тюркскими языками, а также на другие явления, он по существу смог установить степень сохранения древнейших элементов в языках болгарском, чувашском, якутском и в языке желтых уйгуров, древних элементов — в древнеогузском, древнеуйгурском, тофаларском, тувинском, хакасском и шорском и новых и новейших элементов — во всех остальных тюркских языках.

Каракалпакский язык С. Е. Малов относил к новейшим языкам, поскольку в нем отсутствуют древнейшие и древние элементы, хотя при этом и не отрицал наличия некоторых древних черт также и в этом языке.

Многие интересные наблюдения, сделанные С. Е. Маловым по фонетике каракалпакского языка, были использованы последующими исследователями при разработке каракалпакской фонетики и орфографии. Так, С. Е. Малов первый обратил внимание на явление дифтонгизации начальных гласных *ie*, *vö*, *vo*. Как отмечает сам автор, он часто транскрибировал это явление соответствующим начальным согласным *j* и *v*, то есть *je*ki (вм. *ie*ki) 'два', *völüm* (вм. *völüm*) 'смерть', *von* (вм. *von*) 'десять' и т. д.

Весьма точны были его наблюдения в отношении редукции узких гласных *u/i*, *u/ü* в позиции перед *r*, *l*, *z*, губной гармонии гласных, дифтонгоидов в глагольных масдарах на *-uw*, *-üw* и т. д.

В фонетических трудах ученого многие явления получили интересное объяснение и обоснование. К числу последних относится, например, закон, установленный С. Е. Маловым в отношении перехода *j > ž ~ dž* перед узкими гласными, которые способствуют максимальной палатализации согласного и переходу его в соответствующий щелинный или аффрикативный шипящий звонкий согласный. Наряду с закономерным для новоуйгурского языка переходом *j > ž ~ dž* перед узкими гласными *u*, *ü*, *i* он видит ту же закономерность и ту же тенденцию и в каракалпакском языке, где наряду с *джеканием* и *жеканием*: *džigirmä* 'двадцать', *džug* 'песня', *džijün* 'племянник', то есть *dž* перед узкими *i* и *u*, встречается и *йекание*, то есть *j* перед широкими гласными *a* и *e*, например, *jaŋa* 'новый', *jaŋug* 'дождь', *jeŋ* 'место, земля' и т. п. То же явление характерно, по мнению С. Е. Малова, и для соответствий *č ~ š*, из которых первый, то есть *č*, встречается чаще в позиции перед узкими гласными, а второй, то есть *š*, главным образом в позиции перед широкими гласными.

Интересные закономерности установлены С. Е. Маловым в отношении палатализации *l* в позиции после *j*, а также чередования и соответствия *x ~ y*, *x ~ q*, *q ~ y*, *k ~ g*, *s ~ z*, *š ~ s*, *d ~ t*, *b ~ v*, *b ~ p* и т. д.

Его грамматические наблюдения некоторым образом сочетаются с анализом лексического материала каракалпакского языка, исследование которого представляет исключительный интерес как в отношении раскрытия лексического значения, так и в отношении исторической соотнесенности слов каракалпакского языка с другими тюркскими языками.

В своих записях лексики С. Е. Малов останавливался главным образом на специфических значениях и на специальном употреблении слов и словосочетаний, ср., например, такие его записи: *alekke* 'пестрая дыня с белой мякотью', *ata saqal* 'борода под нижней губой в середине', *baslyq* 'передок у галоши', *boyaq* 'мягкая часть шеи у волов внизу', *maldasqut* 'сидеть, поджав ноги под себя', *qamut* 'мочка уха' и т. д.

Много ценных наблюдений зафиксировано С. Е. Маловым в отношении взаимодействия каракалпакского языка с соседними тюркскими языками: туркменским, узбекским, казахским, а также с хорезмскими говорами и диалектами. При этом С. Е. Малов неоднократно в своих трудах подчеркивал, что каракалпакский язык в значительной мере сохранил свое своеобразие. Так, влияние туркменского языка и узбекских говоров Хорезма он видел только в использовании некоторых грамматических форм, которые, как правило, употребляются параллельно с исконно каракалпакскими формами, например, форма направительного падежа: *-а* и *-уа*, или в привлечении некоторых хорезмско-туркменских слов и выражений, например: *awa* 'да, слушаюсь', *džoga* 'товарищ', *jaşullu* 'старший' и т. д.

Большее влияние оказал на каракалпакский язык казахский. Впрочем, это влияние, как отмечает С. Е. Малов, в значительной степени относится к последнему времени и объясняется тем, что в каракалпакской школе некоторое время преподавание велось на казахском языке казахскими учителями и по казахским учебникам.

Как уже отмечалось выше, важной для каракалпакского языкознания является статья С. Е. Малова «К истории казахского языка». В этой статье, посвященной собственно казахскому языку, С. Е. Малов устанавливает также и основные вехи в истории развития и формирования каракалпакского, ногайского и некоторых других тюркских языков кыпчакской группы. Впервые в тюркологии история конкретных языков рассматривается С. Е. Маловым в непосредственной связи с историей соответствующих народов. Данная статья С. Е. Малова послужила толчком для изучения многими тюркологами истории других тюркских языков и народов и в особенности — истории каракалпакского, ногайского и казахского языков, происхождение которых ученые связывал с историей Ногайской Орды, в свою очередь образовавшейся из половецких и смешанных с ними огузских племен Южно-Русских степей — узов, печенегов, берендеев, ковуев, каепичей, боутов и прочих племенных объединений, известных в русских летописях под именем черных клобуков.

Неоценимую помощь С. Е. Малов оказал многим национальным республикам и областям в разработке младописьменных литературных языков. С большой готовностью он участвовал в различных командировках, поездках, экспедициях, а также совещаниях, конференциях и съездах, посвященных изучению и обсуждению вопросов алфавитов, орфографии, терминологии, словарей, грамматик вновь создающихся литературных языков. Исключительно ценными для каракалпакского языкознания и развития каракалпакского литературного языка были бесчисленные консультации С. Е. Малова, которые он давал национальным научным работникам, и его участие в подготовке национальных кадров ученых для Каракалпакии. С. Е. Малов с исключительной готовностью принимал как у себя дома и в институте, так и в гостиницах во время пребывания в том или ином городе всех, желавших его видеть, беседовать с ним, получить совет, попросить отзыв или рецензию. Ни одно крупное событие в истории изучения каракалпакского языка не прошло мимо С. Е. Малова. Каракалпакские ученые-филологи гордятся

тем, что в истории их науки С. Е. Малов занимает самое видное, самое большое и самое почетное место.

Память о С. Е. Малове, крупнейшем русском тюркологе, никогда не померкнет не только у каракалпаковедов. Все тюркоязычные народы: азербайджанцы, алтайцы, ногойцы, кумыки, карачаевцы, балкарцы, татары, башкиры, хакасы, шорцы, чувашаи, гагаузы, караймы, казахи, киргизы, туркмены, узбеки, тувинцы, якуты, уйгуры, лобнорцы, сарыг-йугуры, турки и многие другие всегда будут помнить имя нашего замечательного, доброго и любимого учителя Сергея Ефимовича Малова, так много сделавшего для развития тюркологии.

Э. И. ФАЗЫЛОВ

С. Е. МАЛОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СССР

Развитие литературных языков у одних тюркоязычных народов СССР прошло многовековой исторический путь, беря свое начало, согласно дошедшим до нас данным, в V веке и завершаясь в позднее средневековье, у других — литературный язык начал развиваться лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

В формировании и становлении художественной литературы тюркских народов весьма важную роль сыграли памятники V—XV вв. В сочетании с рядом других факторов они способствовали зарождению литературных жанров, в дальнейшем получивших соответствующее развитие.

Начавшиеся в XIX в. публикации и исследования древних и средневековых текстов обогатили науку обширным фактическим материалом, благодаря которому появилась возможность изучения многих аспектов исторического прошлого тюркоязычных народов. Усилиями целой плеяды выдающихся ученых: В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, В. А. Гордлевского, А. Н. Самойловича, С. Е. Малова и других был заложен фундамент современной тюркологии.

С. Е. Малов, один из замечательных представителей этой плеяды, был разносторонним ученым, во многом превосходившим знанием истории тюркских языков своих предшественников. Его труды по древним и средневековым языкам являются основополагающими для тюркологов¹.

С. Е. Малов обработал и изучил более двухсот памятников языка, причем большинство его работ в этой области являются образцовыми. Привлечение при исследовании истории тюркских языков огромного фактического материала привело С. Е. Малова к важным для современной науки выводам.

Знания С. Е. Малова были столь глубоки и обширны, что даже в отдельных малых памятниках он обнаруживал едва уловимые неточности как в самом тексте, так и его прочтении и дешифровке, безошибочно исправляя их и восстанавливая имеющиеся пропуски.

С. Е. Малов исследовал почти все дошедшие до нас памятники древнетюркской рунической письменности, памятники уйгурского, арабского и сирийского письма V—XV вв., в том числе следующие:

¹ См.: Е. И. Убрятова. О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова. — «Тюркологический сборник», I. М.—Л., 1951, стр. 22—30.

а) древнетюркские (рунические): «Памятник в честь Кюль-Тегина», «Памятник в честь Тоньюкука», «Таласский памятник», «Памятник из Суджи (Монголия)», «Енисейский памятник», «Гадательная книга», «Онгинский памятник», «Памятник хану Могилян», «Памятник Куличуру», «Памятник Моюн-чуру», два «Памятника Ихе-Асхете», десять «Памятников Хойто-Тамира», пять «Памятников долины р. Талас», два «Памятника из Кызыл-Чираа», два «Памятника у Элегест», «Деревянная палочка с рунами», «Памятник с Уюк-тарлака», «Памятник с р. Уюк-архан», «Памятник с р. Уюк-туран», «Памятник с Улуг-кема у От-тукташа», четыре «Памятника с Барлыка», «Памятник с Улуг-кема Карасуга», «Памятник с Элегеша», «Памятник с Бегре», одиннадцать «Памятников с Чакуля», «Памятник на скале „Кемчик-кая бажы”», «Памятник д. Означенной», «Памятник д. Ачура», «Памятник с Оя», два «Памятника с Алтынкёля», пять «Памятников с Уйбата», три «Памятника с Тубы», «Памятник с Ак-юса», «Памятник с Кара-юса», «Памятник с Ташеба», «Памятник с р. Кемчик-джиргак», «Памятник из Минусинского музея», два «Памятника из Кызыл-чира», «Памятник из Кежиглиг-хобу», «Памятник с р. Тэле», «Памятник „О сыне киргиза” из Суджи (Монголия)», «Абаканский памятник», три «Памятника из Тувы»;

б) памятники уйгурского письма (уйгурские): «Покаянная молитва манихейцев», «Поклонение волхвов», «Памятники буддийского содержания», отрывки из книги «Золотой блеск» (Легенда о правителе Кю-тау, Легенда о принце и тигрице), юридические документы уйгуров (Жалоба слуги на хозяина, Запродажный документ на землю, Заем кунжута, Покупка холста за виноградник, Покупка холста за женщину, Аренда виноградника, Заем масла, Аренда земли);

в) памятники арабского письма: отрывки из «Кутадгу билиг» (описание весны: W 13, W 14), отрывки из Наманганской рукописи [О приятном и признаках любви; О знании и даре речи (QB 17 (W), QB 19); О качествах военачальника; О качествах посла (QB 95, 96); О торговых; Обязанности правителя], Махмуд Кашгари (Кашгарские песни), «Подарок истин», отрывки из «Истории пророков» Рабгузи, Касыда;

г) памятники сирийского письма XIII—XIV вв.: «Памятник Саума „Год коня”», «Памятник Тап Тэрим», «Памятник Юшмеда», «Памятник Денха Арыма», «Памятник Менгу-Таша» (1312 г.), «Памятник Майфры», «Памятник 1300 г.», «Памятник Куташа», «Памятник священника Иль-Таша», «Памятник Шадыбега», «Памятник Таг-арслана», «Памятник Юнтуз-бега, Мюмрига, Иоанна и Марии» и др.²

Язык большинства из перечисленных памятников до С. Е. Малова всесторонне не изучался, и его соотношение с современными языками оставалось неопределенным и спорным.

С. Е. Малов взял на себя большую и нелегкую задачу — составление сводного труда по памятникам V—XV вв. И его заслуга заключается в том, что он не устрасился трудностей и возможных ошибок при проведении подобной работы. Поэтому было бы полной несправедливостью оценивать такие его труды, как «Памятники древнетюркской письменности» (М.—Л., 1951), «Памятники енисейской письменности» (М.—Л., 1952), «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» (М.—Л., 1959), акцентируя внимание лишь на имеющихся в них неточностях и недостатках. Указанные работы являются первыми обоб-

² С. Е. Малов. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. — «Записки Института востоковедения АН СССР», т. I. Л., 1932, стр. 129—149; *его же*. Замок из Билярка с арабской надписью. — «Записки Коллегии востоковедов», т. II, вып. I. Л., 1926, стр. 155—162; *его же*. К истории и критике «Codex Cumanicus». — «Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук». Л., 1930, № 5, стр. 347—375.

шающими исследованиями памятников V—XV вв. и в этом их непреходящее значение.

Сам С. Е. Малов скромно рассматривал «Памятники древнетюркской письменности» лишь как пособие для вузов и педвузов, тогда как это исследование подводило итог целому этапу в истории тюркологических исследований.

С. Е. Малов исследовал историю уйгурского, каракалпакского, казахского, киргизского, башкирского, узбекского, якутского, татарского, лобнорского, ногайского, чувашского, печенежского и других языков, причем часто первым среди ученых.

Исследования С. Е. Малова, как правило, основывались на достоверных фактах и источниках³.

Согласно концепции С. Е. Малова, на территории Центральной Азии в древности жили два могущественных тюркских народа — уйгуры и киргизы; значительное число дошедших до нас древних письменных памятников восходит к языкам именно этих народов.

Древнекиргизские памятники V—IX вв. написаны тюркским руническим алфавитом⁴. Памятниками письменности древних киргизов являются и енисейские памятники.

По мнению С. Е. Малова, язык современных лобнорцев, возвратившихся на свою территорию три-четыре века тому назад, непосредственно восходит к древнему киргизскому языку. Некогда этот язык оторвался от основного общекиргизского массива и под воздействием уйгурского языка принял свой нынешний облик. Таким образом, язык лобнорцев представляет собой либо «окиргизившийся» (по выражению С. Е. Малова) в древнее время уйгурский язык, либо «обуйгурившийся» древнекиргизский язык.

Уйгурские памятники относятся к V—XVII вв., а литературный уйгурский язык сформировался в VIII—X вв. и далее искусственно поддерживался до начала XVIII века.

Одним из немногих древних тюркских языков, сохранившихся до наших дней, является язык желтых уйгуров, который С. Е. Малов соотносил с языком лобнорцев и считал одним из древнейших восточно-тюркских⁵.

Желтые уйгуры около тысячи с лишним лет тому назад пришли на занимаемые ими ныне территории с запада (Китайский Туркестан) и частично — из районов, находящихся несколько южнее Монголии (бассейны рек Орхон и Селенга).

За тысячелетнее пребывание в окружении иноязычных народов (главным образом китайцев, монголов, тангутов), каждый из которых численно их превосходил, желтые уйгуры постепенно утратили свой язык, являвшийся, по мнению С. Е. Малова, исторически предшествующей стадией киргизского языка. Таким образом, С. Е. Маловым устанавливалось соответствие между языком желтых уйгуров и языком древних киргизов — лобнорцев.

³ С. Е. Малов. Современное положение и перспективы изучения древних турецких языков. — «Бюллетень Организационной комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда». Баку, 1926, № 2, стр. 17. Изложение выступления С. Е. Малова на сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР 25—26.IV.1946 — «Советская этнография». М., 1946, № 3, стр. 152—153.

⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952; *его же*. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

⁵ С. Е. Малов. Уйгурский язык. М.—Л., 1954; *его же*. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956; *его же*. Язык желтых уйгуров. М.—Л., 1957; *его же*. Уйгурские наречия Синь-цзяна. М., 1961.

К древнейшим тюркским языкам С. Е. Малов относил также якутский язык⁶, который, судя по его конституции (глухие звуки, долгота и пр.), является языком дописанным, сложившимся до VII—VIII вв. В якутском языке (так же, как в чувашском и языке желтых уйгуров) по сравнению с другими тюркскими языками обнаруживается больше древних языковых фактов, что и указывает на его весьма раннее происхождение.

Интересно отметить, что в языке башкир — западно-тюркского народа С. Е. Малов также обнаружил некоторые черты, общие с языками древних киргизов и желтых уйгуров⁷. Но башкирский литературный язык сложился лишь после Октябрьской революции, а до этого грамотные башкиры, составлявшие незначительную часть общества, пользовались казанско-татарским литературным языком, с небольшой примесью башкирских слов.

С. Е. Малов относил к древнейшим тюркским языкам и чувашский, больше других сохранивший старотюркские языковые элементы. С. Е. Малов считал, что в пользу «булгарской теории» происхождения чувашей говорят как этнографические материалы последних с булгарскими элементами, так и старотюркизмы венгерского языка (заимствованные, по-видимому, у дунайских булгар), значения которых объясняются аналогиями из современного чувашского языка⁸.

Хронологию возникновения чувашских и татарских языковых стихий установить трудно. С. Е. Малов считал, что они существовали за несколько столетий до нашей эры, причем, примерно, в таком же виде, как и в наше время. В пользу такого предположения, по его мнению, говорит большая стабильность тюркских языков.

К перечню общепризнанных этнических групп (булгары, чуваша, кыпчаки, финны, иранцы, русские), языки которых в ходе исторического развития составили основу татарского литературного языка, С. Е. Малов добавлял и огузов. Возможно, полагал он, огузские лексические элементы были занесены из Средней Азии в XIV—XV вв.⁹

Первые памятники языка печенегов относятся к IX в.; они представляют собой главным образом письма на золотых сосудах из Венгрии. Установлено, что язык их не чувашский, он ближе всего к татарскому¹⁰.

Высказанные С. Е. Маловым взгляды на историю тюркских языков и расселение тюркских народов, к сожалению, почему-то не привлекли внимания даже крупных тюркологов. Так, академик Ю. Немец, посвятивший ряд исследований проблемам древнего периода¹¹, в историческом обзоре подробно остановился на работах многих ученых, в том числе Видермана, приводящего шумерско-тюркские параллели: *ab* (шум.) ~ *äb* 'дом'; *dingir* (шум.) ~ *tānri* 'бог' (работа написана под влия-

⁶ С. Е. Малов. Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам. — «Вестник АН СССР». М., 1941, №№ 5—6.

⁷ С. Е. Малов. Тюркские языки в науке и жизни, прежде и теперь. — «Наука и жизнь». Казань, 1942, №№ 2—3, стр. 13—15.

⁸ С. Е. Малов. Болгарская золотая чаша с турецкой надписью. — «Казанский музейный вестник». Казань, 1921, №№ 1—2, стр. 67—72; *его же*. Булгарские и татарские эпиграфические памятники. — «Эпиграфика Востока», I. М.—Л., 1947, стр. 38—45.

⁹ Изложение выступления С. Е. Малова на сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР 25—26.IV.1946.

¹⁰ С. Е. Малов. Рецензия на Németh J. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklos. — «Bibliotheka Orientalis Hungarica», II. Leipzig, 1932.

¹¹ J. Németh. Problem der türkischen Urzeit. *Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de kőrös dicata* (BOH V). Budapestini, 1942—1947, стр. 57—102.

нием В. Шотта, Франца, Гоммеля), но обошел молчанием труды С. Е. Малова, в которых ученый прослеживал связь каракалпакского языка с ногайским, балкарским, караимским, печенежским, половецким или команским¹².

С. Е. Малов считал, что каракалпакский язык образовался в давнее время в разноразноязычной среде, на многоязычной почве и состоит с кыпчакской группой в более близком родстве, нежели казахский. Сближая каракалпакский язык с языком «черных клобуков», он отмечал, что каракалпакский язык испытал особенно сильное влияние казахского языка.

С. Е. Малов установил сходство современных тамг ногайцев с тамгами балкарцев и древнейшими тамгами Крыма и Золотой Орды.

Ученый утверждал, что в формировании казахского языка важную роль сыграли языки половцев, команов, печенегов и других древних тюркских народов. Подтверждают это и материалы памятников XIII—XIV вв., в особенности «Кодекс куманикус», «Ат-тухфа», «Китаб ал-идрак», «Диван» Махмуда Кашгари и др. Казахский язык особенно близок к ногайскому, каракалпакскому, ойротскому языкам и в какой-то мере имеет с ними общую историю.

В трудах С. Е. Малова наряду с живыми языками (чувашским, якутским, лобнорским, языком желтых уйгуров) говорится также о таких древних языках, как древнетюркский (язык памятников рек Орхон и Селенга), древнеуйгурский (язык памятников VII—IX вв., написанных уйгурским шрифтом), древнекиргизский (V—IX вв.) и др.

Взгляды С. Е. Малова на историю развития тюркских языков получили обобщение в его классификации, распространенной им и на современные тюркские языки.

Классификация С. Е. Малова построена на исторической основе с выделением следующих языковых групп: 1) древнейшие тюркские языки, 2) древние тюркские языки, 3) новые тюркские языки, 4) новейшие тюркские языки. Она отличается от широко распространенной в тюркологии классификации А. Н. Самойловича, основанной на фонетических соответствиях, по аналогии с делением индоевропейских языков на группы Centum и Satum.

Классификация С. Е. Малова не может считаться окончательной и исчерпывающей, ведь даже на современном уровне развития тюркологии эта проблема все еще не находит удовлетворительного во всех отношениях решения.

Что касается представителей «древнейших групп языков», таких, как якутский и чувашский, то они в силу исторических условий могли первыми обособиться от других тюркских языков еще в древности и, как полагает Ю. Немец, некоторое время находиться в контакте друг с другом. Поэтому-то в этих языках и произошли изменения, не свойственные другим тюркским языкам.

Основными признаками древности того или иного языка С. Е. Малов считал неизменяемость глагола по лицам (как в некоторых монгольских языках), в рунической системе исчисления, в наличии «озвончения» и «спереднения» звуков и другие фонетические явления.

С. Е. Малов нередко идентифицировал язык письменных памятников древности с некоторыми живыми языками. Подобная точка зрения, вероятно, должна быть признана спорной. Пожалуй, наиболее уязвимым

¹² С. Е. Малов. Заметки о каракалпакском языке. — «Труды Комплексного научно-исследовательского института ККАО. Разряд лингвистики», вып. 2. Турткуль, 1931; *его же*. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966.

местом концепции С. Е. Малова является его пристрастное отношение к отдельным тюркским языкам, и прежде всего к уйгурскому (в данном случае имеется в виду его отношение к «Кисаси Рабгузи»¹³ и «Словарю» Ибн-Муханны¹⁴). Тем не менее умение сосредоточивать внимание на наиболее важных моментах истории всех изучавшихся им тюркских языков свидетельствует о широте его взглядов.

В различных своих публикациях С. Е. Малов неоднократно возвращался к вопросу о периодизации памятников древнетюркской письменности, внося каждый раз в него некоторые дополнения и уточнения.

Следует отметить, что С. Е. Малов не везде четок в терминах и не всегда последователен при соотнесении какого-либо памятника с тем или иным современным тюркским языком.

Случается, что язык одного и того же памятника или группы памятников в работах С. Е. Малова характеризуется то как среднеазиатский тюркский язык, то как чагатайский язык, или тюркский язык Центральной Азии, тюркский язык Средней Азии, турецкий язык в Малой Азии, сельджукский язык, тюркский *й*-язык (с запада), тюркский *д*-язык (с востока), *д*-уйгурский язык, османский сельджукский язык, среднеазиатский турецкий язык, древнетюркский, общий книжный язык V—IX вв., восточнотуркестанский язык, уйгурско-кашгарский язык и т. д.¹⁵

Так, например, о сочинении Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» С. Е. Малов сперва пишет как об уйгурском памятнике, а его автора считает уйгуром¹⁶. В другой работе это же произведение объявляется им памятником уже чагатайской литературы, или памятником XI в. среднеазиатско-турецкой литературы и т. д.¹⁷. При этом уйгурский язык понимается им как переходная стадия от древнеуйгурского к чагатайскому.

Тем не менее публикации С. Е. Малова по «Кутадгу билиг», несомненно, наилучшие из имеющихся. Его переводы максимально приближены к тексту оригинала, а весь сводный текст «Кутадгу билиг» составлен по известной Наманганской рукописи. Следует особо отметить тщательность подготовки системы цитат и максимальное использование имеющейся литературы и данных живых тюркских языков.

Среди многочисленных исследований С. Е. Малова особого внимания заслуживает работа «Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии»¹⁸, в которой автор прослеживает основные этапы развития узбекской литературы и языка. «Для каждого тюрколога ясно, — писал С. Е. Малов, — что Навои

¹³ С. Е. Малов. Мусульманские сказания о пророках, по Рабгузи. — «Записки Коллегии востоковедов», т. V. Л., 1930, стр. 507—525; *его же*. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.

¹⁴ С. Е. Малов. Ибн-Муханна о турецком языке. — «Записки Коллегии востоковедов», т. III, вып. 2. Л., 1928, стр. 221—248.

¹⁵ С. Е. Малов. Болгарская золотая чаша с турецкой надписью. — «Казанский музейный вестник», стр. 67—72; *его же*. Ибн-Муханна о турецком языке. — «Записки Коллегии востоковедов», т. III, вып. 2. Л., 1928, стр. 221—248; *его же*. Рецензия на: Kutatgu Bilig (tipkibasim), I—III. Istanbul (I — Viyana nüshası, 1942, II — Fergana nüshası, 1943; III — Mısır nüshası, 1943); *его же*. Енисейские рунические памятники. М.—Л., 1952; *его же*. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.

¹⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.

¹⁷ С. Е. Малов. Рецензии на «Образцы древней тюркской литературы». Самарканд — Ташкент, 1927. — «Записки Коллегии востоковедов», т. III, вып. I. Л., 1928, стр. 213—217.

¹⁸ «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1947, т. VI, вып. 6.

говорил и писал на одной большой из групп тюркского (узбекского) языка, которые дожили и до наших дней. Для каждого тюрколога неоспоримо в силу этого, что Навои является действительно родоначальником или основоположником узбекского, по теперешней терминологии, литературного языка и литературы, которые ведут свой новый этап со времени Октябрьской революции. Навои — узбекский, в современном нашем понимании, а не в историческом, поэт и прозаик»¹⁹.

Вслед за В. В. Радловым С. Е. Малов относил язык целого ряда сочинений к переходной стадии от уйгурского к чагатайскому. Хотя сама концепция о переходе одного языка в другой в какой-то мере представляется сомнительной, однако высказанная С. Е. Маловым мысль относительно критериев определения старочагатайского языка весьма плодотворна.

К памятникам старочагатайского языка С. Е. Малов относил: стихи Лутфи, Атаи, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Бахтияр-наме», «Тезкэрэ-и авлиа», «Сокровищница» (Асрар) Мир Хайдара, «Мирадж-наме», «Мукаддимат ал-адаб», «Кутадгу билиг», «Хибатул хакаик», ханские ярлыки «Ярлык Токтамыша», «Ярлык Тимур-Кутлуга», документ уйгурского письма Султана Омара-Шейха, грамоту Абу Саида к Узун Хасану и т. д.

Хотя эта группа памятников и не предоставляет достаточных данных для решения всех вопросов «чагатаистики» (языковые данные текстов, причисляемых к старочагатайскому языку, требуют, по крайней мере, осторожного подхода), тем не менее она позволяет сделать некоторые заключения о важном периоде истории тюркских языков послекараханидской эпохи.

Совершенно иную точку зрения на чагатайский язык высказывает К. Менгес, по мнению которого из чагатайского письменного языка в течение последних десятилетий развился новоуйгурский письменный язык (Восточная Турция, Таранчи, диалекты кашгар и хотанов)²⁰.

За последние двадцать пять лет тюркология достигла значительных успехов в области обработки отдельных языковых памятников XI—XV вв., изучению которых ранее не уделялось должного внимания. Интенсивная работа, проводящаяся в этом направлении, обещает дать плодотворные результаты. Учеными изучаются и публикуются новые находки рунических текстов, уточняется и корректируется их прочтение. Возникла настоятельная необходимость в подготовке сводного издания материалов по древнетюркским руническим памятникам.

Было бы полезным издать тексты и других памятников XI—XV вв., ибо данные последних исследований указывают на то, что отрывки текстов, вошедшие в книгу С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности», требуют значительных уточнений и исправлений.

Сказанное можно проиллюстрировать примерами из «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского. У С. Е. Малова:

Älik qolsa, saqlan, ažuñčy kiši!

Bu saqlıyq ärür häm šari'at iši! (245—2—3)

‘Если рука будет (что-либо) просить, воздержись, о человек, гонящийся за миром (за мирскими удовольствиями).

Эта осторожность есть в то же время и дело (требование) мусульманского закона’ (272—15—16).

¹⁹ С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка». М., 1947, т. VI, вып. 6, стр. 476.

²⁰ Classification of the turkic languages by Johannes Benzing (I) and Karl Heinrich Menges (II). — «Philologiae Turcicae fundamenta». Wiesbaden, 1961, стр. 3—4, 6.

Правильнее:

‘Если ты желаешь [править страной], о покоритель мира, —
 Требование шарията — осторожность’.
 будь бдительным.

У С. Е. Малова:

Kişi imini kör: usallyq qylur,
 Jaýu jätsä, öñdün usallar olur (244—21—22)
 ‘Смотри, девиз людей: они делают злое,
 Если берут верх враги, то выдвигаются вперед злые’ (272—11—12).

Правильнее:

‘Смотри, беспечные люди остаются в неведении.
 Если враги будут наступать, то беспечные погибнут первыми’.

У С. Е. Малова:

Açyldy aňar barça bāglik qaryu (244—6)
 ‘Ему (Элику) открылись все врата управления’ (271—31).

Правильнее:

‘Ему открылись все закрытые врата [т. е. ему все стало ясно]’.

У С. Е. Малова:

Köñü bārsä jaşşy, ajuñ uşbu söz (243—21)
 ‘Если он видит хорошее, то говорит эти слова’ (271—24).

Правильнее:

‘Если посмотреть внимательно, то в этих словах [об этом]
 сказано хорошо’.

У С. Е. Малова:

Usal är tēgār, kör, usalyn ötir (udyr?) (245—5)
 ‘Нерадивый муж достигнет своей же нерадивости, смотри,
 он спит’ (272—17).

Правильнее:

‘Беспечный человек закрывает глаза [на все] и остается
 в неведении’.

У С. Е. Малова:

Tükäl saqlap, utru jaýu uñmuş är (245—2)
 ‘Он все бережет, и в результате он муж, побеждающий врага’
 (272—14).

Правильнее:

‘Человек, который проявил полную осторожность, затем нанес
 врагу удар’.

У С. Е. Малова:

Qaju saynu [вм. saynu] kaldi (245—15)
 ‘Некоторые приходили, скорбя’ [вм. поклоняясь];

Имеются неточности и в прочтении текста:

turu artamaz (243—14) *вм. törü artamaz*;
 pütün (241—12) *вм. bütün*;

Usal bolma saqlap (244—19) *эм.* Osal bolma saqlan (433)

В сноске 27 на стр. 244 следует читать:

Osajıq arıttı äkägüdä san (433) и т. д.

Аналогичные неточности в прочтении текста встречаются и в других памятниках.

Настало время создать новое пособие, охватывающее памятники всех тюркоязычных народов периода V—XV вв. Оно нужно не только исследователям-тюркологам, но и студентам.

Публикации С. Е. Маловым материалов по древним и средневековым памятникам сыграли, несомненно, выдающуюся роль в истории развития тюркологической науки.

А. М. ЩЕРБАК

С. Е. МАЛОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ И ДРЕВНЕУЙГУРСКИХ ПАМЯТНИКОВ

1. Петербургская (Ленинградская) тюркологическая школа была наиболее значительным объединением русских (советских) тюркологов и сыграла важную роль в становлении и развитии отечественной тюркологии. Выдающиеся представители этой школы В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович и другие отличались большим языковым кругозором, широтой и глубиной научных взглядов, умением сочетать собственно лингвистическую тематику с литературоведческой и исторической. И хотя принято считать, что некоторые из них, в частности П. М. Мелиоранский, были «чистыми» лингвистами, на самом деле в петербургской школе не было тюркологов с подчеркнутой узкой специализацией.

2. Обзору научной деятельности С. Е. Малова посвящены две специальные статьи Е. И. Убрятовой, в которых приводятся сведения о его трудах в области изучения древнетюркских и древнеуйгурских памятников¹. Поэтому нет необходимости в подробной характеристике соответствующих работ. Ограничимся лишь перечнем их и указанием на обстоятельства, игравшие ту или иную роль при выборе основных направлений и объектов исследования.

Творческая биография С. Е. Малова началась еще в Казани, откуда он совершил свою первую поездку к мишарям Чистопольского и Свияжского уездов. С 1904 г. С. Е. Малов — студент Восточного факультета С.-Петербургского университета. В Петербурге он окончательно определил основные направления своей работы и приступил к реализации намеченной программы исследований.

Как сообщает Е. И. Убрятова², С. Е. Малов, еще будучи студентом университета, почти ежегодно совершал поездки в места нахождения болгарских и татарских эпиграфических памятников. Очевидно, именно тогда впервые пробудился у него тот особый интерес к тюркским древностям, который сыграл определяющую роль во всей последующей деятельности С. Е. Малова, и был в дальнейшем унаследован его ученика-

¹ Е. И. Убрятова. О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова. — «Тюркологический сборник», I. М.—Л., 1951, стр. 13—18; *см. же*. С. Е. Малов и его труды (публикуется в данном номере журнала).

² Е. И. Убрятова. О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова, стр. 13.

ми. Не случайно к болгаро-татарской эпиграфике он возвращался постоянно на протяжении всей жизни³.

В Петербурге на формирование научных взглядов С. Е. Малова большое влияние оказал кружок В. В. Радлова, в который он входил.

После окончания С.-Петербургского университета в 1909 г. С. Е. Малов по представлению В. В. Радлова был командирован Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Китай. Его поездка имела целью описание языка и быта ряда тюркских племен. Во время этого путешествия, продолжавшегося до 1911 г. и затем, после годичного перерыва, до 1914 г. С. Е. Малов занимался главным образом сбором материалов по языку, фольклору и этнографии желтых уйгуров, уйгуров Хами и лобнорцев. Вместе с тем он упорно и систематически вел поиски письменных памятников, и первая же находка, сделанная им в кумирне селения Вунфыгу в провинции Ганьсу, оказалась уникальной и необычайной ценной. Была найдена рукопись сутры «*Suvarṇaprabhāsa*» («Ал-тун ярук»), написанная уйгурскими буквами⁴. Изданный С. Е. Маловым совместно с В. В. Радловым в 1913-1917 гг.⁵, этот памятник способствовал расширению представлений о древнеуйгурском языке, о его морфологии и лексике. Позднее С. Е. Малов неоднократно бывал в Средней Азии, посещал в 1908 и 1948 гг. Минусинский музей и таким образом постоянно обращался к памятникам древних письменностей, запечатлевшим не только архаические факты языка, но и отдельные эпизоды истории тюркских народов, их обычаи, верования и т. д.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции основные усилия С. Е. Малова были направлены на то, чтобы сделать древние письменные памятники достоянием широкого круга тюркологов и предметом специальных исследований. В связи с этим в начале двадцатых годов он приступает к чтению курса по древнетюркскому языку для студентов Восточного факультета Средне-Азиатского государственного университета в Ташкенте, издает образцы древнетюркской письменности⁶, выступает в печати с сообщениями о состоянии и перспективах изучения древних тюркских языков⁷.

³ С. Е. Малов. [Рец. на:] Н. Ф. Катанов. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920. — «Известия Северо-восточного археологического и этнографического института», II. Казань, 1920, стр. 129—133; *его же*. Болгарская золотая чаша с турецкой надписью. — «Казанский музейный вестник». Казань, 1921, №№ 1—2, стр. 67—72; *его же*. Замок из Билярска с арабской надписью. — «Записки Коллегии востоковедов», II, 1. Л., 1926, стр. 155—162; *его же*. Булгарские и татарские эпиграфические памятники. — «Эпиграфика Востока», I. М.—Л., 1947, стр. 38—45; *его же*. Булгарская и татарская эпиграфика. — «Эпиграфика Востока», II. М.—Л., 1948, стр. 41—48.

⁴ О подробностях находки см.: С. Е. Малов. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам. — «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II. СПб., 1912, № 11, стр. 99.

⁵ «*Suvarṇaprabhāsa*» (Сутра «Золотого блеска»). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. *Bibliotheca Buddhica*, XVII. СПб., 1913 (I, II), 1914 (III, IV), 1915 (V, VI), 1917 (VII, VIII). Позднее С. Е. Маловым было написано предисловие к немецкому переводу В. В. Радлова части этой сутры. См.: *Suvarṇaprabhāsa* (Das Goldglanz-Sūtra). Aus dem Uigurischen ins Deutsche übersetzt. I—III. *Bibliotheca Buddhica*, XXVII. Л., 1930, стр. I—II.

⁶ С. Е. Малов. Образцы древнетурецкой письменности, с предисловием и словарем, (стеклографированное) издание Восточного факультета Средне-Азиатского государственного университета. Ташкент, 1926.

⁷ С. Е. Малов. Современное положение и перспективы изучения древних турецких языков. — «Бюллетень Организационной Комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда». Баку, 1926, № 2, стр. 17; *его же*. Изучение древних турецких языков. — «I Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля — 5 марта 1926 г. Стенографический отчет». Баку, 1926, стр. 139—142.

В дальнейшем внимание С. Е. Малова привлекают уйгурские документы⁸, что объясняется его растущим интересом к культуре древних уйгуров, с различными проявлениями которой он имел возможность познакомиться во время пребывания в Восточном Туркестане, а также, в известной мере, подготовкой к изданию книги В. В. Радлова «Uigurische Sprachdenkmäler», вышедшей в свет с предисловием, дополнениями, исправлениями и словарем С. Е. Малова⁹.

Большое место в научной деятельности С. Е. Малова занимало изучение рунических надписей, ставшее особенно интенсивным после публикации рунических памятников Таласа и, в частности, надписи на знаменитой таласской палочке¹⁰, до сих пор остающейся камнем преткновения для тюркологов.

На протяжении многих лет С. Е. Малов почти непрерывно публикует рунические надписи с переводами и комментариями¹¹, пишет обзорные статьи и рецензирует советскую и зарубежную литературу по древнетюркской эпиграфике¹². Среди работ рунического цикла выделяются хорошо известные тюркологам монографии, содержащие тексты и переводы орхонских, енисейских, таласских и других надписей¹³. Одна из этих монографий носит хрестоматийный характер. В нее включены тексты, написанные руническими знаками, уйгурскими и арабскими буквами.

Важным вкладом в тюркологию явились труды С. Е. Малова, посвященные старописьменным памятникам караханидской эпохи, «Codex

⁸ С. Е. Малов. [Рец. на:] A. Le Coq. Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan. — «Turan». Budapest, 1918, № 8, стр. 449—460. — «Записки Коллегии востоковедов», I. Л., 1925, стр. 552—556; *его же*. Два уйгурских документа. — В сб.: «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927, стр. 387—394; *его же*. Sitätaṣatrā-dhāraṇi в уйгурской редакции. — «Доклады Академии наук». Л., 1930, № 5, стр. 88—94; *его же*. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. — «Записки Института востоковедения Академии наук СССР», I. Л., 1932, стр. 129—149; *его же*. [Рец. на:] G. R. Rachmati. Zur Heilkunde der Uiguren. SPAW, phil.-hist. Klasse, XXIV. Berlin, 1930, стр. 451—473. — «Библиография Востока», I. Л., 1932, стр. 100—102.

⁹ W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Л., 1928, стр. III—VIII, 217—305.

¹⁰ С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. — «Материалы Узкомстариса», 6—7. М.—Л., 1936, стр. 17—38.

¹¹ С. Е. Малов. Древнетюркские надгробия с надписями бассейна р. Талас. — «Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук». Л., 1929, № 10, стр. 799—806; *его же*. Новые памятники с турецкими рунами. — В сб.: «Язык и мышление», VI—VII. М.—Л., 1936, стр. 251—279 (одна надпись из Монголии, три надписи из Тувы: Хемчик-Чиргагы, Кызыл-Чираа I, Бай-Булуң I и надпись из Прибайкалья).

¹² С. Е. Малов. [Рец. на:] J. Németh. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklos. Bibliotheca Orientalis Hungarica, II. Budapest-Leipzig, 1932. — «Библиография Востока», 10 (1936). Л., 1937, стр. 168—169; *его же*. [Рец. на:] Н. Н. Оркун. Eski türk yazıtları, I. Istanbul, 1936. — В сб.: «Язык и мышление», IX. М.—Л., 1940, стр. 186; *его же*. Автореферат: Древнетюркская письменность. Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 г. Отделение литературы и языка. М.—Л., 1945, стр. 4; *его же*. Труды по древнетюркской лексике. — «Труды Московского института востоковедения», № 4. М., 1947, стр. 94—96; *его же*. [Рец. на:] Н. Н. Оркун. Eski türk yazıtları, I. Istanbul, 1936; II, 1939; III, 1940; IV, 1941. — «Вестник древней истории». М., 1948, № 2, стр. 123—124; *его же*. [Рец. на:] Э. Р. Рыгдылон. Новые рунические надписи Минусинского края; А. Н. Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. — «Эпиграфика Востока», IV. М.—Л., 1951. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», XIII, 2. М., 1954, стр. 197—198.

¹³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; *его же*. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952; *его же*. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

Ситанискус» и некоторым другим¹⁴. Не были оставлены без внимания и тюркские ярлыки¹⁵.

3. Занимаясь изучением древнетюркских и древнеуйгурских памятников, С. Е. Малов в равной мере интересовался вопросами палеографии, фонетики, морфологии и лексикологии, однако предпочтение отдавал лексике. Он тщательно отбирал слова для глоссариев, расписывал древние тексты, принимал активное участие в создании картотеки Древнетюркского словаря. Одновременно вел большую работу по устранению лакун в опубликованных надписях, по исправлению ошибочно прочитанных мест и уточнению переводов. Статьи и монографии С. Е. Малова богаты библиографическими сведениями.

4. В заключение остановимся на некоторых своеобразных чертах исследовательской манеры Сергея Ефимовича Малова, ярко его характеризующих.

С. Е. Малову была чужда поспешность в решении общих и частных проблем тюркологии. Так, по поводу изданной А. Н. Бернштамом надписи на коже с горы Муг он писал: «... до сих пор у меня никакого разбора этого текста не получается. Я как-то не нахожу здесь грамматических тюркских окончаний. Нет, например, форм местно-исходного падежа, нет форм прошедшего времени и пр. Все это заставляет меня сомневаться (пока?) в тюркизме этого памятника»¹⁶. Примечательна критика Сергеем Ефимовичем попыток Э. Р. Рыгдылона читать в енисейских надписях букву *č*, выступающую «вне всякой связи с другими соседними буквами», как название народа *ač*¹⁷. Следует также напомнить о том, с какой горячностью он выступал против тенденции установить прямые связи между языком древнетюркских памятников и современными тюркскими языками. «Из тюркологов, — писал Сергей Ефимович в предисловии к «Енисейской письменности тюрков», — никто и никогда не высказывал мысли об отношении народного и письменного языка киргизов древнего времени. Материала для этого нет. Да и как тут что-либо высказать, когда, в силу степени изученности памятников, все древнетюркские памятники как енисейско-орхонской, так и уйгурской письменностей считались писанными на двух языках, разделяющихся внешне по алфавитам, но без особенных различий между ними. Все это считалось, как видит читатель, почти одним письменным книжным языком. Где уже тут ставить вопросы о тогдашних разговорных языках?!»¹⁸. Вместе с тем он не отрицал значения научных предположений, догадок и гипотез как способов познания изучаемого объекта. Стремление человеческой мысли постигать неизвестное не только посредством скрупулезного анализа фактов, взаимосвязанных и глубоко обоснованных умозаключений, но и силой вообра-

¹⁴ С. Е. Малов. Из третьей рукописи «Кутадгу билиг». — «Известия Академии наук СССР». Л., 1929, № 9, стр. 737—754; *его же*. [Рец. на:] Фитрат. Образцы древней тюркской литературы (на узбекском языке). Самарканд—Ташкент, 1927. — «Записки Коллегии востоковедов», III, 1. Л., 1928, стр. 213—217; *его же*. Ибн-Муханна о турецком языке. — «Записки Коллегии востоковедов», III, 2. Л., 1928, стр. 221—248; *его же*. К истории и критике «Codex Sitanicus». — «Известия Академии наук СССР». Л., 1930, № 5, стр. 345—375; *его же*. [Рец. на:] «Kutadgu Bilig», I—III. Istanbul, 1942—1943. — «Советское востоковедение», V. М.—Л., 1948, стр. 327—328.

¹⁵ С. Е. Малов. Изучение ярлыков и восточных грамот. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953, стр. 187—195.

¹⁶ С. Е. Малов. [Рец. на:] А. Н. Бернштам. Древнетюркский документ из Согда, стр. 197.

¹⁷ С. Е. Малов. [Рец. на:] Э. Р. Рыгдылон. Новые рунические надписи Минусинского края, стр. 197.

¹⁸ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 6.

жения, является извечным. И С. Е. Малов считал это стремление вполне оправданным. Он был лишь противником преждевременных абсолютизаций гипотез, смещения гипотезы как метода научного познания с научной теорией. Сам он выдвинул гипотезу о том, что лобнорский язык — продолжение языка древних кыргызов, привел большое количество фактов для доказательства ее и все же счел необходимым отметить, что сделанные выводы представляют лишь его **личное** мнение, которым он хочет поделиться с тюркологами.

С. Е. Малов отличался завидной терпимостью к мнениям своих коллег, не совпадавшим с его собственными. Он глубоко осознавал ту непреложную истину, что наукой можно заниматься только коллективно и что достижения науки — результат объединенных усилий многих поколений ученых, идущих разными путями, пользующихся разными приемами и изыскивающих разные средства решения спорных вопросов.

Свое слово, весьма авторитетное в науке, С. Е. Малов никогда не расценивал как некое откровение. Указывая, например, на необходимость уточнения старых переводов енисейских надписей, он подчеркивает: «Моя цель: заменить эти прежние переводы енисейских надгробий новыми. „Я сделал, что мог, а лучшее пусть делают могущие“. Работы еще много»¹⁹.

Сергей Ефимович Малов был человеком высокой принципиальности. Так, он предпочел приспособлению к чуждым и неприемлемым для него концепциям сторонников «нового учения о языке» уход из Института языка и мышления, куда он был приглашен в 1934 г., в Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина, где ему пришлось работать рядовым библиотекарем.

Нельзя не отметить высокую требовательность С. Е. Малова к своим ученикам, сочетавшуюся с исключительно чутким и доброжелательным отношением к ним.

С. Е. Малов был выдающимся ученым и замечательным человеком, которым мы, советские тюркологи, вправе гордиться.

¹⁹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 3.

У. ДОСПАНОВ

ЦЕННЫЙ ВКЛАД В КАРАКАЛПАКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

(О РАБОТЕ С. Е. МАЛОВА «ЗАМЕТКИ О КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ»)

Как известно, каракалпакский язык до Октябрьской революции оставался почти вне поля зрения ученых. Его подлинно научное исследование началось лишь в советское время. Уже в период с 1926 по 1936 г. на территории Каракалпакской автономной республики проводились историко-этнолингвистические экспедиции, собиравшие материалы по языку и диалектам, фольклору, истории и этнографии каракалпаков.

В 1930 г. С. Е. Малов по поручению Центрального Комитета нового казахского алфавита и Тюркологического кабинета Академии наук СССР возглавил экспедицию, занимавшуюся в течение трех месяцев изучением диалектов и говоров каракалпакского языка. В том же году по инициативе Е. Д. Поливанова и научных учреждений Узбекистана проводились исследования узбекских диалектов Хорезма. Они охватывали и территорию Кунградского района, где объектом изучения был местный говор каракалпакского языка¹. Целью экспедиции С. Е. Малова было выявление особенностей каракалпакского языка для разработки его орфографии и создания основ грамматики.

С. Е. Малов собирал материалы на территории южных и северных районов Каракалпакии, беседовал со многими информантами, изучал хивинско-узбекское наречие и взаимовлияние родственных языков.

Результаты экспедиции были им доложены на заседании научно-методического Совета Центрального Комитета нового алфавита 13 сентября 1931 г. В решении, принятом заседанием, говорилось: «Предварительные результаты экспедиции показывают, что на основе собранного ею материала явится возможность установить единую каракалпакскую орфографию, литературный язык и основу будущей каракалпакской грамматики, что в свою очередь послужит твердым фундаментом культурно-исторического развития КАО в условиях социалистического строительства»².

Итогом наблюдений и выводов С. Е. Малова была его работа «Заметки о каракалпакском языке»³.

Осенью 1931 года по представлению Комплексного научно-исследовательского института «Заметки» были рекомендованы в печать и переданы для издания в типографию газеты «Мийнеткеш каракалпак».

¹ См.: Е. Д. Поливанов. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. — «Труды Хорезмской экспедиции УзНИИКС». Ташкент, 1933.

² С. Е. Малов. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966, стр. 6.

³ См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. М., 1952, стр. 13—14.

Однако по неизвестным причинам работа не была напечатана, и С. Е. Малов опубликовал ее основные положения в статье «Каракалпакский язык и его изучение», осветив состояние изучения каракалпакского языка⁴.

К счастью, в архиве Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР сохранилась авторская рукопись «Заметок о каракалпакском языке» и почти полная типографская верстка.

Институт истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР вынес решение опубликовать этот труд С. Е. Малова, как сохранивший не только историческое, но и теоретическое и практическое значение, поручив редактирование его Н. А. Баскакову и Д. С. Насырову. В 1966 г. «Заметки о каракалпакском языке» были изданы⁵.

В разделе исследования «Ход изучения каракалпакского языка» дается обзор работ XIX — начала XX в., включающий таких авторов, как А. А. Пальмбах, А. Бальби, Г. Вамбери, В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, Н. Ф. Катанов, И. А. Беляев, делавших попытку классифицировать каракалпакский язык.

Некоторыми из них высказывалось мнение, что для изучения каракалпакского языка упущено время. В какой-то мере эту точку зрения разделял и автор «Заметок»: «Когда я ехал в Каракалпакию, то я предполагал, что с изучением каракалпакского языка уже опоздано на несколько десятилетий, что язык каракалпаков подвергся сильному влиянию узбеков, туркменов и главным образом казахов и что поэтому каракалпакский язык теперь почти сошел на нет, являясь до некоторой степени казахским, или сильно оказаченным. Таково было общепринятое мнение.

Теперь, после личного объезда Каракалпакии и непосредственного знакомства с каракалпакским языком, я вижу, что это мое и общее мнение было ошибочным. Каракалпакский язык сохранился очень неплохо со своими качествами и особенностями» (стр. 11).

В разделе «Каракалпакский язык и соседние турецкие (имеюся в виду тюркские. — У. Д.) наречия» каракалпакский язык рассматривается в сравнении с другими родственными языками тюркской семьи.

С. Е. Малов отмечает весьма слабое влияние туркменского языка на каракалпакский и подчеркивает ярко выраженное сходство каракалпакского языка с казахским, что, по его мнению, обусловлено рядом причин и имеет свои исторические корни: «... два эти племени живут давно рядом, слишком большой процент учительства составляют в Каракалпакии казахи... Языки эти — каракалпакский и казахский — родственны и близки между собой. Если и кажется кому, что каракалпакский язык подпал под влияние языка казахов, то на самом деле это некоторое сходство двух языков не есть результат влияния одного языка на другой, а просто давнее, исконное сходство двух близких между собою наречий одной западной, кипчакской группы турецких языков»⁶.

В разделе «Фонетика и этимология» характеризуются гласные и согласные звуки, долгие гласные и дифтонги (главным образом в отглагольных существительных), лабиальная (губная) гармония.

Долгие гласные и дифтонги в каракалпакском языке имеют ряд особенностей. Обычной является долгота звука *и* (например, *saluu* 'поло-

⁴ С. Е. Малов. Каракалпакский язык и его изучение. — В сб.: «Каракалпакия», т. II. Ленинград, 1934, стр. 200—207.

⁵ С. Е. Малов. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966.

⁶ Там же, стр. 12.

жение', таби *'нахождение'* и др.). По утверждению исследователя, долгие гласные в каракалпакском языке встречаются довольно редко. Они возникают в результате стяжения двух звуков, преимущественно согласного гортанного и гласного.

Последующие исследования каракалпакских лингвистов подтвердили правоту С. Е. Малова. Установлено, что употребление долгих гласных и дифтонгов в каракалпакском языке — явление не постоянное, возникающее, как правильно считал С. Е. Малов, в результате стяжения двух соседних фонем.

Часто в каракалпакском языке в начале слова можно услышать звуки *j* и *ž*.

По мнению С. Е. Малова, употребление данных консонантов не следует рассматривать как результат влияния узбекского языка. Подобная двойственность и неустойчивость — исконная особенность самого каракалпакского языка, указывающая на разноразличность среды, в которой он формировался.

Вопрос об употреблении звуков *j* и *ž* в начале слов до недавнего времени оставался спорным. Материалы многочисленных диалектологических экспедиций на территории северных и южных районов Каракалпакской АССР подтвердили правильность гипотезы С. Е. Малова. В разговорном языке каракалпаков употребление звуков *j* и *ž* в начале слова — факт, не вызывающий сомнений.

Губно-зубной звук *f* в каракалпакском языке встречается сравнительно редко (например, *balfan* 'тучный, жирный'; *telfek* 'шапка'). В просторечии во многих случаях вместо этого звука употребляется звук *p*.

С. Е. Малов высказал предположение, в дальнейшем оправдавшееся: «... может оказаться даже так (ведь жизнь идет слишком вперед), что, закрепив в письме произношение «п» (вместо «ф»), жизнь впоследствии разойдется с этим письмом, и каракалпаки, в противоположность букве «п» будут легко произносить в заимствованных культурных терминах «ф» без всякой его замены». В наше время в каракалпакском языке имеются заимствованные слова со звуком «ф», произношение и написание которых адекватно. Так, в «Каракалпакском словаре» (М., 1958) на букву «ф» приводится свыше ста слов, многие из них — русско-интернациональные термины, обогатившие каракалпакский язык новыми понятиями.

Говоря о грамматических особенностях каракалпакского языка, С. Е. Малов останавливается на склонении (автор подчеркивает, что оно сходно со склонением в казахском языке), сравнительных степенях, приводит примеры числительных, глаголов, причастий будущего времени (в каракалпакском языке будущее время причастия имеет форму на *-žak*: *билдирежақ* 'будет сообщать', *рухсат дейжақпан* 'я буду согласен' и т. д.), вспомогательных глаголов (в каракалпакском языке, как и в казахском, имеется вспомогательный глагол *-at*, употребляющийся после деепричастия прошедшего времени, например: *жазып атыр едим* 'я продолжаю писать'; *деп атыр екен* 'говаривал' и т. д.).

В третьей главе работы автором анализируется лексическое богатство каракалпакского языка, дается глоссарий, в качестве примеров приводятся наиболее характерные слова, им самим непосредственно зафиксированные из живой речи, например: *ажырық* 'вид растения'; *элекке* 'пестрая дыня с белой мякотью'; *баслық* 'передняя часть галоши'; *борганақ* 'растение'; *дүден* 'сачок для рыбы'; 'плетеная из тала корзина'; *қайымыт* 'мочка уха' и др.

В заключение С. Е. Малов высказывает ряд соображений относительно развития каракалпакского языкознания, о необходимости создания в будущем учебных грамматик и словарей.

С. Е. Малов подчеркивает необходимость сравнительного изучения каракалпакского языка в сопоставлении с другими языками тюркской семьи. Им выдвигается проблема установления этногенеза каракалпакского народа и уточнения ареала его языка.

О важном значении работы С. Е. Малова о каракалпакском языке говорит то, что каракалпаковеды в своих исследованиях во многом опираются на его исследование, положившее начало научной разработке актуальных проблем каракалпакского языкознания.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Б. О. ОРУЗБАЕВА

О СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ ТИПА ГС В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья построена на материале исконной лексики, извлеченной из фундаментального труда К. К. Юдахина «Киргизско-русский словарь»¹.

Словарь охватывает 37.599 слов, из них исконных — 34.675². Из этого количества нами выписаны все одно-, двух- и многосложные структуры, ныне неразложимые на корень и словообразовательный формант (всего 5.971 слово). При дифференциации по слоговым типам эти неразложимые структуры укладываются в 74 типа. Из них: односложных — 11, двухсложных — 32, трехсложных — 29, четырехсложных — 2; с вокалическим началом — 35 типов, с консонантным — 39. Из наиболее типичных для киргизского языка структур — ГСГС оказалось 373 слова (корневые слова типа *abaŋ* 'осторожность', *aŋk-* 'выздороветь'), ГССГС — 262 слова (корневые слова типа *aŋgʊŋ* 'жеребец', *aŋdaŋ* 'ветерок', *aŋkar* 'затаенная злоба'), ГСГ — 99 слов (корневые слова типа *aŋa* 'старшой', *ala* 'пегий', *aŋu* 'дальше'), ГССГ — 144 (*aŋda-* 'прогонять, гнать', *aŋfu:okʲ* *aŋfu* 'двойное'), ГСГСГС — 32 (*iŋiŋiŋ* 'междометие, выражающее реакцию на холод', *eŋereŋ* 'пожитки', *öŋöŋöŋ* 'название мифической однокрылой птицы'), ГСГСГ — 40 (*okʲiŋa* 'угорь', *oŋoŋo* 'подпорка'), ГС — 172 (*aŋ-* 'открывать', *aŋ* 'голодный, голодать'), ГСС — 34 (типа *iŋkʲ-* 'пугаться', *uŋt* 'интерес', *öŋt* 'пожар'), СГСС — 207 (типа *tart-tʲanʲutʲ*), СГГ — 71 (типа *boŋ* 'веревка', *biŋ-* 'связывать'), СГС — 728 (типа *bas-* 'давить', *bekʲ* 'крепкий'), СГСГГ — 66 (типа *bajoŋ* 'скромный', *kodoŋ* 'верша'), ГСССГС — 894 (типа *baŋlaŋ* 'ягненок'), СГСГС — 99 (типа *baŋal* 'заросли'), СГСГ — 420 (типа *baju-* 'иссякнуть'), ГСССГ — 472 (типа *bujda* 'укромное место', *böjdö* 'напрасно'). Из общего числа неразложимых основ на перечисленные типы приходится более 5.000 слов. Такая дифференциация характеризует структуру корневых морфем только в синхронном плане и показывает неравномерное распределение выделенных выше типов в соответствии с количеством слов, относящихся к каждому из них.

Слоговой структурой корневых морфем киргизского языка интересовался И. А. Батманов³, а в последующем ею занимался историк киргизского языка Б. М. Юнусалиев, уделявший большое внимание выяснению

¹ «Киргизско-русский словарь». М., 1965.

² Заимствований, данных с пометой *ар.* (арабское), *ир.* (иранское) и *р.* (русское), — 2.924.

³ И. А. Батманов. Современный киргизский язык. Фрунзе, 1953, стр. 108—137.

природы (структуры) корня и его роли в лексико-морфологическом развитии слов киргизского языка⁴. В вопросе о структурных моделях корневых морфем Б. М. Юнусалиев полагал, что «для древнейшего диалекта языка-основы, из которого ... развился современный киргизский язык, были характерны 4 типа корней: Г, СГ, ГС и СГС»⁵, а все остальные, ныне неразложимые одно- и многосложные морфологические структуры посочетаемости составляющих их звуков, автором подразделялись на 27 типов⁶.

Задача структурно-морфологического и семантического членения исконных одно-, двух- и более сложных тюркских слов, особенно с вокалическим началом, частично решена благодаря выходу в свет первого тома фундаментального труда Э. В. Севортяна «Этимологический словарь тюркских языков» (М., 1974). Необходимость отчленения от первичных корневых морфем окостеневших и живых служебных форм предполагает, в свою очередь, обязательную увязку их структурных типов с фактическим материалом. При этом следует учитывать реконструкцию изначальных типичных форм корней. Спор же о первичности СГС, ГС и СГ структур⁷ может быть решен по каждому языку в отдельности лишь после тщательного структурно-этимологического анализа неразложимых корневых морфем всей исконной лексики⁸.

В этом нас убеждают факты, выявленные в процессе обследования неразложимых корневых морфем типа ГС. Так, в названном «Словаре...» К. К. Юдахина помещено 172 слова модели ГС (это слова типа: ал- 'брат', ат 'лошадь', ак 'белый' и пр.). По своим лексико-грамматическим свойствам эти слова подразделяются на именные (их всего 91), глагольные (54), подражательные слова (7) и междометия (16); часть из них, безусловно, имеет структурно-генетические связи с моделью СГС (типа ɬaʃ 'расстилать', kuɫ 'делать', boɫ 'быть' и т. п.) — всего 728 слов.

Большинство корневых морфем указанной звуковой структуры слов ныне семантически вполне самостоятельно. Таковы из именных основ: аʃ 'пища', az 'мало'; глагольно-именной: ас 'голодный' || 'голодать', ај 'луна', ак 'белый', аңг 'яма', аңг 'зверь', ат 'лошадь', ат 'имя', iz 'след', is 'угар', it 'собака', iс 'внутренность', iс 'дело'; глагольно-именное: ој 'нижина', 'углубление' || 'углублять долблением', ok 'стрела', оп 'десять', ог

⁴ См.: Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология. Фрунзе, 1959.

⁵ Там же, стр. 51.

⁶ Там же, стр. 54—60. Подобная работа проделана исследователями и по некоторым другим родственным языкам. Так, например, Л. Н. Харитонов неразложимые глагольные корневые морфемы подразделяет на 9 типов (см.: Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, стр. 36—44); Т. М. Гарипов аналогичные структуры башкирского языка рассматривает в рамках 27 типов (см.: Т. М. Гарипов. Башкирско-татарские языковые параллели. — В сб.: «Языковые контакты Башкирии». Уфа, 1972, стр. 105—109) и др.

⁷ W. Radloff. Einleitung Gedanken zur Darstellung der Morfologia der Turksprachen. — ЗИАН, историко-филол. отдел, т. VII. СПб., 1906; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология. М., 1952, стр. 100—102; В. Котвич. Исследования по алтайским языкам. М., 1962; А. Зайончковский. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», № 2, 1961, стр. 28—35; А. Исаков. Современный казахский язык. Морфология (на казахском языке). Алма-Ата, 1964, стр. 29—31; И. В. Кормушин. Лексико-семантическое развитие корня qa в алтайских языках. — «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 9—13; Э. В. Севортян. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками. — «Тюркологический сборник». М., 1972, стр. 132—144.

⁸ Такая работа могла бы служить ценным материалом как для составления в будущем этимологических словарей отдельных тюркских языков, так и для подготовки исследований по исторической лексикологии.

'яма', от 'трава', öz 'сам', ömг 'явь', öг 'подъем', öт 'желчь', öс 'злоба', из 'искусница', иј 'корова', ип 'мука', ис 'конец', иј 'юрта, дом, жилище', ип 'голос', ир 'духота', ис 'три', ук 'подветренная сторона', ум 'знак (мимикой, жестом)', ус 'сажа', еп 'ширина', ег 'муж, мужчина', ет 'мясо', ес 'опора, надежда, поддержка'. К корневым глагольным основам типа ГС (аs- 'переваливать' / > asuu 'перевал'), очевидно, генетически близки art 'перевал'⁹ (Kuzart, Kögart, Torugart, Balgart — топонимические названия перевалов в Центральном Тянь-Шане); ас- 'открывать'; аз- 'исхудать, отощать' и структурно-семантически близкое к нему ас 'голодный' (ас bel 'необитаемое место' > асук- 'голодать', аска 'голодный'); ак- 'течь' (о воде, жидкости); ал- 'брать', ас- 'вешать'; ат- 'бросать' > 'стрелять'; ас- 'открывать' (с которым структурно-семантически сближается ај: ајуг- 'разделить' > 'различать' и афут 'различие'; производные ајугта 'различие', аса 'разветвленный', ашта 'наставлять, вставлять рукоятку'), иј- 'гнуть'; ил- 'зацепить'; ис- 'пить', онг- '(перен) извлекать блага'; онг- 'линять (о цвете)'; ог- 'жать, косить'; öл- 'умереть', öп- 'расти', öнг- 'подкрадываться'; öс- 'расти', öт- 'проходить'; öс- 'гаснуть'; ук- 'слушать, внимать', иг- 'бить'; ит- 'выигрывать'; ис- 'летать'; из- 'рвать, обрывать'; иј- 'складывать', иг- 'лить'; глагольно-именное ук- 'прижиматься', ез- 'мять, давить', ек- 'сеять, сажать'; еп- 'сосать', енг- 'схватить, наклонившись'; ес- 'вить, свивать, сучить'.

Из указанной структурной модели слов лишь 19 лишены самостоятельной семантики и употребляются только в производной форме. Ср., например, акуј- 'вперить глаза', 'смотреть в одну точку', 'смотреть жадно, не спуская глаз' > акујпек' (устарелое, этн.) 'особый вид состязания девушек в исполнении уничижительных песен'; акылда- 'испытывать сильную жажду', восходящие к подражательному слову ак- (подражание горланному звуку, возгласу, произносимому особым образом для взаимного уничижения); аңылда 'завывать, орать' < к подражательному слову аңг- (подражание громко издаваемому звуку) + ylda (глагольный аффикс многократного действия); онгулда- 'реветь' (однозначно с приведенным выше аңылда) < онг || үңг (подражание возгласу, издаваемому при плаче); производное от указанного семантического ряда слов — иңгулда- 'плакать тихим голосом', иңсү- 'скулить'. Таковы еще корневые морфемы структуры ГС, восходящие также к односложным подражательным словам аф- 'лаять', 'галдеть' > афылда- 'злобно рычать' и афаап 'злой, злющий (о собаке, перен. о женщине)'; ириг- 'крошиться на мелкие части' и др.

Некоторые из корневых морфем модели ГС ныне функционируют лишь в составе устойчивых сочетаний. Таковы *ор*: ср. tart- 'вбирать в себя ртом' (ср. якутское uor- 'забирать в рот твердую пищу и количество пищи, которое можно захватить ртом в один прием', biir uor et 'кусочек мяса, который можно разом положить в рот')¹⁰; *ор*: obu ðok 'вздорный, несуразный'; *от*: bettin otu 'верхняя скула'; *yl*: yl tülök' (< tülök- 'линять' + -к) 'беркут шести лет'; *ym*: ym tülök 'беркут пяти лет'; ис 'пять' (при игре в ogdo и в альчики): birdin ücü 'пять (альчиков)', birdin ücü bir 'шесть (альчиков)', birdin ücü eki 'семь (альчиков)', ekinin ücü 'десять (альчиков)' и т. п.; иј: aldoor- иј — межд. баю-бай; ит: kulaktyn ütü 'слуховое отверстие (анат.)'.

Некоторые модели ГС соотносятся со структурой СГС: диал. глагольные im||in являются разновидностью литературного min- 'сесть (вер-

⁹ Исходя из закономерных звуковых соответствий г ~ з || с ~ ш.

¹⁰ Данный пример взят из кн.: Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы..., стр. 7.

хом)'; диал. южн. iš||iššek' соответствует литературному šišek' 'двух-летний валух'; üz- 'отцеживать, отчерпывать' (biğ üzüñ 'первач молочной водки') < süz- 'цедить, фильтровать'; ук 'крепкий, прочный' < пук — в том же значении; омонимичное с ними ук- 'забрезжить (о рассвете)' имеет разновидность duk в том же значении; диал. üz 'лицо' (θeg üzü 'земная поверхность') и литературное θüz 'лицо'; корень глагольного производного ukulda- 'дергать, стрелять (о боли)' < подражательное luk-luk; диал. уп и лит. пуп 'влага'; диал. ez и лит. pez 'находящийся в полной растерянности'. Эти примеры аналогичны межтюркским соответствиям типа кирг. уг 'песня' и каз. žug; кирг. ot 'огонь' и чув. θut в том же значении. Таковы и диал. южн. us 'запах' и общенародное (литературное) θut в том же значении.

Из корневых морфем типа ГС следующие слова происходят от междометий: ex 'возглас сожаления'; ej 'окрик'; üš 'возглас вдоха'; aj или парное aj-uj 'возглас предостережения'; op 'междометие в знач. «ух!»; oš 'окрик, обращенный к верблюду'; of 'междометие в знач. «ух!»; «пуч!»; ok 'восклицание, выражающее неодобрение'; ü 'междометие, выражающее недовольство, порицание'.

Некоторые из указанных моделей корневых морфем обязаны своим происхождением стяжению в результате выпадения j в интервокальной позиции; например, диал. таласское ip как разновидность общекиргизского ijip 'нора'; выпадения в указанной позиции d: ук 'притеснение' < duk в том же значении.

Таким образом, большинство корневых морфем структуры ГС представляют собой изначальные односложные звуковые комплексы, сохранившие, с одной стороны, свою структурно-семантическую целостность, а с другой — ставшие основой образования многих исторических производных (вторичных), прослеживаемых при рассмотрении морфемно-этимологического состава ряда нечленимых двух- и многосложных образований.

Из разобранных моделей корней лишь незначительное количество восходит к структуре СГС.

Ф. Р. ЗЕЙНАЛОВ

«ДАСТАН ОБ АХМЕДЕ ХЕРАМИ» — ДРЕВНЕЙШИЙ ПАМЯТНИК АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Значение изучения памятников древней письменности для решения ряда языковедческих проблем общеизвестно. Еще до революции большая работа в этом направлении проводилась виднейшими учеными — В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским, М. А. Казембеком, А. Н. Самойловичем, В. А. Гордлевским и др. Их продолжателями стали советские тюркологи, успешно использовавшие открывшиеся для них в послереволюционное время широкие возможности.

Тексты памятников древней письменности исследовались и в Азербайджане; в частности, азербайджанскими учеными описаны лексика и грамматический строй ряда памятников. Однако следует признать, что в некоторых других тюркоязычных республиках, как, например, в Узбекистане и Казахстане, изучение памятников поставлено значительно лучше.

Как известно, в XI—XIV вв. научные труды и художественные произведения на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе и в Азербайджане, как правило, создавались на персидском или арабском языках. Поэтому редкие произведения, дошедшие до нас на азербайджанском языке, представляют исключительную научную ценность и прежде всего для лингвистов.

Тюркоязычные литературные памятники XI—XIV вв. требуют дифференцированного подхода, ибо часть из них является памятниками древнего сельджукского языка, другая часть — древнеазербайджанскими памятниками.

Новоогузский язык (XI—XIII вв.) представлен такими памятниками, как дастаны «Деде Коркуд», «Огузнаме», «Дивани Хикмет» Ахмеда Ясави, «Гыссеи Юсиф» Али, произведениями Мовлана Джамаледдина, а также Султана Валёда («Ибтидаднаме», «Ребабнаме», «Дивани турки»).

Дастан «Деде Коркуд» (VIII—X вв.), созданный в огузской среде, впоследствии был записан проживающими на территории Азербайджана азербайджанцами.

Памятники письменности «Чархнаме» Факиха, «Юсиф и Зулейха» Шейяда Хамзы, относящиеся по времени к концу правления сельджуков, в Турции принято считать древнеосманскими, хотя правильнее отнести их к смешанным азербайджано-турецким памятникам. Языку этих памятников свойственны многие особенности, характерные именно для азербайджанского языка.

Как уже отмечалось, почти все литературные памятники, относящиеся к периоду правления сельджуков, написаны на персидском языке. Однако в них, впрочем, так же как и в произведениях, созданных в это время в Иране, встречается большое количество азербайджанских (тюркских) слов¹. Так, например, обнаружено более 500 бейтов, написанных Султаном Валедом на сельджукском языке. Приведем некоторые:

Süçü içevem, süçü, delü olavam delü||Nem var, verevem jele, sini dutavam bir gün ... 'Выпью вина, вина, буйствовать стану, буйствовать|| Все, что я имею, пушу по ветру, и я в один день овладею тобой'. Däpiz içre balyqların g'öresin 'Чтоб ты увидел рыб в море'.

Очень часто в персидских текстах встречаются такие азербайджанские и турецкие слова, как *gar* 'снег', *dağ* 'клеймо' (*dağ basmaq* 'клеить'), *ajag* 'бокал' (*gâdah*), *tağ* (*dağ*) 'гора' в «Диване» Катрана Тебризи; *dağ* 'гора', *xatun* 'женщина', *bejdag* 'знамя', *taju* 'ровня' — в произведениях Фелеки Ширвани; *tanrı* 'бог', *itkin* 'пропавший', *vişag* 'ребенок', *şıxa* 'чуха (верхняя одежда)', *dağ* 'гора', *xatun* 'женщина', *sürtmä* 'сурьма', *sänsäp* 'ты (есть)' — в произведениях Хагани, у которого встречаются сотни азербайджанских слов.

В произведении «*Rahätü-äs sudur vä ajätü-äs sürür*» («Покой сердце и признак радости») Равенди — перса по происхождению, творчество которого относится к концу XII века, почти на каждой странице можно встретить десятки азербайджанских слов (*danuşğ* 'беседа', *âkâ* 'большой', *adam* 'человек', *jezâk* 'разведчик', *çotax* 'палка', *bâğäg* 'знамя' и множество других).

Значительная часть произведений XIII в., написанных на азербайджанском языке, не дошла до наших дней. Все наши представления об азербайджанской литературе и языке XIII века основываются на небольшой известной газели поэта Гасаноглы. Обнаруженная немецким востоковедом Барбарой Флемминг новая газель Гасаноглы обогатила наши представления о творчестве поэта. Однако эта газель, к сожалению, не была подвергнута соответствующему тщательному лингвистическому анализу.

Широко известные произведения авторов XIV века Насими, Гази Бурханеддина, созданные на азербайджанском языке, свидетельствуют о давних, сложившихся уже к тому времени традициях азербайджанской письменности, и поэтому любой письменный памятник (пусть это будет даже один единственный бейт), относящийся к XIII веку или к более раннему периоду, представляет для науки исключительный интерес.

Во многих источниках отмечается, что Гасаноглы наряду с диваном на фарси создал и большой диван на азербайджанском языке. Это подтверждается и недавно обнаруженным в Ираке его новым стихотворением. Поэтому поиски произведений Гасаноглы и других азербайджанских поэтов той поры должны быть продолжены.

В этой связи огромный интерес представляет датируемый XIII в. «Дастани Ахмед Херами», случайно обнаруженный турецким ученым Ахмедом Талетом Онай в 1928 г. в сборнике, подаренном ему в районе Болу. Этот «Дастан» был издан им в 1933 г. небольшим тиражом.

¹ См.: *M. Şerefeddin* (Yaltkaya). *Mevlâna'da Türkçe kelimeler ve Türkçe şiirler*. — «*Türkiyat Mecmuası*», IV. İstanbul, 1934; *Mecdut Mansuroğlu*. *Mevlâna Celâleddin Rumi'de Türkçe beyit ve ibareler*. — *TDAY* (Belleten), 1954; *M. Mansuroğlu*. *Sultan Veleddin'in Türkçe manzumeleri*. Ankara, 1958.

Составив словарь «Дастана» и написав о нем небольшую статью, Талат Онай в 1946 году издал его вторично².

Ученые Турции долгое время считали этот памятник турецким. После того как было установлено его азербайджанское происхождение, к его исследованию они не возвращались. За исключением нескольких публикаций, носящих характер сообщений, об этом памятнике ни за рубежом, ни в Советском Союзе ничего издано не было.

Первое сообщение о «Дастане» было сделано у нас академиком Г. Араслы³. Большое значение этого памятника было подчеркнуто в диссертации С. Г. Ализаде⁴. Э. В. Севортян в своей работе, посвященной имени и глаголу, приводит из «Дастана» ряд примеров⁵. Цитаты из этого произведения используются и в «*Tagama sözlüğü*»⁶.

В «Дастане об Ахмеди Херами» повествуется о том, как известный вор и мошенник Ахмед приехал со своими друзьями в Багдад и пытался ограбить дворцовую сокровищницу. Девять сообщников Ахмеда были убиты Гульандам, дочерью султана Мемлука. Раненного в голову Ахмеда Гульандам отпускает на свободу. Обуреваемый жаждой мести, Ахмед прибегает к хитрости и женится на Гульандам. Возвращаясь к себе, по дороге в Крым он пытается убить Гульандам и сжечь ее труп. С этой целью он отправляется в лес за дровами. Однако случайные прохожие приходят на помощь Гульандам, спасают ее и доставляют в Шираз. Здесь она выходит замуж за ширазского принца, а разыскивавшего ее Ахмеда Херами убивает. Таково краткое содержание «Дастана», состоящего из 816 бейтов, написанного живым разговорным языком. В нем почти отсутствуют арабо-персидская лексика и фразеология, а встречающиеся арабские и персидские слова были в то время широко распространены и всем понятны. Например: *ājal(a)* 'жена', *daстан(f)* 'эпос', *dilavār(f)* 'языкастый', *dür(a)* 'драгоценность', *ālvan(a)* 'пестрый', *fārş(a)* 'подстилка', *mābadā(f)* 'ни в коем случае', *pārdā(f)* 'занавес' и др.

Большинство изафетных сочетаний параллельно представлены и в азербайджанском варианте. Например:

Sārasār başdan-başa, düni g'ündüz||g'ežävü g'ündüz-g'ežä g'ündüz
'С начала до конца, днем и ночью'.

В связи с тем, что последняя страница «Дастана» утеряна, невозможно установить ни имени его автора, ни даты написания. О том, что «Дастан» не завершен, свидетельствует следующее: по традиции каждая последующая страница начинается словами, завершающими предыдущую, и слова *şu denli* 816 бейта, которыми оканчивается страница, должны были стоять в начале следующей, в данном случае отсутствующей, страницы.

О принадлежности «Дастана» к письменным памятникам именно азербайджанского языка можно судить по целому ряду признаков и прежде всего по его лексико-фонетическим, а также грамматическим особенностям.

Азербайджанскому языку, по сравнению с турецким, более свойственны звонкие согласные. Эта особенность проявляется и в «Дастане». Например: *d < t*: *od* — *ot* 'огонь', *dürlü* — *türlü* 'различные', *düşdü* — *tüştü* 'падать'; *g < q*: *gaga* — *qaga* 'черный'; *γ < q*: *aγ* — *aq* 'белый' и т. д.

² «*Daстан'i Ahmet Harami*». Istanbul, 1946. Оригинал памятника хранится в библиотеке Турецкого Лингвистического Общества.

³ Г. Араслы. Бейүк Азербайжан шаири Фүзули. Баку, 1955.

⁴ С. Г. Ализаде. Именные части речи в «Шухаденаме». — Автореф. канд. дисс. Баку, 1966.

⁵ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962; *его же*. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.

⁶ «*Tagama sözlüğü*», I. Ankara, 1963.

При подготовке произведения к печати отмеченные специфические особенности были отнесены к проявлениям турецкого языка. Например: *gara* (قارا) — *kaга* ‘черный’, *aγ* (آغ) — *ак* ‘белый’.

Как известно, в турецком языке отсутствует согласный *х*, тогда как для азербайджанского языка он характерен. В «Дастане» же фонема *х* встречается часто. Во многих случаях эта фонема, по-видимому, сознательно была заменена на «*h*». Например: *xatun* (ختون) — *hatun* ‘женщина’, *хожа* (خوجا) — *hože* ‘ходжа’, *zāxmi jara* (زخمی یاره) — *zahmi jara* ‘рана’, *xālāti ton* (خلتی تون) — *heleti ton* ‘платье’, *хош* (خوش) — *hoš* ‘приятный’ и т. д.

В «Дастане» отмечаются случаи, когда *х* встречается и в середине слова, тогда как в турецком языке в этой позиции пишется *к*: *oxumag* — *okumak* ‘читать’, *ајах* — *ajak* ‘нога’, *axşam* — *akşam* ‘вечер’, *jaxun* — *jakin* ‘близкий’, *jaxunlyg etmək* — *jakınlık etmek* ‘быть в близких отношениях’, *бахса* — *bakça* ‘садик’, *ахса* — *akça* ‘деньги’ и т. д.

Ввиду отсутствия в турецкой графике буквы *ə* в словах, написанных арабским алфавитом, вместо гласного *ə* в публикации «Дастана» писался гласный *e*. Например: *gözlärlär* — *gözlerler* ‘подождут’, *g’älüp* — *g’elüp* ‘пришел’, *sözä g’äldi* — *söze g’eldi* ‘вступил в пререкание’, *g’etmək* — *g’itmek* ‘уходить’ и т. д.

Язык «Дастана» отличается от турецкого и своим грамматическим строем. Форма настоящего времени передается через аффикс *-yr*, тогда как аффикс *-jor* не встречается. Например: *g’örür* ‘видит’, *g’älür* ‘идет’, *bilür* ‘знает’, *varur* ‘уходит’, *öldürür* ‘убивает’, *verür* ‘дает’.

G’örür kim atasy gälür gyzyňa||*Gyzy garšu varur Sultan üzünä*||
‘Видит, что отец подходит к дочери’||Дочь направляется к Султану’.

Как известно, отмеченные в памятниках XI—XIV вв. аффиксы *-yr* и *-ar*||*-är* выражали как настоящее, так и неопределенно-будущее время, впоследствии *-yr* стал употребляться для обозначения только настоящего, а *-ar*||*-är* — будущего времени. Эта особенность характерна и для «Дастана». Например:

Düni g’ünä ulajybän g’idärdi (gedirdi)||*Anun joldaşlaryny ah edärdi (edirdi)*||
‘Он шел днем и ночью’||Горевал по его друзьям’; *Bulam my gyzy dejä fikr edärdi (edirdi)*||
‘Думал, найду ли я девушку’; *Ičindän kečürür (keçirär)*||
därdilä ahin||‘Горе и стенания пронизывали все его существо’.

Подобное явление отмечается и в дастанах «Деде Коркуд».

В исторических памятниках форма отрицания глагола с признаком настоящего времени *-maz*||*-māz* употребляется вместо *-maγ*||*-māγ*.

В «Дастане» форма с *-maz* служит для обозначения как настоящего, так и будущего времени. Например:

Bu g’ün bana bu vermāz (vermir)||*hič āmani*||‘Сегодня он не дает мне никакой пощады’; *Nä istärdün jitirdün bilmāzüz (bilmärik)*||
biz||‘Что ты хотел нам передать — мы не знаем’.

Встречающиеся в «Дастане» определительно-возвратные местоимения также отличаются от турецких. Как известно, в турецком языке вместо местоимения *öz* ‘сам’ употребляется *kändi* ‘сам’. В «Дастане» же местоимение *öz* встречается весьма часто. Например:

Jaman g’ün g’örmädüm här giz gapundä||*Özüm jaxşı kečürdüm haz-rätindä*||
‘При тебе мне жилось неплохо’||Во время пребывания у тебя хорошо себя чувствовал’; *Bakardy xatun anun jüzünä*||
Galur valih ol mähbub özinä||‘Она смотрела на ее лицо’||А та красавица восхищалась собою’.

В связи с тем, что «Дастан» написан в переходный, с языковой точки зрения, период, в нем весьма часто встречаются смешанные слова. Так, наряду со словом *kāndi* 'сам' употребляется составной вариант его с *öz* (*kāndöz*) 'сам'. Например:

Mäsäldür kändi düşän aylamazdyr || *Axan derjajy kimsä baylamazdyr* 'Есть пословица: упавший сам — не плачет' || *Никто не остановит течение реки*; *Didi kändäzinä ah nejläjüm bän?* || *Ayujy g'öz g'ögä nuş ejläjüm bän?* 'Он сказал себе, что же мне делать?' || *Сознавая все, как мне выпить яд?*'.

В «Дастане» много характерных для азербайджанского языка словосочетаний, не свойственных турецкому языку. Например: *jer elämäk* 'задеть', *durub g'etmäk* 'уходить', *baıru gağa* 'дурной', *üzü gağa* 'виноватый', *dänk' elämäk* 'надоедать', *başdan başa* 'сначала до конца', *därisinä suıtmaz* 'полный', *sözün almag* 'получить согласие', *nişan vermäk* 'дать знать', *mäslähät görmäk* 'советовать', *zävala g'älmäk* 'попасть в беду', *jad etmäk* 'навестить', *jahunlyg etmäk* 'быть в близких отношениях', *başuny daşa döjmäk* 'сожалеть' и т. д.

«Дастан» включает большое количество слов, свойственных только азербайджанскому языку. Не случайно его издатель Талет Онай вынужден был дать перевод таких слов, как: *jüg'ürmäk* 'бегать', *bežid olmag* 'быть проворным', *bajag* 'чуть раньше', *gat* 'слой', *düşmäk* 'падать', *jan* 'около', *toj* 'свадьба', *užundan* 'из-за', *ağa* 'господин', *ajrug* 'кроме', *bujrug* 'повеление', *daş* 'вне', *tutsag* 'арестованный', *äg* 'мужчина', *dün* 'вчера', *kaşan* 'когда', *gaty* 'густой', *öz* 'сам', *özü* 'он сам', *özün* 'ты сам', *bil* 'знай', *özläri* 'они сами', *ulu* 'великий', *ün* 'голос', *jahşy* 'хороший', *jamaп* 'дурной', *jaş* 'молодой', *jetmäk* 'доходить', *jumag* 'стирать', *jünmag* (*ju-junmag*) 'купаться' и т. д. Например:

Ağalar didig'ün dutmag g'äräkdir || *Ayu sunar isä dutmag g'äräkdir* 'Веления господ следует слушать (исполнять)' || *Если даже предложат яд, следует принять*; *Gölüp hamam içindä jündylar hoş* || *Cün işlär hasil oldy dändilär hoş* 'Пришли и в свое удовольствие искупались в бане' || *Когда разрешили все дела, вернулись, радуясь*; *Ulu kiçi any gamusy bildi* || *Dügün kutlulamağa žümlä g'äldi* 'Об этом узнали и стар, и млад' || *И все пришли поздравить со свадьбой*'.

Некоторые слова, встречающиеся в «Дастане», в современном литературном азербайджанском языке воспринимаются как архаизмы, но широко представлены в его диалектах и говорах. Например: *bežid* 'проворно', *sürčmäk* 'соскользнуть', *kanžärgü* 'каким образом', *dirlik* 'жизнь', *jörä* (*jan-jörä*) 'вокруг', *düjün* 'свадьба', *ün* 'голос', *biti* (*pitik*) 'письмо', *duş* 'сон', *suç* 'вина', *jazy* 'поле', *äkmäk* (*äppäk*) 'хлеб', *ari* 'чистый', *agmag* 'подниматься', *jaıta* 'грабеж', *irişmäk* 'достигать', *ismarlamak* 'поручить', *üşäpmäk* 'бояться', *vagmag* 'идти', *döşürmäk* 'собрать', *gylmag* 'совершить' и т. д.

Следует отметить и такой любопытный факт: слово *bežid*, которое азербайджанские языковеды относят к бакинскому диалекту, было очень употребительным в письменных памятниках XIII—XIV вв.⁷

Bežid bežid ismarlar g'elsin alsyn bezini (Юнус Эмре) 'Быстро сообщил ему, чтобы пришел и получил бязь'; *Jalynyz g'idirsın, bežid mi işin?* («*Sühejli Növbahar*») 'Один идешь, спешное ли дело?'; *Oradan Anter bežid sürdü* («*Antärnamä*») 'Оттуда Антер быстро поскакал'; *Eger zerguret olub, bežid g'erek olsa islatmadan bitürseler revadyr* («*Jadig'ari Ibni Şerif*») 'Если возникнет в этом необходимость и потребует срочность, тогда лучше будет закончить, не давая промокнуть'.

⁷ Э. Дамирчизадэ. «Китаби-Дәдә Горгуд» дастанларынын дили. Баки, 1959, стр. 146.

Такие топонимы из «Дастана», как *Krym, G'ürzüstan, Şiraz*, свидетельствуют о том, что описываемые события происходили на территории Азербайджана. Например:

Şiraza jüz tutdu g'itdi gārūban||Bilājdi ol G'ülāndam şahi Hüban 'Чужестранец направился в сторону Шираза||О, если знала бы об этом царица красавиц Гюльандам'.

Наименования пищевых продуктов, музыкальных инструментов, мугамов в «Дастане» азербайджанские. Все эти особенности привели Талета Онай к заключению, что «Дастан» написан на азербайджанском языке.

Хотя «Дастан» не датирован, на основании ряда лексико-фонетических и грамматических признаков можно сделать вывод, что он создан именно в XIII в. Язык «Дастана» во многом идентичен языку других произведений XIII—XIV вв. При сопоставлении языковых фактов «Чархнаме» Ахмеда Факиха, «Юсифа и Зулейхи» Шейяда Хамзы, произведений Гази Бурханеддина и Насими, дастанов «Деде Коркуда» это проявляется весьма отчетливо. Сравните:

G'ün ola kim gopa daylar jerinden||Beraber ola düpdüz dayı jaban («Çarxname») 'Пусть наступит тот день, когда горы сорвутся с мест||Сравняются горы и поля'; *Hag sāni sultan gylsar gamuja* («Jusif ve Zülejha») 'Если бог сделает тебя султаном над всеми'; *G'eldiler bunlar atasy Jakuba* («Jusif ve Zülejha») 'Они пришли к отцу Якубу'; *Hüsnünā hejrandurur huri mālāk* (Насими) 'Очарованы обликом твоим ангелы и гурии'; *Mänüm çäkişdigüm, mänüm gylınzlaşdyğum görgül, ög'räng'il vā hām pusu olıyıl oıul* («Dādā Gorgud») 'Посмотри и учись, как я борюсь и сражаюсь с мечом, будь стражем, сын мой'; *Keçübän ol giżä cün sabah oldy||Tugur Ahmäd Hāgami şaha g'äldi* (Херами) 'Прошла та ночь, и наступил день||Встал Ахмед Херами и пришел к царю'.

Подобное соответствие можно наблюдать и при сопоставлении с газелями Гасаноглы. Например:

Başymdan gitmädi härg'iz sänünlän içtigüm badä; And içäräm sändän artug sevmäjäm||Säninlä xoş keçär çayum bänüm; Bu Häsänoğlu sänün bändändurur||Ani rāddetmä jüzi ağum bänüm (Гасаноглы) 'Чаши, выпитые с тобою, пока еще туманят мою голову; Клянусь, кроме тебя, не любить никого||С тобою приятно проводить мне время; Этот Гасаноглы является твоим рабом||Не отвергай его, светлоликая моя'; *Didi kimin näsin alubdurur ol||Kimin gyzyna zift olubdurur ol* (Херами) 'Сказал, на чьей родне он женился||С чьей дочерью он вступил в союз'.

Большое языковое сходство имеется также между «Дастаном» и произведениями XIV века — «Гарибнаме» ашуга Паши, «Сухейли Новбахар» и «Фархангнамеи-Саади». Сравните:

Adem oldur kim onun şükri var||Kendü halin bilmek üzre fikri var||Hem bile kendözini hem ajruyu||Hem bile kim nižedür hak bujrıyü («Gäribnamä») 'Человек тот, кто возносит благодарность богу||И способен умом постичь свое состояние||Знает и себя, и других||И знает, какова божья воля'; *Anun zünbüşünü g'ördü G'ülāndam* 'Гюльандам увидела его состояние'; *Jaraıy düzdi goşdy ol Hāgami||Kurgymda galmady ajryk arami* (Херами) 'Херами вооружился и пустился в путь||В Крыму у него не было больше дела'.

Язык «Дастана» во многом адекватен языку переводов с фарсидского произведений «Сухейли Новбахар» и «Фархангнамеи-Саади», выполненных Махсудом Ибн Ахмедом. Поэтому Талет Онай даже предположил, что «Дастан» принадлежит перу Махсуда Ибн Ахмеда. Ср. следующие отрывки:

Dutup ganlu gibi sürürlär any||Saraja deq'inü saçylır gany («Sühejli Növbahar») 'Схватив, ведут его, как убийцу||На дорогу, ведущую во дворец, льется его кровь'; Ol aražuğa kim derildi çäri||Guruldu, garyldy, gyryldy çäri (там же) 'В этом местечке собрались войска||Построились в ряды, ринулись в бой и пали'; Viribijäm atama bändän salam (там же) 'Передай привет отцу от меня'; Nakam dönübän dedi kim ej väzir||G'irür sözlärin jürägimi gazır (там же) 'Вернувшись, горестно сказал: ой, визир||Твои слова проникают мне в душу и ранят ее'; Gij, iç, je, baıyşla, soıun, jun, arun||Nä g'izlärşän, aıryklar içün varun («Färhängnameji Sä'di») 'Одевайся, пей, ешь, одаряй, раздевайся, купайся, очищайся||То, что припрятать, — достанется другим'.

В «Дастане об Ахмеде Херами» немало архаичных для современного азербайджанского языка форм, характерных и для обоих упомянутых выше произведений, особенно для «Сухейли Новбахар».

Отчетливо прослеживаются в «Дастане» и архаичные формы глаголов, причастий и деепричастий: -van (-vam), -sar (-sär), -vuz (-vüz); -yın (-yın), -yban (-y), -ibän (-i); -ajın, -äjin и т. д.

Dijäbän 'говорю', g'älüsär 'идет', dijisär 'говорит', jejisär 'кушает', alavuz 'кулим', bilmäzüz 'не можем знать', olıyl 'будь', öldürg'il 'убей', durubän 'встал', irişibän 'достиг', g'öräjin 'увидим', varajım 'пойдем'.

Niçin jüz döndärälim bu kişidän||Nä dijisär bizi äjdin işidän; Sakın bu razi kimsäjä demäg'il||Bu sözi kimsäjä faş ejlämäg'il. 'Почему нам отворачиваться от этого мужчины||Что-то сказав, он оторвал нас от дела; Берегись, не открывай эту тайну никому||Не сообщай этого слова никому'.

Как и во многих других тюркоязычных письменных памятниках XIII—XIV вв., в «Дастане» очень часто встречаются древние азербайджанские слова:

näsnä 'вещь', irişmäk 'достигать', suş 'вина', irmäk 'достичь', kanda 'когда', gat 'возле', big'i 'подобный', eşik 'дверь', biti 'письмо', kyuyutmak 'кричать', düş 'сон', daş (taş) 'вне', üşänmäk 'бояться', jörä 'вокруг', varmag 'идти', kaıan 'каган', javuz 'дурной', sonıız 'конец', jalıuz 'одинокий', ajıug 'другой', jazyg 'несчастный' и т. д.

Bir iki g'ün gärar itdi, oturdy||G'örün fikrindä nä näsnä bitürdü (Херами) 'Несколько дней терпел и ждал||Взгляните, какую вещь он задумал'; G'eležek nesne delür; çare joktur («Carxnamä») 'Нет средства избежать того, что должно случиться в будущем'; Jamanlyg sansa bir kişi işinä||Son ızı sandıy g'alır başıyna (Херами) 'Если кто-либо совершит зло||То в конечном счете оно обернется против него'; Aıyr-son ızı ölümlü dünja («Dädä Gorgud») 'Мир со смертным исходом'.

Наличие древнего азербайджанского лексического пласта особенно ясно прослеживается на примере послелога big'i/kimi/kibi.

Послелог big'i, развившийся в современном азербайджанском языке в kimi/kibi (возможно, произошло чередование слогов), встречается во всех без исключения произведениях XIII—XIV вв. Ср.:

Nä ki bu jola verävüz||Jüz anın big'i alavuz (Султан Валед) 'Что мы в связи с этим отдадим||Взамен стократ получим'; Dökmüş idi sel big'i ganly jaş («Sühejli Növbahar») 'И проливал потоки кровавых слез'.

Послелог artug (в современном азербайджанском языке başga, иногда özg'ä) часто употребляется как в «Дастане об Ахмеде Херами», так и во многих других произведениях этой эпохи.

Распространенная в «Дастане» форма неопределенно-категорического будущего времени соответствует сельджукской форме -vam, -vem, -van. Здесь налицо сходство с языком произведений Султана Валеда. Для сравнения рассмотрим следующий отрывок:

Elden varavam bir g'ün||Jolda oturram žansuz, kan aylajavam bir g'ün (Султан Валед) 'Однажды уйду из этих краев||Изнуренный, сяду на краю дороги и пролью кровавые слезы однажды'; Dir šähär kändxudasy-ny bilirvân? (Херами) 'Сказал: ты знаешь городского старосту?'.
 Недостаточные формы глагола в «Дастане» представлены в полной форме. Например:

Irag jerä säni verir olursam||Bana dârddurur sânsiz olursam; G'özäl bir gyzdurur; G'örâlim kimdürür; Mälâkdurur dijâjdün ani mutlag (Херами) 'Если отдам тебя в чужие края||Без тебя мне останется только горе; Прекрасная девица; Посмотрим, кто она; Несомненно, сказал бы, что она ангел'.

Для памятников XIII—XIV вв. характерным признаком является употребление недостаточного глагола *durur*.

Широко распространены в «Дастане» и древние формы местоимений. Например: *anin* 'его', *ol* 'он', *oldur* 'тот', *bular* 'эти', *olar* 'они', *anda* 'там', *ganda* 'где', *gamu* 'все'.

Nura batdy gamu bašdan bašadâk||Zavaby^vny anyn çün aldy bular 'Все потонуло в свете с головы до ног||Как только они получили его ответ'; Kačan kim joldašlary gyzy g'ördülâr||Gamusu g'örgü^vbân, žandan kečdilâr (Херами) 'Когда его друзья увидели девушку||Все от испуга лишились чувств'.

Весьма употребителен в языке того времени и представленный в «Дастане» аффикс *-rag/-râk*, обозначающий степень сравнения прилагательных, например: *tizrâk*, *gaturag*, *iragrag* и т. д.

Как и в других памятниках этого периода, в «Дастане» часто одна падежная форма употребляется вместо другой. Например:

Gamu bâklâr g'â^vlir onda (ona) iriştir; Cu sübh oldu, jerindâ (jerindân) durdy Sultan; Könüldân (könüldâ) jox idi zârrâžâ pasy 'Все беки пришли и застали его; Чуть свет Султан поднялся с постели; В душе (у него) не было и следа ржавчины'.

Подобные замены встречаются и в «Юсифе и Зулейхе» Шейяда Хамзы. Например: *Byraktylar Jusifi derin kuju (gujuja)*; *Jazyuun (jazyuu) baıyşlag'il* 'Бросили Юсифа в глубокий колодец; Прости, грешного'.

Как известно, в древности послелоги и служебные слова употреблялись в ограниченном количестве, а их нагрузку в основном выполняли падежные аффиксы. Эта особенность свойственна и «Дастану». Так, например, в некоторых случаях дательный падеж несет нагрузку вспомогательных слов *târâf*, *jan*. Например: *Mudam fikri Hâramijâ g'idâr^vdi*; *Tugub Ahmâd Hârami šaha g'â^vldi* 'Постоянно его мысли обращались к Херами; Ахмед Херами встал и пришел к царю'.

Отмеченные особенности свидетельствуют о принадлежности «Дастана об Ахмеди Херами» к XIII в.

Думается, что «Дастан» должен представить значительный интерес как для литературоведов, так и для лингвистов.

Э. А. УМАРОВ

О НЕКОТОРЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ, СОЗДАННЫХ АЛИШЕРОМ НАВОИ

Великий узбекский поэт Алишер Навои создал немало фразеологических выражений, обогативших сокровищницу языка. В произведениях поэта встречается значительное количество авторско-индивидуальных фразеологизмов, которые с полным правом можно назвать навоизмами¹. В качестве примеров можно привести из них следующие:

сўзга хукми газоф тортмоқ (СС 589) 'слово считать обманом'², *шомим қаро бўлгач* (БВ 100) 'когда я стал несчастным', *чекар жон рагин* (СИ 784) 'страдает', *қоғоз узорини қаро айлагай* (СИ 828) 'если напишет', *фикратга зону-базону бўлмоқ* (СИ 847) 'думать', *жон тутди* (НШ 164) 'ожил', *жон тортиб* (СС 494) 'страдаю', *наргислардин арғувон тўкмоқ* (ЛМ 431) 'горько плакать', *дудга зирних шустмон қилиш* (ХА 141) 'превратить ночь в день', *баргу наво тилаш* (ХА 63) 'желать хорошего', *бағри тўлуб қон* (ЛМ 360) 'возмужав', *барги момотни соз этмак* (СИ 728) 'приготовить вещи (предназначенные для похорон)', *хуноба сўрмак* (ФШ 327) 'страдать' (ср. *қон ютмоқ*), *туфроғини совурмоқ* (БВ 562) 'уничтожить' (ср. *кулини кўкка совурмоқ*), *қон ёши сайли тутмиш* (БВ 461) 'убить' (ср. *қони тутмоқ*). Эти сочетания мастерски использовались поэтом для создания ярких, эмоциональных художественных образов:

*Ул чоғдинким варақи осмон
Дудага зирних қилур шустмон*
(ХА 41)

'С той поры, как лист неба
Превратил ночь в день'.

*Қилингиз чора берсангиз инсоф,
Йуқса тортинг сўзумга хукми газоф*
(СС 589)

'Проявите милосердие, помогите,
Или же считайте, что мои слова ложны'.

*Навоий гар лаби ёди била қон ютди, жон тутди,
Табибо билки, бу шарбат анга беҳад ярошибдур*
(НШ 164)

'Хотя Навои, вспоминая ее губы, глотал кровь, он ожил,
Лекарь, знай, этот шербет ему очень понравился'.

¹ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — В сб.: «Алишер Навои». М.—Л., 1946, стр. 97; Н. Маллаев. Узбек адабиёти тарихи. Тошкент, 1963, стр. 400—634; С. Муталлибов. Морфология ва лексика тарихидан қисқача очерк. Тошкент, 1959, стр. 222—223.

² *Əlişer Navaij*. Xəmsə, qisqartib basmaga tajjarlavci S. Əjnij. Taşkent, 1940, стр. 244.

Фразеологизмы, созданные Навои, прочно вошли в язык и получили широкое распространение, они употребляются и в современном узбекском языке.

По структуре фразеологизмы Навои условно можно разделить на две подгруппы. Одну из них составляют изречения, афоризмы, пословицы, оформленные в отдельные устойчивые бейты, другую — метафорические сочетания.

К числу первых относятся многие бейты «Хамсы», отдельные строки из «Махбуб-ул-кулуб», ставшие крылатыми выражениями и вошедшие в народный язык. Семантически эти бейты обычно отличаются единым неразложимым, но мотивированным значением и имеют параллельную синтаксическую структуру.

Популярности этих бейтов способствовала их лаконичная и образная форма, в которую отливала поэт сгустки народной мудрости³. Недаром такие бейты использовались как надписи на сосудах, порталах зданий и т. д. Частое употребление, несомненно, способствовало их фразеологизации. Эти выражения со временем дифференцировались: некоторые стали достоянием преимущественно литературного языка, другие же вошли в живую народную речь.

В сборнике узбекских народных пословиц и поговорок, например, зафиксировано несколько навоизмов: *тилга ихтиёрсиз, элга эътиборсиз* 'невоздержанный на язык не уважаем в народе', *айтар сўзни айт, айтмас сўздин қайт* 'что можно сказать — говори, что нельзя — о том молчи', *сиҳат тиласанг кўп ема, иззат тиласанг кўп дема* 'хочешь быть здоров — много не ешь, хочешь быть уважаем — много не говори', *оз-оздин ўрганиб доно бўлур, қатра-қатрадин кўнайиб дарё бўлур* 'учась понемногу, станешь мудрым, собираясь по каплям, образуется море', *билмаганни сўраб ўрганган олим, орланиб сўрамаган ўзига золим* 'кто спрашивает о том, чего не знает, становится ученым; кто стыдится спрашивать, сам себе враг'⁴. Примечательно, что при подобных фразеологизмах авторство Навои не всегда указывается: это говорит о полном усвоении их языком. Например:

Тилга эътибор — элга эътибор деганларидек. (Б. Жураев. Узбек адабий тили ва ўзбек диалектлари. Тошкент, 1963, стр. 63) 'Как говорится: внимательный к языку уважаем в народе'.

Ешимиз бир ерга етиб қолди. Шу кувват борида хунаримизни бошқа ёшларга ҳам ўргатиб кетай деймиз. Ахир мутаффакир Навоий ҳам:

*Хунарни асрабон неткумдир охир,
Олиб тупроққаи кетгумдир охир*

(Б. Екубов. Устозсиз уста бўлмаса. — Газ. «Совет Ўзбекистони», от 12 января 1973 г.).

'Года склоняются к старости. Пока есть силы, думаю передать свое искусство молодым. Ведь говорил же мыслитель Навои:

*Какой смысл хранить тайну своего искусства?
Разве для того, чтобы унести с собой в могилу?*

Одамни бутун жонзот оламида инсон қилган нарса ҳам шу, яъни ўзгалар ғами унинг шахсий ғамига айланганлигидир:

*Одами эрсанг демагил одами
Ониким йўқ халқ ғамидин ғами*

(Т. Умаров. Одамийлик ҳақида. — «Фан ва турмуш», № 6, 1972, стр. 35).

³ М. Ҳакимов. Ёзувчи ва халқ тили. Тошкент, 1971, стр. 100.

⁴ «Ўзбек халқ мақоллари». Тошкент, 1965, стр. 40, 42, 81, 100.

‘Во всем этом живом мире смысл деятельности человека в том и заключается, чтобы научиться понимать чужие заботы как собственные:

Не называй человеком того,
Кого не беспокоят заботы о народе’.

Навоизмы-приводятся в качестве эпиграфа к произведениям. Например, писатель Саид Ахмад дает эпиграфом к рассказу «Хазина» бейт, приведенный выше в цитате из Б. Якубова.

Остановимся и на навоизмах, представляющих собой метафорические сочетания. В основе, например, сочетания *ўз ёғига ўзи қовурилмоқ* лежит образ горящей свечи. Он встречается у Навои три раза: *қоврилури ўз ёғи билан* (ФС 573), *қовриладур ёғи била* (ФС 574), *ўз ёғи била қоврилури* (ХА 76). Это один из любимых образов Навои. В первом случае поэт употребляет указанное сочетание в прямом значении «жарится на собственном жиру»:

*Ул ўтки ўртади парвонани, ҳам ўл утдин,
Қўрунги қовриладур шамъ доғи ёғи била*
(ФС 574)

‘От того огня, что сжигает мотылька,
Посмотри, сгорает и свеча со всем своим естеством’.

Однако во втором и третьем случаях Навои, уподобля горящей свече свое собственное состояние, употребляет это сочетание в переносном значении — «страдает»:

*Шамъ ҳамдардимдурури ҳижрон туниким мен киби,
Ҳажр ўтида қоврулури ул доғи ўз ёғи била*
(ХА 76)

‘Свеча вместе со мной страдает в ночь разлуки,
Так же как я, в огне разлуки горит она’.

Позже переносный смысл этого созданного Навои выражения стал доминирующим, образ свечи отошел на задний план или, как говорят фразеологи, «стерся», и сочетание стало немотивированным⁵.

Как видно из примеров, уже в языке самого Навои это сочетание начало приобретать релевантный для фразеологизма признак — воспроизводимость и метафоричность⁶. Кроме того, у Навои встречается и другой вариант этого фразеологизма, созданный поэтом по аналогии с выражением *ўз ўтида қовурилмоқ*:

*Оҳи елиға чарх соврулубон,
Ўзи ҳижрон ўтиға қоврулубон*
(СС 504)

‘Мир исчезает от ветра его вздохов,
А сам он сгорает в огне разлуки’.

По данным краткого фразеологического словаря узбекского языка, оба выражения, созданные Навои, сохраняют активность и в современном узбекском языке: *Уч кундурики, Бўтабой ўз ёғига ўзи қовурилиб ўйда ўтирибти* (Саид Ахмад. «Хукм») ‘Уже три дня, как Бутабой сидит дома и страдает’; *Кетини ўйламасдан ваъда берган, энди сўздан қайтишни ўзига эп билмайди... Мана ҳозир ўз ёғида ўзи қовурилиб, қоронғида бетоқат юрибди* (Ойбек. «Олтин водийдан шабадалар») ‘Не подумав о’

⁵ Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 198, серия филологических наук, вып. 24. Л., 1956, стр. 220.

⁶ Л. И. Ройзензон. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1974, стр. 103.

последствиях, он обещал, а сейчас неудобно от своих слов отказываться... Вот теперь мучается, беспокойно бродит в потемках'; *Уларни айиринг, улар ўз ўтларига қовурилсинлар* (Ойбек. «Навоий»⁷) 'Разведите их, пусть они сами мучаются'.

Наряду с этим в узбекском языке употребляется также другой вариант того же фразеологизма — *ўз дардида ўзи қовурилмоқ*: ...*ўз дардида ўзи қовурилар яна чанг босган китобларга кўмилар эди* (Ойбек. «Навоий») '...он варился в собственном соку и начинал засыпаться (тонуть) в запыленных книгах'.

Таким образом, в основе рассмотренного фразеологизма лежит образ горящей свечи, в настоящее время полностью забытый, поэтому было бы ошибочным полагать, что фразеологизм этимологически восходит к обычаю жарить мясо на собственном жиру⁸.

Впервые сочетание *бой бермоқ* Навои употребил в «Маҳбуб-ул-кулуб» в главе о музыкантах и певцах (стр. 23) в значении «дать»: *басо аҳлulloҳки арғанун унидин дайрға кирди ва дин ва ислом нақдин муф-бачаларга бой берди* 'но многие люди аллаха, которые приходили в питейный дом, чтобы слушать напевы органа, отдавали виночерпиям золото веры и ислама'⁹. В дальнейшем это сочетание стало устойчивым и популярным. Кроме того, оно приобрело новое значение — «проиграть»: *Укангнинг ҳеч ҳаққи йўқ ҳовлидан бўладиган тегишини ҳам сотиб қиморга бой берган* (С. Абдулла. «Таракана») 'Младший брат не имеет никакого права, он свою долю давно продал и проиграл'. Кроме того, в последнее время в структуре этого фразеологизма можно наблюдать интересное явление. Один из его переменных компонентов, а именно: слово *сир* 'тайна', приобрел значение обязательного элемента фразеологизма, а сам фразеологизм *бой бермоқ* стал восприниматься как цельный сложный глагол с новым значением «выдавать тайну», «выдавать секрет». Поэтому не удивительно, что данное сочетание расценивается как самостоятельный фразеологизм¹⁰: *Кулгига тўлиб турганлар энди сир бой бериб қўйган йигитчанинг устидан хохолашди* (П. Қодиров. «Уч илдиш») 'Собравшиеся, охваченные веселым настроением, теперь хохотали над раскрытой тайной паренька'. Навои создан ряд сочетаний со значением *додини бермоқ* 'быть справедливым': *додига етмоқ* (ФС 579), *додини бермоқ* (СИ 662), *дод демоқ* (ФШ 273). Из этих вариантов устойчивость приобрел только один — *додини бермоқ*, ярче других выражающий данное значение, и именно он вошел в узбекскую фразеологию.

Устойчивость этого сочетания объясняется еще тем, что слово *дод* перешло в разряд архаичных, а само сочетание приобрело переносное значение «проучить»¹¹. Именно оно составляет основу фразеологизма в современном узбекском языке: *Батракларнинг тўпланишиб колхоз бўлишлари, ер суви, мол-мулки кўп, ноинсоф кишиларнинг додини бераётган воқеалар ва энди камбағалларнинг бойларга бўйин эгмай, ўз ҳаётларини ўз қўлларига олишлари бу хотин учун жуда азамат толе тенгсиз бир бахт бўлиб кўринарди* (Х. Шамс. «Душман») 'Объединение батраков в колхоз и события, дающие жёру (по заслугам) богатым и несправедливым людям, неподчинение баям бедняков, взявших свою

⁷ Ш. Раҳматуллаев. Узбек тилининг кискача фразеологик лугати. Тошкент, 1964, стр. 189.

⁸ Ср.: Ш. Шоматсудов, С. Долимов. Кенг уйнинг келинчаги. Тошкент, 1964, стр. 314.

⁹ Перевод А. Рустамова.

¹⁰ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 130.

¹¹ Там же, стр. 130.

судьбу в собственные руки, — все это женщине казалось большим счастьем¹².

Основа сочетания *кунфаякун бўлмоқ* восходит к кораническому выражению *кунфа якун*¹². Навои употребляет его в значении «все существующее», «вселенная»:

*Етти иқлим ила тўқуз гардун,
Билки бу дабдабаи кунфаякун*

(ФК 707)

‘Семь стран света и девять небесных сфер,
Но это громада вселенной’.

Помимо этого, связывая данное сочетание с тюркским глаголом *бўлмоқ*, поэт создает его новый вариант:

*Ким бўлди чу амри кун ҳувайдо,
Бўлди фаякун ғулуси пайдо*

(ЛМ 348)

‘Когда стал ясен приказ (аллаха): «Появись!» —
В суматохе (хаосе) появилась вселенная сушая’.

В дальнейшем, когда самостоятельные значения арабских слов стерлись, а все сочетание стало немотивированным, эта форма, созданная поэтом, стала употребляться как фразеологизм, в соединении с тюркским глаголом оно приобрело значение «уничтожиться»; «разбиться в пух и прах»¹³. Например: *Манави билан астойдил урсам, ҳар қандай ал-васти ҳам тил тортмай, кунфаякун бўлиб кетади* (Х. Шамс. «Танланган асарлар») ‘Если этим (железной палкой) как ударю, любой черт, не успев шагнуть, исчезнет’; *Вокзал билан ўрда умуман шаҳар ичидаги алоқа симлари кунфаякун бўлган* (Х. Шамс. «Танланган асарлар») ‘И на вокзале, и на урде и вообще все провода внутри города уничтожены’.

Сочетание *сўзни ерга банд этмоқ* со значением «прийти к заключению» является фразеологическим неологизмом Навои:

*Сўзни шаҳ чун бу ерга банд этти,
Шаҳ сўзин барча эл писанд этти*

(СС 523)

‘Когда царь пришел к заключению,
Все народы одобрили слово шаха’.

В современном узбекском языке это сочетание употребляется в несколько измененном виде: место сложного *банд этмоқ* занял глагол *қўймоқ*, вместо слова *сўз* часто выступает *гап*. Именно в такой форме и регистрируют его словари: *гапни бир ерга қўймоқ*¹⁴.

История возникновения и развития приведенных в данной статье фразеологизмов изложена несколько фрагментарно, однако каждый фразеологизм-навоизм может стать предметом специального исследования.

Вышеприведенные фразеологизмы отнюдь не исчерпывают все созданные Навои и активно бытующие ныне в узбекском языке. Дальнейшее изучение, несомненно, значительно расширит их список¹⁵.

¹² *Agah Sirri Levend.* Ali Şir Nevai, cilt III. Ankara, 1966, стр. 267.

¹³ «Узбекско-русский словарь», стр. 224.

¹⁴ *Ш. Раҳматуллаев.* Указ. раб., стр. 39; «Узбекско-русский словарь», стр. 10.

¹⁵ Для сравнения можно указать на то, что в современном английском языке зафиксировано 105 шекспиризмов (см. об этом: *Л. Ф. Свиридова.* Обогащение английской фразеологии шекспиризмами. Автореф. канд. дисс. М., 1968, стр. 20; *А. В. Кунин.* Фразеология современного английского языка. М., 1972, стр. 34).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ФС* — Алишер Навоий. Ғаройиб-ус-сиғар («Диковины детства»). Ташкент, 1959.
НШ — Алишер Навоий. Наводир-уш-шабоб («Редкости юности»). Ташкент, 1959.
БВ — Алишер Навоий. Бадоеъ-ул-васат («Диковины средних лет»). Ташкент, 1960.
ФК — Алишер Навоий. Ғавойид-ул-кибар («Полезные советы старости»), Ташкент, 1970.
ХА — Алишер Навоий. Ҳайрат-ул-аброр («Смятение праведных»). — В кн.: «Хамса». Ташкент, 1960.
СИ — Алишер Навоий. Садди Искандарий («Стена Искандера»). — В кн.: «Хамса». Ташкент, 1960.
ФШ — Алишер Навоий. Фарҳод ва Ширин («Фархад и Ширин»). — В кн.: «Хамса». Ташкент, 1960.
СС — Алишер Навоий. Сабъаи сайёра («Семь планет»). — В кн.: «Хамса». Ташкент, 1960.
ЛМ — Алишер Навоий. Лайли ва Меджнун («Лейли и Меджнун»). — В кн.: «Хамса». Ташкент, 1960.
МК — Алишер Навоий. Маҳбуб-ул-кулуб («Возлюбленный сердец»). Ташкент, 1966.

Цифры при сокращениях в тексте статьи обозначают страницу произведения.

Д. Х. БАЗАРОВА

О НАРОДНО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ ПТИЦ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследователь общеславянских названий птиц Л. А. Булаховский, подчеркивая роль звукоподражательных моментов при исходном назывании, отмечал также возможность появления позднейших подновлений названий и связывал это с их народно-этимологическим осмыслением. Например, названия *синица* и *сплюшка* в русском языке, исторически восходящие к звукоподражательным словам, по созвучию рано подверглись народно-этимологическому осмыслению, связывающему их с понятиями *синий* и *спать*¹.

Как правило, птичьи голоса, воспринимаемые слуховым аппаратом человека, не поддаются абсолютно точному воспроизведению в речи и поэтому зачастую трансформируются в языке при помощи ассоциаций. «Народная этимология часто идет путем золотой середины между звуком природы и человеческой речью, она как бы приспосабливает птичий крик к слову, сходному по звучанию»².

Историко-этимологический анализ названий птиц в тюркских языках показывает, что в основе значительного числа наименований древнейшего состава лежит звукоизобразительность³. Некоторые названия из этого ряда подверглись в отдельных тюркских языках фонетическому подновлению в связи с их народно-этимологическим осмыслением на основе различных ассоциаций.

Проанализируем несколько подобных названий в узбекском языке.

В современном узбекском языке названия птиц *кўккунак*⁴ 'золотистая щурка', *кўркунак* 'щурка' и *қарқуноқ* 'сорокопуд' имеют сходную структуру и образованы от звукоподражательных основ с помощью словообразующего аффикса *-нак/-ноқ*⁵ (так же как, например, *тўғоноқ* 'жулан').

¹ Л. А. Булаховский. Общеславянские названия птиц. — «Известия Академии наук СССР. Отделение языка и литературы», т. VII, вып. 2, 1948, стр. 97—125.

² М. Мягер. Эстонские названия птиц. Автореф. канд. дисс. Таллин, 1963, стр. 22.

³ См.: Д. Х. Базарова. К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц. — «Советская тюркология», 1975, № 4.

⁴ Иллюстрации, приводимые в настоящей статье, даются в орфографии источника, из которого они заимствованы. Примеры, данные без указания источника, взяты из словарей.

⁵ К. Брокельман относит данный аффикс к разряду приименных и считает его уменьшительным; См.: C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1951—1954, § 93, стр. 130. О непродуктивном аффиксе *-нак||-нак* в тюркских языках см. также: А. О. Мамедов. Непродуктивные аффиксы, образующие имена существительные в азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1964, стр. 18.

Кўккунак 'золотистая шурка', вероятно, восходит к звукоподражательной основе, близкой по звучанию крику этой птицы, который орнитолог О. П. Богданов воспроизводит в виде *кук-ку*⁶. **Кўркунак** 'шурка' образовано от подражания крику птицы *кур-ку*, которое явно вычленяется в другом народном названии шурки — *куркулдак*, сообщенном нам зоологом З. Игамбердиевым (ср. туркм. *куркулак* в том же значении⁷), наблюдаемом, например, в кирг. *куркулда* 'ячать' (о лебеде), 'грать' (о вороне); *куркулдай* 'ремез'⁸. Ср. также название шурки и подражание ее крику в таджикском языке — *куркурикаррок*.

Следует, однако, отметить, что, кроме названных, еще в целом ряде наименований птиц выделяется общий элемент *кунак*||*куноқ*||*канак*: *қарқуноқ* 'сорокопут'; диал. *кийканак* 'сокол'⁹ [ср. также древнетюрк. *küzkünäk* 'название какой-то птицы' (ДТС, 331); алт. *кунканак* 'драхва' (БСл II, 166); уйг. диал. *күргәнәк* 'кобчик, пустельга'].

Если допустить, что элемент *кунак* — вышедшее из употребления название какой-то птицы, то тогда придется согласиться, что **кўккунак**, **кўркунак** и **қарқуноқ** — названия сходных видов птиц, отличающихся друг от друга цветом — *кўккунак* (действительно, у золотистой шурки нижнее оперение и крылья зеленовато-голубого цвета — ПСС V, 511), или какими-то характерными признаками — *қарқуноқ* [эпитет «глухой» можно объяснить тем, что сорокопут обычно поет на разные голоса, подражая другим птицам, но не так красиво и приятно, как последние, выделяя при этом отдельные части (слоги)]¹⁰.

Однако это допущение оказывается несостоятельным, во-первых, при сравнении между собой форм, имеющих параллельное употребление в некоторых тюркских языках; например, узб. *қарқуноқ* и азерб. *қаркинчәк* (ЗТЛ, 39). В словаре Л. Будагова приводится название птицы из отряда хищных — «мышелов»: дж. *койканак*, каз. *койкалак*, кирг. *койканай* (БСл II, 170), а в Этимологическом словаре М. Рясенена за пометой «шор» приведена даже форма *küjbänäk* (Räsänen, 307). Ср. также древнетюркские лексические единицы *küzkünäk* 'название какой-то птицы' и *küzküni* 'сверчок' (ДТС, 331), несомненно, этимологически родственные и имеющие явно общую основу *küzkün*. Во-вторых, ни в памятниках, ни в современных тюркских языках нам не удалось обнаружить значимой лексической единицы *кунак*.

Таким образом, наиболее логично допустить, что анализируемые названия образованы от звукоподражательных основ (исторически подвергшихся фонетическим подновлениям, связанным с народно-этимологическим осмыслением этих названий на основе расцветки и других признаков обозначаемых ими птиц) + афф. -*нак*||-*ноқ*.

Жиғалтой 'чеглок'. Основа слова произошла, по-видимому, от широко распространенного в тюркских названиях птиц звукоподражательного корня *жиқ*||*жиғ*||*жағ* (ср. узб. *жиқжиқ* 'скотоцера', *жиқтоқ* 'луговая тиркушка'; уйг. *жағжақ* 'иволга'; туркм. *жікжіки* 'пеночка', *жікжікы* 'дрозд', 'дергач') + словообразующий аффикс -*той*¹¹ (аналогично названиям *кўкантой* 'степная пустельга', *турумтой* 'дербник').

⁶ О. П. Богданов. Узбекистоннинг ҳайвонот дунёси. Тошкент, 1965, стр. 155.

⁷ Г. П. Дементьев. Птицы Туркменистана. Ашхабад, 1952, стр. 423.

⁸ «Птицы Киргизии». Фрунзе, 1961, стр. 167.

⁹ «Узбек халқ шевалари лугати». Тошкент, 1971, стр. 145.

¹⁰ О. П. Богданов. Указ. раб., стр. 191.

¹¹ Об этом непродуктивном аффиксе с уменьшительным значением см.: А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. Аффиксация. Часть I. Словообразующие аффиксы имен. Ташкент, 1953, стр. 21—22; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. Л., 1960, § 153, стр. 129; Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964, стр. 159.

Элемент *л* может свидетельствовать о наличии здесь в прошлом звукоподражательной глагольной основы (ср. *жигилла*- 'ворчать, бормотать'; 'петь (о самоваре)' и производное от него *жигилдон* 'зоб'), подвергшейся в дальнейшем, вероятно, фонетическому подновлению, связанному с ложной народной этимологией, возводящей название этой птицы к *жиға* 'металлическое украшение овальной формы на мужском головном уборе со вделанными в него цветными камешками и перьями филина'. На самом деле ни чеглок, ни другая птица из семейства соколиных не имеют ни овальной формы пятна на лбу, ни хохолка, чуба или чего-либо подобного на голове (ПСС I, 84—164).

Кўнғир 'поганка'. По структуре название делится на звукоподражательный корень и аффикс *-ир*¹². Ср. другие названия птиц с этим аффиксом: *ғажир* 'степной орел', *шунқор* 'кречет'; каз. *сүнқар* (<звукоподражания *сүнқ*+*-ар*)¹³.

Звукоподражательный корень *кўнғ*||*ғўнғ* явно вычленяется в целом ряде слов подражательного происхождения: *ғўнғ* — подражание карканью вороны¹⁴, *ғўнғилла*- 'бормотать, жужжать', *ғўнғир-ғўнғир товушлар* 'невнятные голоса', *ғўнғир қил*- 'бормотать под нос', *кўнғиз* 'жук', *кўнғироқ* 'звонок, бубенчик' и др. В данном названии можно видеть народно-этимологическое осмысление, связанное с бурой окраской поганки (*кўнғир* 'бурый, темно-серый').

Обозначение цвета в названии *кўнғир* нельзя считать первичной семантической мотивированностью еще и потому, что в узбекском языке среди моделей номинации птиц по цвету нет ни одной, где бы понятие цвета само по себе (без аффиксации или определяемого понятия) служило названием какой-либо птицы. Как правило, подобный тип номинации основан на сходстве окраски птиц (или отдельных частей ее оперения) с определенным цветом спектра (или предмета). В структурном отношении подобные слова делятся на:

1. название цвета+название птицы (иногда вышедшее из употребления), например, *кўкчулдоқ* 'серпоклюв', *олатўғоноқ* 'жулан', *қорақуш* 'степной орел', *қизилғоз* 'фламинго', *қораялоқ* 'дрозд';
2. название цвета+название отдельных частей тела птицы, например, *кўкбел* 'красноголовый нырок', *олақанот* 'шилоклювка', *оққанот* 'белоглазый нырок', *қизилбош* 'чечевица', *қораёқа* 'зук';
3. название цвета+словообразующий аффикс (в единичных случаях), например, *қорабой* 'баклан'.

Ғажир 'степной орел'. Данное наименование, по всей видимости, является озвонченным вариантом вышедшего из употребления слова *қачир*, приведенного в Словаре Л. Будагова за пометой *дж.* قاچير 'род орла — птицы, живущей, как говорят, 1000 лет и питающейся трупами' (БСл II, 7). (Ср. кирг. *кажыр* или *ак кажыр* 'белоголовый сип'). Последнее в свою очередь представляет собой видоизмененную форму (в результате метатезы) также вышедшего из употребления قارچه

¹² Об этом словообразующем аффиксе имен см.: С. Brockelmann. Указ. раб., § 99, стр. 133; М. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, стр. 139; А. О. Мамедов. Указ. раб., стр. 9.

¹³ Б. Ш. Катембаева. Подражательные слова в казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1965, стр. 16.

¹⁴ Р. Кунгуров. Изобразительные слова в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962, стр. 18.

‘вид сокола’¹⁵ (БСЛ II, 9), образованного от звукоподражательного корня *к...р* и словообразующего аффикса *-чэ*¹⁶. Ср. тат. *кор-кор*, узб. *қир-қир*||*қур-қур* — подражание клекоту хищных птиц. Данный звукоподражательный корень встречается и в других тюркских названиях птиц, например, азерб. *гарылдак* ‘кваква’ (ЗТЛ, 37); ккалп. *гар-гар* — подражание кряканью уток, *гаркылдау* ‘крякать’; туркм. *гөк гарлак* ‘сизоворонка’, *гарлавач* ‘ласточка’¹⁷; узб. *қарқара* ‘цапля’, *қарилла* ‘каркать’, *қурқура* — ‘клекотать (о хищных птицах), курлыкать’.

В дальнейшем *қачир* (<*қарчэ*) подверглось фонетическому подновлению в соответствии с народно-этимологическим осмыслением названия, связывающим его с *ғажзи*- ‘глодать, грызть’; ‘рвать, терзать’. (Ср. также *ғажила*- ‘обгрызать, глодать, обгладывать’; *ғажирла*- ‘хрустеть, скрежетать’; *ғажир-ғужур* — звукоподражание хрусту, скрежету).

В группе узбекских орнитонимов имеется тип сложных слов, образованных присоединением звукоподражательной части не к словообразующему аффиксу, а к обычному названию птицы, например, *бабақхўроз*, *бабақтовуқ* ‘петух (курица) кохинхинской породы’, *каккуқуш* ‘кукушка’, *қурқтовуқ* ‘клушка’, *чилкаклик* ‘пустынная куропатка’, *ҳаққуш* ‘кваква’.

К данному типу названий относятся также *пўнғқуш* и *ғўнғқарға*.

Пўнғкуш ‘неясыть’. В некоторых письменных памятниках узбекского языка встречается орнитоним *пўнғқарға*, первый компонент которого исследователь Ф. Исхаков возводит к *бўнғ* ‘крупный, полный, толстый’¹⁸. Автор, вероятно, имеет в виду форму *бўн* ‘полный, толстый’, встречающуюся в Словаре Махмуда Кашгари (ДТС, 118). Отметим, что у Махмуда Кашгари приведено омонимичное слово *бўн* в значении звукоподражания, передающего глухие хлопочущие звуки (ДТС, 118) и сохранившееся в современном киргизском языке в форме *доң* в значении подражания сильному, но не резкому, приглушенному звону, или *дуң*, *даң-дуң* — подражание сильному, но приглушенному звуку. Эти формы легли в основу некоторых названий птиц, например, *ала дуңга* ‘малый сорокопут’, ‘снежный вьюрок’ (ср. также *доңк-доңк* — подражание глухому отрывистому звуку, например, производимому дятлом, когда он долбит дерево, и *доңкулдак* ‘дятел’).

Это же звукоподражание в качестве составной части названия ворона (грача) в одних говорах узбекского языка приняло форму *дўнғ-дўнғ-*

¹⁵ Явление метазеты встречается и в других названиях птиц, например, древнетюрк. *qarlıyaç||qarılıaç* ‘ласточка’ (ДТС, 426, 428); *sayzıyan||sayızyan* ‘сорока’ (ДТС, 481); узб. *қирғий||қийғир* ‘ястреб-перепелятник’; башк. *кәжүк*||узб. *какку* ‘кукушка’; шор. *тар-тал*||тел., бар. *талтар* ‘коростель’. Ср. также формы, приведенные в Этимологическом словаре М. Рясенена: тур. *duyay||dujyar*; чаг. *toɣay||tojyar* ‘жаворонок’ (М. Räsänen, 490).

¹⁶ Этот продуктивный в тюркских языках аффикс, образующий уменьшительно-ласкательную форму имен существительных, в названиях птиц употребляется, присоединяясь к звукоподражательным корням (основам), также и при обозначении самостоятельных реалий, например, азерб. *чил-чэ* ‘рябинник’ (где *чил* — звукоподражательный корень; ср. уйг. *чил-ла-ш* ‘кудахтанье, пение птиц’; узб. *чил-ла-к* ‘чиж’); туркм. *сер-че* ‘воробей’ (где *сер-* — вариант известного в тюркских названиях птиц звукоподражательного корня *ч...р*).

¹⁷ По мнению М. Худайкулиева, *гарлавач* образовано от звукоподражательной глагольной основы *гарла-* (где *гар-* — звукоподражательный корень) + афф. *-вач*, который выделяется автором в целом ряде других слов со звукоподражательной основой. См.: М. Худайкулиев. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962, стр. 83.

¹⁸ Ф. Исхаков. «Зарбул масал» даги қуш номларига доир. — «Узбек тили ва адабиёти», 1973, № 1, стр. 48.

қарға¹⁹ (ср. уйг. тоңқарға 'ворон'), в других — пўнг:пўнғарға²⁰. Кроме того, дўнғарға||пўнғарға являются эквивалентными вариантами литературной формы гўнғарға 'грач, ворон', где гўнғ — видоизмененное звукоподражание, употребляющееся в узбекском языке в значении подражания карканью вороны²¹. (Ср. встречающееся в произведениях Алишера Навои название ворона قوناك [қунг] (БСл II, 80, 95; Боровков, 214) и звукоподражание крику грача в киргизском языке — куңгурук²². Ср. также киргизское название грача коңқарға, образованное от звукоподражательного корня коңк (коңкулда- 'грать (о граче)': коңкулдап ыйлап чар келди 'грая и плача, прибыл грач'²³, в точности соответствующего узбекскому звукоподражательному корню гўнг||қўнг, например, узб. қўнғироқ и кирг. коңгуруо 'звонок'; узб. қўнғиз и кирг. коңуз 'жук'; узб. гўнғилла- и кирг. коңгура- 'бурчать' и др.

Из вышесказанного следует, что все три названия: пўнғарға, дўнғарға, гўнғарға (<гўнғарға) включают варианты одного и того же звукоподражания.

Об адекватности пўнг||дўнг||гўнг можно судить по однозначному употреблению в узбекском языке звукоподражательных глагольных основ: пўнғилла-||дўнғилла-||гўнғилла- 'бурчать, ворчать, бормотать'. Об этом же говорит и параллельное употребление звукоподражательных киргизских названий коңкулдак и доңкулдак в значении «дятел».

Таким образом, можно с достаточным основанием полагать, что звукоподражательный элемент пўнг в составе орнитонимов пўнғкуш и пўнғарға подвергся народно-этимологическому осмыслению по ассоциации с крупными размерами неясыти (ПСС I, 412) и ворона (ПСС V, 20) с бўнг||пўнг 'крупный, толстый'.

Гўнғарға (<гўнғарға) в современном узбекском языке претерпело фонетическое подновление на основе народно-этимологического осмысления, связывающего данное наименование с гўнг 'навоз', что объясняется тем, что ворон питается главным образом падалью, отбросами, экскрементами и потому держится вблизи выпасов и свалок (ПСС V, 15—25); грач, в пище которого большое место занимают личинки вредных насекомых, также держится вблизи таких мест (ПСС V, 39—46).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Боровков — А. К. Боровков. «Бад'и'ал-лугат». Словарь Тāли' Ймāнī Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961.
 БСл — Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II. СПб., 1868—1871.
 ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
 ПСС — «Птицы Советского Союза», тт. I—VI. М., 1951—1954.
 РСл — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888—1905.
 ЗТЛ — «Зоологичека терминлари лугати». Баку, 1961.
 Räsänen — M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

¹⁹ «Узбек халк шевалари лугати», стр. 89.

²⁰ Ш. Шоабдураҳмонов. Узбек адабий тили ва ўзбек халк шевалари. Тошкент, 1962, стр. 286.

²¹ Р. Кунгуров. Указ. раб., стр. 18.

²² С. Кудайбергенов. Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, 1957, стр. 97.

²³ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 848.

З. И. БУДАГОВА

О ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ ЯЗЫКА

(НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ)

Успех разработки общих проблем стилистики отдельного языка или группы языков во многом зависит от состояния исследования конкретных частных вопросов. Выявление стилистической роли лексико-фразеологических пластов, синтаксических и других языковых явлений способствует типизации стилистических функций слов, словосочетаний и т. д.

В этой связи важное значение приобретает углубленное изучение средств художественной образности, используемых в языке произведений художественной литературы, в частности, поэзии.

Как известно, содержание слова в языке художественной литературы не ограничивается его номинативно-предметным значением¹. Помимо своего основного значения, слово часто употребляется в «дополнительных» значениях, называемых переносными, которые, собственно, и придают языку образность. Слово или выражение в переносном значении (троп) не просто называет предмет, явление или событие, но и как бы изображает, характеризует его. Поэтому тропы принадлежат к важнейшим художественно-выразительным средствам языка и рассматриваются как один из основных элементов образного мышления². Известно также, что тропы подразделяются на «языковые», или лексические, и «неязыковые», или стилистические. Лексические тропы в связи с их широким употреблением входят в лексическую систему языка и фиксируются в словарях (например, *қәминин бурну* 'нос корабля', *столунгычы* 'ножка стола'), а стилистические тропы обычно образуются в результате индивидуального художественно-литературного творчества и характеризуют своеобразие стиля того или иного писателя³.

Как общеязыковые, так и «индивидуальные» тропы, так же как во всех других литературах, широко используются и в азербайджанской художественной литературе и фольклоре, и прежде всего в поэзии.

Согласно своему происхождению, степени национальной специфичности и месту, занимаемому в ряду аналогичных явлений в других литературах, тропы в азербайджанской художественной литературе можно подразделять на несколько групп. Существует, например, целый ряд до-

¹ В. В. Виноградов. О языке художественных произведений. М., 1959, стр. 230.

² Г. Л. Абрамович. Введение в литературоведение. М., 1931, стр. 35.

³ Е. Т. Черкасова, разграничивая тропы по степени употребительности, предлагает противопоставлять «общезыковые» метафоры «индивидуальным» (см.: Е. Т. Черкасова. Опыт лингвистической интерпретации тропов. — «Вопросы языкознания», 1968, № 2, стр. 30).

вольно употребительных тропов, связанных с общими для всех народов ассоциациями: ср. понятия, заключенные в словах типа *зима, ночь, день, утро, звезда, луна, алмаз, осел, медведь* и др. Историческая взаимосвязь культур народов стран Ближнего и Среднего Востока обусловила появление в азербайджанской классической литературе многих характерных для восточной поэзии художественных средств — эпитетов, сравнений, метафор и т. д. (например, персидские изафетные конструкции *lābi-šā-kār, būlbūlū-nalan, ālif-gādd* и так далее, образы мифических существ и религиозные понятия — *див, эхриман, иблис* и др.).

Одним из основных источников, питающих азербайджанскую классическую поэзию, всегда было устное народно-поэтическое творчество. Поэтому часть тропов, образных выражений носит ярко выраженный фольклорный характер, например, *гəлəм гаш* 'брови, как бы нарисованные пером', *сəрв бој* 'стройный, как кипарис', *алма јанаг* 'щеки, как яблоки', *каман гаш* 'брови, подобные луку', *киприклəри ох* 'ресницы, как стрелы', *Короғлу кими вурушмаг* 'сражаться подобно Кёроғлу', *Кəрəм кими јанмаг* 'гореть подобно Керему'.

По общепринятому делению система тропов включает в себя сравнение, метафору, эпитет, аллегория, метонимию, гиперболу, иронию и другие художественные средства, часто входящие в состав фразеологических единиц или фразеологизмов, идиом, крылатых слов, афоризмов, пословиц, поговорок и т. п. На отборе и характере употребления их в произведениях литературы, как правило, отражаются идейно-художественное мировоззрение и эстетические вкусы того или иного писателя; например, Мирза Алекпер Сабир уподоблял поэзию солнцу правды, Гусейн Джавид — музыке, Халид Хуррам — божественной силе.

Ниже мы рассмотрим метафору, лежащую в основе наиболее обширного, компаративного класса тропов, включающего также сравнение, эпитет, гиперболу и литоту.

Метафора, или «сокращенное сравнение»⁴, «скрытое сравнение»⁵, «раскрывая сущность и особенности одного явления путем перенесения на него признаков и свойств другого явления, ... обогащает изображение»⁶.

Наблюдения показывают, что язык и литература каждого народа имеют собственную систему тропов, отличающуюся характерным своеобразием. Например, в индийской литературе величественная женская походка уподобляется поступи слона, тогда как в азербайджанской литературе красивая осанка и походка женщины сравниваются с повадками джейрана, серны, а в казахской поэзии грациозность молодой женщины сопоставляется с легкостью движений молодой кобылицы⁷. Поэтому при изучении художественно-образительных средств языка следует непременно учитывать связь «словесно-художественных образов с тенденциями „образности“ (т. е. разных видов переносного употребления, разных способов образования переносного значения слов и выражений) в семантике общенародного языка»⁸.

⁴ А. А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, стр. 263. Данное определение, однако, является не вполне точным, поскольку не каждая сравнительная конструкция может быть трансформирована в метафору (см.: Е. Т. Черкасова. Указ. раб., стр. 34).

⁵ А. Н. Кожин. Стилистика и некоторые ее категории. Пермь, 1961.

⁶ См.: Б. Мейлах. Метафора как элемент художественной системы. — В сб.: «Вопросы литературы и эстетики». Л., 1958.

⁷ З. А. Ахметов. О языке казахской поэзии. Алма-Ата, 1970, стр. 28.

⁸ В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 95.

Необходимо отметить, что «метафоризации» в языке могут подвергаться не все слова, а только их определенные семантические группы (главным образом имена существительные).

В азербайджанском языке метафорический характер носят следующие группы слов:

1. Названия частей суток: *күндүз* 'день', *кечә* 'ночь', *сәһәр* 'утро' и т. д.

Слово *кечә* в значении «мрачной, тяжелой для человека поры» противопоставляется слову *күндүз*: «*Бир үзүм күндүздү, бир үзүм кечә*». (М. Ибрагим.) 'Мое лицо выражает то день, то — ночь'.

Слово *сәһәр* употребляется в значении «доброй, счастливой, светлой поры»: «*Сән јол ачдын нурлу, ајдын сәһәрә*» (Р. Рза) 'Ты открыл путь к светлому, ясному утру'.

2. Названия времен года: *бахар*, *јаз* 'весна', *јај* 'лето', *гыш* 'зима'.

Понятие весны является символом счастья, радости, свободы, покоя, а также молодости и красоты: «*Баһара сәсләдик бу елләри биз*» (М. Ибрагим.) 'Мы позвали эти народы к весне'; «*Күлүшүндән, сөзүндән Көнүлләрдә јаз олур*» (Р. Рза) 'Твой смех, твои слова наполняют сердца весной'.

Слово *гыш* 'зима' ассоциируется со злом и несчастьем, оно часто противопоставляется в стихах словам *бахар*, *јаз*, *јај*: «*Сиздә гыш күмүдүр, биздә баһардыр*» (С. Вургун) 'У вас зимний день, а у нас весна'.

3. Названия небесных тел: *Күнаш* 'Солнце', *Ај* 'Луна', *улдуз* 'звезда'.

Еще в древних образцах азербайджанского фольклора Солнце, Луна, звезды олицетворяли собой красоту, возвышенность человеческого духа, чистоту его. Это оказало влияние и на письменную литературу. В произведениях современных азербайджанских поэтов метафоры этого ряда получили достаточно широкое распространение: «*Бир күнәш-сән бу ватәнә, партија!*» (Из ашугского творчества) 'Ты солнце родины, партия!'; «*Елчи кәлир бу гыза, Бу мейрибан улдуза*» (М. Мушфиг) 'Спешат сваты к этой девушке, этой милой звезде'.

Солнце воспевается и как символ свободы: «*Сөнмәз күнәш доғду, һәјат нурланды*» (Из ашугского творчества) 'Взошло неугасимое солнце, жизнь осветилась'.

4. Названия явлений природы: *думан* 'туман', *туфан* 'ураган', *јел*, *күләк* 'ветер', *шахта* 'мороз', *илдырым* 'молния', *булуд* 'туча', *боран* 'буран', *човгун* 'метель', *гар* 'снег', *зәлзәлә* 'землетрясение', *фыртына* 'буря'.

Явления природы, с которыми человек непосредственно сталкивается с древнейших времен, и теперь служат постоянным источником поэтических образов. Перечисленными в этом пункте словами характеризуются обычно тяжелые, трудные дни в жизни человека: «*Анан доғду сәни фыртыналарда, Үзүн дәнмәз олур боранда, гарда*» (С. Вургун) 'Мать родила тебя в бури (бурные дни), и ты не отступаешь перед буряном и снегом'.

Словосочетания *гара јел* (күләк) 'черный ветер', *таун күләји* 'чумной ветер' употребляются в значении войны: «*...гара күләкләр Әсдикчә гуруду күлләр*» (О. Сарывелли) '...черные ветры высушили цветы'.

Понятие землетрясения используется в поэзии при изображении революционных событий, гибели, развала старого строя и зарождения

нового: «*Гонду зэлзэлэси доггуз јуз бешин*» (М. Мушфиг) 'Разразилось землетрясение девятьсот пятого'.

Названия явлений природы употребляются как для раскрытия определенных черт характера человека, так и для описания его внешнего облика: «*Үрәји буз, нәфәси гар*» (С. Вургун) 'Сердце его — лед, дыханье — снег'.

Метафоризацией названий различных явлений природы часто достигается желаемый художественный эффект. В качестве примера можно привести строки из стихотворения М. Рагима, рисующего образ выдающегося турецкого поэта Назыма Хикмета с помощью метафор: *улдуз* 'звезда', *дағ* 'гора', *шимшәк* 'молния', *дәниз* 'море'.

Метафорическое использование названий небесных тел и явлений природы свойственно поэзии всех народов. Поэтому трудно согласиться с З. А. Ахметовым, утверждающим, что подобные метафоры особенно характерны для казахской поэзии якобы потому, что казахи «более других зависели от природных условий»⁹.

5. Названия животных.

Эти названия служат художественно-изобразительным средством для эмоционально-оценочного раскрытия определенных черт человеческого характера. Так, например, трусливые люди часто уподобляются лисе (*түлкү*) или шакалу (*чаггал*). Лиса является также олицетворением хитрости: «*Горхуб гачырды түлкүләр, Габағындан асланларын*» (Из ашугского творчества) 'Испугавшись, бежали лисы перед львами'.

Лисе и шакалу противопоставляются лев (*аслан*, *шир*) и тигр (*пәләнк*), олицетворяющие мужество, смелость: «*Түлкү кирә билмәз аслан јурдуна*» (А. Вахид) 'Лиса не осмелится проникнуть в логово льва'.

Орел (*гартал*) символизирует такие высокие человеческие качества, как отвага и гордость. В стихотворении «Сибирские дары», посвященном азербайджанским нефтяникам, осваивающим богатства недр Сибири, поэт Г. Гусейнзаде пишет: «*„Бакылылар еви“ ндә Гарталлар јува салыб, Гарталлар кечәләјир*» 'В «Доме бакинцев» Орлы свили гнездо, Орлы ночуют'.

Для изображения врагов часто используются метафоры *гурд*, *чана-вар* 'волк', *чаггал* 'шакал', *бајғуш* 'сова', *кәпәк* 'собака': «*Бу көһнә аләмин сәими гурду*» (М. Мушфиг) 'Истинный волк старого мира'.

Такие черты характера человека, как выносливость, терпение, позволяют сравнивать его со слоном: «*Инсан дөзән олур, инсан фил олур*» (О. Сарывелли) 'Человек бывает терпелив, человек бывает подобен слону'.

Возлюбленная часто уподобляется джейрану (*чејран*), оленю (*марал*): «*Овчу көнүл вургун бир шух чејрана*» (М. Рагим) 'Охотник, сердце которого влюблено в резвого джейрана'.

Локоны любимой поэты иногда уподобляют змее, королевской кобре (*шаһмар*): «*Көр нечә долашыр шаһмар зүлфләри*» (Из ашугского творчества) 'Смотри, как переплетаются змеи-локоны'.

Некоторые метафоризованные названия животных используются для ласкового обращения: «*Сәдәф кими сәјма, гузум, кәлиб кечән бу күнләри*» (С. Вургун) 'Не веди счет, как перламутру (ладов), мой ягненок, этим мелькающим дням'.

⁹ З. А. Ахметов. Указ. раб., стр. 26.

6. Названия птиц.

Вместо имени возлюбленной часто употребляются названия таких птиц, как *тэрлан*, *лачын* 'сокол', *дурна* 'журавль', *сона* 'утка', *бүлбүл* 'соловей' и др.: «*Тэрланым учду, кимлэр көрмүшлэр*» (У. Гаджибеков) 'Мой сокол улетел, кто видел?'.

Метафорические выражения возникают также из противопоставлений: «*Бүлбүл кетди, мәнзун галды күлүмүз*» (У. Гаджибеков) 'Соловей улетел, остались грустящие цветы'.

7. Имена исторических и легендарных личностей.

Присущие положительным персонажам качества — смелость, мужество, бесстрашие, щедрость, ум — выражаются с помощью метафоризованных имен таких исторических и легендарных личностей, как Рустам, Керем, Кёроглы, Зал и др. Эти метафоры обычно восходят к двум источникам: классической восточной литературе и к азербайджанскому фольклору. Этот прием традиционен для азербайджанской литературы: «*Бә'зән Короглусан, бә'зән Кәрәмсән, Бә'зән дә Рүстәмсән, Залсан сазынла*» (О. Сарывелли) 'Иногда ты, Кёроглы, иногда — Керем, а иногда — Рустам Зал со своим сазом'.

8. Названия драгоценных камней и металлов.

Такие метафоры также служат для характеристики положительных героев: «*Алмазлар кизләнди алын тәриндә*» (О. Сарывелли) 'Алмазы затаились в поте твоего лба'.

9. Названия растений.

Аромат цветов, стройность высоких деревьев, красота плодов — все это лежит в основе метафор, обращенных к женщине: «*Үч оғул бөјүтдү гамәти чинар*» (М. Ибрагим) 'Трех сыновей вырастила стройная, как чинара'; «*...ғызыл күлсән, рејһансан, нәсән?*» (М. Рагим) '... ты роза, (или) рейхан, (или) кто ты?'.

10. В азербайджанском языке имеется целый ряд устойчивых метафорических словосочетаний, широко используемых в поэзии: *көнүл ханиманы* 'прибежище души'; *көнлүмүн отағы* 'убежище моей души'; *көнүл ружкары, хәялынын шаһ далғалары* (С. Вургун) 'ветер души', 'могучие волны воображения'.

Такие метафорические выражения, как *көнүл ханиманы, көнлүмүн отағы, көнлүмүн шәһәри, көнлүмүн бүлбүлү, көнүл ружкары, хәялынын шаһ далғалары*, используются для характеристики вдохновения поэта, его глубоких переживаний, усиливая художественную выразительность контекста.

В некоторых метафорических выражениях художественный эффект достигается умелым использованием особенностей, присущих живому организму, при изображении природы, явлений, предметов. Такие метафорические выражения близки к олицетворениям: «*Гој һәр сөзүн чијәрилә бир гәһрәман нәфәс алсын*» (С. Вургун) 'Пусть дышит легкими (дыханием) каждого слова (какой-нибудь) герой'.

Для азербайджанского языка также характерны метафорические выражения, компонентами которых являются слова *чешмә* 'источник', 'ключ', *чәмән* 'луг', *булаг* 'родник', *дәрја* 'океан', *чај* 'река': «*Сәнин сәнәт булағындан нечә нәсил шәрбәт ичди*» (С. Вургун) 'Сколько поколений пило шербет из родника твоего искусства'; «*Ешгин чешмәсиндән бир дамчы ичдим*» (Б. Вагабзаде) 'Выпил лишь каплю из родника любви'.

Возлюбленную поэты характеризуют с помощью метафорических выражений *нәркиси-шәһлә* 'томность нарцисса', *бүлбүли-шәјда* 'влюб-

ленный соловей', а также *чан гушу, көнүл гушу* 'птица души': «Сэн көзэллэр башынын бир бүлбүлү и-шејдасысан» (А. Вахид) 'Ты соловей, влюбленный в первую из красавиц'; «Орда еллэр көзэли, чан гушу, чанан јашајыр» (С. Рустам) 'Там живет краса мира, птица души, любимая'.

Метафора как одно из наиболее ярких художественно-изобразительных средств вошла в состав пословиц и поговорок, афоризмов и крылатых слов. Нет такого жанра азербайджанской классической и современной художественной литературы, где бы она не использовалась. Прав был Л. Блумфилд, не согласившийся с известным изречением «язык — это книга увядших метафор» и утверждавший, что «поэзия лишь запечатлевает неувядающую красоту языка»¹⁰.

¹⁰ Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 486.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VII ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

С 3 по 6 июня с. г. Советским Комитетом тюркологов и Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР была проведена в Ленинграде VII традиционная Тюркологическая конференция. В работе конференции приняли участие 153 тюрколога из 33 городов нашей страны, а также ученые из Венгрии и Болгарии. На двух пленарных и двадцати секционных заседаниях был заслушан 101 доклад по лингвистике, литературоведению, филологии и истории.

Первое пленарное заседание было посвящено памяти выдающегося советского тюрколога, члена-корреспондента Академии наук СССР С. Е. Малова. Вступительное слово произнес председатель Советского Комитета тюркологов и Оргкомитета Тюркологической конференции академик А. Н. Кононов.

Научные заслуги С. Е. Малова и значение его основных трудов в разработке различных проблем тюркологии были охарактеризованы в докладе Е. И. Убрятовой (Новосибирск) «С. Е. Малов и его труды».

Доклад Э. Р. Тенишева (Москва) был посвящен теме: «С. Е. Малов — исследователь современных тюркских языков».

Э. И. Фазылов (Ташкент) выступил с докладом «С. Е. Малов — исследователь истории тюркских языков СССР».

В докладе А. М. Щербака (Ленинград) «С. Е. Малов — исследователь древнетюркских и древнеуйгурских памятников» получила отражение деятельность С. Е. Малова, связанная с изучением им древнетюркских и древнеуйгурских памятников.

О большом научном значении этнографических трудов выдающегося ученого говорилось в докладе С. М. Абрамзона (Ленинград) «Этнографические исследования С. Е. Малова».

Дальнейшие заседания конференции проходили по секциям.

В секции **История тюркских языков** (руководитель — А. Н. Кононов) были

представлены и обсуждены 20 докладов и сообщений.

Н. А. Баскаков (Москва) в своем докладе «С. Е. Малов и изучение каракалпакского языка» подчеркнул, что С. Е. Малов внес существенный вклад во многие области каракалпаковедения. Особое внимание докладчик уделил экспедициям С. Е. Малова по сбору и изучению каракалпакских диалектологических, фольклорных и этнографических материалов.

О значении трудов С. Е. Малова и, в частности, его работы «Заметки о каракалпакском языке», написанной в 1930 и опубликованной в 1966 году, в деле становления и развития каракалпакского языкознания, а также в определении норм каракалпакского литературного языка говорилось в докладе У. Д. Доспанова (Нукус).

Л. С. Левитская (Москва) в докладе «Чувашский язык в трудах С. Е. Малова» охарактеризовала четыре направления в деятельности ученого, охватывающие различные разделы чувашского языкознания. Чувашская тематика нашла отражение в трудах С. Е. Малова по классификации тюркских языков, в его глоссариях и словарях, в исследовании булгарских (чувашских) элементов в русском языке и в отдельных статьях по истории чувашского языкознания.

В докладе Л. Я. Медведевой (Ленинград) «Об архиве С. Е. Малова» была дана характеристика материалов С. Е. Малова, поступивших в архив Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. Докладчик уделила особое внимание неизданным рукописным материалам архива С. Е. Малова.

И. Г. Добродомов (Москва) в своем докладе «С. Е. Малов и исследование тюркизмов русского языка» на основе анализа статьи С. Е. Малова «О тюркизмах в языке „Слова о полку Игореве“» и его заметки-рецензии «Тюркизмы в старорусском языке», сделанного на фоне современного состояния вопроса об изучении тюркских лексических элементов в русском и других

славянских языках, пришел к заключению, что для изучения тюркизмов русского языка глоссарии и словари С. Е. Малова имеют весьма важное значение, ибо они содержат большой конкретный материал, исключительно полезный для этимологизации русских тюркизмов.

Е. И. Убрятова (Новосибирск) в докладе «Причастные формы как критерии классификации тюркских языков» на основе анализа некоторых причастных форм, представленных в древних и современных тюркских языках, высказала мысль, что язык древних киргизов, игравших некогда большую политическую роль в Южной Сибири, лег в основу многих тюркских языков этого ареала.

В докладе «К вопросу о периодизации истории тюркских письменных литературных языков» *М. З. Закиев* (Казань), считающий, что история языка должна быть рассмотрена в тесной связи с историей его носителя и что экстралингвистические факторы по-разному влияют на народно-разговорный и письменно-литературный варианты языка, выделил в истории тюркских языков следующие периоды: 1) древнетюркский (VI—X вв.) — источник для изучения истории всех тюркских языков; 2) старотюркский (XI—XIV вв.) — источник для изучения всех тюркских языков, кроме якутского и чувашского; 3) период старотюркских языков отдельных народностей (XV—XIX вв.) — например, староузбекский, старотатарский и т. д.; 4) период национальных литературных языков (вторая половина XIX и первая четверть XX в.) выделяется для тех народов, национальные языковые нормы которых начали складываться до Великой Октябрьской социалистической революции; 5) послеоктябрьский период.

Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «О смене языковых типов в среднеазиатско-тюркском литературно-письменном языке XV — начала XVI в.» на основе анализа соотношения поэтического и прозаического вариантов названного языка, различавшихся по инвентарю строевых элементов, показала, что освященный литературной традицией «огузо-туркменский» тип падежного склонения (различение посессивного и именного склонений) в короткий исторический период был заменен собственно чагатайским типом (неразличение посессивной и именной падежных парадигм). Соответствующие замены можно видеть и в области глагольного словоизменения, служебных глаголов и имен, а также послелогов. Переход от прозаического варианта литературно-письменного языка к собственно чагатайскому языковому типу был осуществлен благодаря литературной деятельности Алишера Навои и Захир эд-Дина Мухаммада Бабура, произведения которых положили начало прозаическому жанру светской литературы.

В докладе *С. Н. Иванова* (Ленинград) «Об историзме в содержании грамматиче-

ского понятия» был поднят вопрос о роли марксистской методологии в изучении конкретных языков. Докладчик подчеркнул, что исследователь при изучении каждого грамматического явления должен сознательно применять диалектический метод анализа. Рассмотрев функционирование форм винительного падежа и прошедшего категорического времени в тюркских языках, С. Н. Иванов показал их двойственность в диахроническом и синхроническом аспектах — сосуществование в этих формах, наряду с явлениями новыми и развивающимися, элементов прежних состояний.

О синтаксической сущности категории принадлежности говорилось в докладе *Х. Г. Нигматова* (Бухара) «Категория принадлежности в восточно-тюркском языке». Докладчик пришел к заключению, что синтаксическую сущность категории принадлежности составляет выражение отнесенности слова к «предшествующему». В этом отношении данная категория выступает как одно из средств синтаксической связи и является оппозитивным по отношению к другим средствам осуществления синтаксической связи слов (падежам, послелогами и союзам).

Э. Р. Тенишев (Москва) в своем выступлении говорил о возможности классификации древнетюркских языков с точки зрения их функционально-стилистической роли, что позволяет разграничивать литературные и народно-разговорные языки.

Г. А. Абдурахманов (Ташкент) в сообщении «Сложные предложения в древнетюркском языке» говорил о структурно-семантических типах сложных предложений в языке древнетюркских памятников, предложил классификацию средств, осуществляющих связь между частями сложных предложений.

О вопросах преподавания истории тюркских языков в вузах, о разработке единых программ и учебных пособий по данному курсу говорил в своем выступлении *К. А. Аханов* (Алма-Ата).

Э. А. Грунина (Москва) в докладе «Еще раз к вопросу о презенсе-аористе — $(\textcircled{a})p$ в тюркских языках» рассмотрела значимость гласного в этом форманте и показала, что типология развития презентных форм в тюркских языках заставляет предполагать в нем (форманте) исходную аналогичную конструкцию, в которой гласные представляли собой в дотемпоральную эпоху средства выражения функции имперфектности/перфектности.

П. И. Кузнецов (Москва) в докладе «К вопросу о падеже субъекта в конструкциях с нефинитными формами (-дук, -ган, -ар и др.) в тюркских языках» рассмотрел модель «имя+глагол в нефинитной форме+аффикс принадлежности» ($И+Г^3$) в двух ее разновидностях: 1) И род. падеж+ $Г^3$ и 2) И ос. падеж+ $Г$, а также модель И ос. падеж+ $Г$ без афф. прин. По мнению докладчика, вопреки существующей точке зрения, конструкции И род. падеж+ $Г^3$

представляют собой дальнейшее усложнение конструкций И ос. падеж+Г без афф. прин., причем для доказательства правильности той или иной гипотезы существенную роль может сыграть статистический метод исследования.

Б. О. Орузбаева (Фрунзе) в докладе «О структурно-морфологических взаимосвязях корневых морфем типа СГ, ГС и СГС в киргизском языке» показала, что фронтальный анализ морфологической структуры слова на основе исконной лексики современного киргизского языка позволяет заключить, что тезис о первичности для тюркского языка основы какого-либо из перечисленных типов нуждается в уточнениях. Каждый из указанных типов может представлять собой как первичную структуру корня, так и результат стяжения и переразложения.

В. Г. Кондратьева (Ленинград) «Состав гласных фонем древнетюркского языка» данный вопрос рассматривался в связи с проблемой языкового субстрата.

Л. Ю. Туеушева (Ленинград), выступившая с докладом «Внеязыковая и языковая семантика в дешифровке памятников древнеуйгурской письменности», подчеркнула, что среди множества методов, используемых в дешифровке памятников древнеуйгурской письменности, немалое место занимает привлечение данных экстралингвистического характера (этнографических, фольклорных и др.). Однако исследовательская практика показывает, что экстралингвистические данные сами по себе не могут служить надежным критерием для выбора наиболее верной версии толкования. Исходить при этом следует из анализа собственно языкового значения исследуемых элементов.

Ф. Р. Зейналов (Баку) в докладе «Об одном неисследованном памятнике азербайджанского языка» на основе анализа лексико-грамматических особенностей «Дастана об Ахмеди Херами», изданного в Стамбуле в 1933 и 1946 гг., пришел к выводу, что упомянутый «Дастан» должен быть отнесен к памятникам азербайджанского языка конца XIII — начала XIV века, хотя в нем обнаруживаются элементы и сельджукского языка.

О лексикализовавшихся определенных композитах с постпозитивным определением (типа башк. *Ай ылыу*, что означает имя собств., узб. *шер юрак* 'храбрый') как о древнем типе определенных словосочетаний в тюркских языках говорил в своем докладе «Об одном древнем типе определенных композит в тюркских языках» **Г. М. Гарипов** (Уфа).

На данной секции в прениях выступили: **В. Г. Гузев** (Ленинград), **С. К. Кенесбаев** (Алма-Ата), **И. В. Кормушин** (Ленинград), **Н. Нартыев** (Чарджоу), **Е. И. Пейсах** (Ленинград), **Э. В. Севортян**, **Э. Р. Тенишев** (Москва) и др.

В секции **Диалектология, лексикография и лексикология тюркских языков** (руководитель — **Д. М. Насилов**) были представлены 21 доклад и сообщение, подразделявшиеся на три группы.

Первая группа докладов была посвящена теоретическим и практическим вопросам исследования тюркских диалектов и бесписьменных языков.

Л. А. Покровская (Москва) в докладе «Вопросы изучения истории народно-разговорных тюркских языков» подчеркнула, что результативность исторического изучения конкретных бесписьменных и младописьменных языков зависит в значительной мере от степени разработанности как общетюркских праязыковых моделей, так и более частных моделей — для огузской, кыпчакской и других общностей языков и что системное восстановление более раннего состояния указанных языков возможно на основе сравнительно-исторического метода путем внешней и внутренней реконструкции. При этом могут быть использованы внутренние различия в конкретном языке (диалектные расхождения, вариативность, архаичность языка фольклора), данные родственных и неродственных языков.

Значение диалектных фактов в изучении исторического синтаксиса азербайджанского языка было раскрыто в докладе **А. Ш. Садыхова** (Баку). Поскольку в прозаических произведениях староазербайджанского языка (наиболее значимых в исследовании синтаксиса) прослеживается арабо-персидское влияние, то при выделении собственно тюркских конструкций исключительное значение приобретает обращение к диалектным фактам, согласующимся с внутренними закономерностями синтаксического строя азербайджанского языка. С этой точки зрения, для исторического синтаксиса важны и диалектные факты, не зафиксированные в письменных памятниках.

В докладе «Отношение хакасского языка, его диалектов к языку желтых уйгуров» **М. И. Боргояков** (Абакан), опираясь на материалы **С. Е. Малова** и **Э. Р. Тенишева**, привел примеры параллелей в грамматике и фонетике сарыг-йигурского языка и диалектов хакасской подгруппы тюркских языков, что, видимо, объясняется контактами носителей этих языков еще в VIII—IX вв., в период существования Уйгурского каганата и Древнекыргызского государства.

С. М. Исхакова (Казань) в докладе «К вопросу о языковых контактах западносибирских татар с алтайскими племенами» также привела ряд лексических и грамматических параллелей, объединяющих диалекты западносибирских татар с диалектами алтайского, шорского, хакасского и тувинского языков.

О некоторых итогах изучения мишарского диалекта татарского языка доложила **Л. Т. Махмутова** (Казань). Докладчик от-

метила, что целенаправленное и планомерное описание этого диалекта было начато в конце 50-х годов XX в., хотя отдельные сведения о нем имелись еще в середине прошлого века. Последние исследования подтвердили мнение В. В. Радлова и А. Н. Самойловича о кыпчакской основе мишарского диалекта, а также выявили архаичные восточнотюркские и огузские элементы (последние, возможно, восходят к XI в.) и, кроме того, наслоения финно-угорские, ногайские, казахские, башкирские. Все это свидетельствует о сложной этнической истории татар-мишарей.

М. Зийидий (Ташкент) в докладе «С. Е. Малов и уйгурская диалектология» показал на обширном материале вклад ученого в собирание и изучение уйгурских диалектологических материалов, охарактеризовав при этом успехи современного уйгуроведения, основы которого были заложены трудами С. Е. Малова.

Экспериментальные данные, подтверждающие наличие в чулымско-тюркском языке этимологической первичной долготы гласных в ряде односложных и двусложных слов, были проанализированы в докладе Р. М. Бирюкович (Саратов) «О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке». В группе слов отмечена колеблющаяся долгота, восстанавливающаяся при наращении грамматических формантов. Долготу гласных в чулымско-тюркском языке докладчик оценивает как реликтовое явление, хотя исторически она была одним из дифференциальных признаков фонем.

Доклад А. Джурабаева (Андижан) «Этимологические наблюдения по лексике узбекского языка» был посвящен рассмотрению ряда слов этнографического содержания (*махзар*, *шомурак* и др.), представленных в разных диалектах.

Отдельные лексемы «Дивана» Махмуда Кашгари были сопоставлены с лексикой бухарского двуязычного говора в докладе Э. Р. Киличева (Бухара). Подобное сопоставление, по мнению автора, должно способствовать выявлению древнейших лексических единиц в данном говоре.

Первым в группе лексикологических докладов был доклад А. С. Соколова (Москва) «Конъюнкционализация в турецком языке». Докладчик показал пути приобретения союзных функций словами различных лексико-грамматических разрядов и их нередкий переход в подлинные союзы. Было отмечено также, что в последние десятилетия активизировались процессы вытеснения арабо-персидских союзов собственно турецкими эквивалентами.

В докладе Г. К. Кулиева (Баку) «Сравнительно-историческое освещение лексико-семантического развития глаголов зрения в огузской группе тюркских языков» рассматривались корневые глаголы *kōg-*, *baq-*, *qaq-* и производный *kōzlā-* с привлечением данных из письменных памятников разных исторических периодов, современных языков и диалектов.

Об одном семантико-стилистическом явлении в лексике азербайджанского литературного языка XVI в. — использовании арабо-персидских и тюркских слов в качестве религиозно-философских терминов и их стилистической роли в произведениях разных авторов этого периода сделал доклад С. Г. Ализаде (Баку).

Этимологический анализ названий ряда растений в тюркских языках был дан в докладе Л. В. Дмитриевой (Ленинград) «Ностратические основы в тюркской фитонимике».

Лексико-семантические группы глаголов движения и местонахождения по материалам «Хибатул Хакайик», их синтаксическая валентность и особенности ее реализации в различных синтаксических структурах рассматривались в сообщении А. А. Цалаламандзе (Тбилиси).

Р. Р. Юсипова (Москва) в сообщении «Об эволюционном развитии общетюркского глагола *et-*» привела примеры сочетаний с этим глаголом, выражающих каузативное значение, и коснулась вопроса об этимологизации показателя каузатива *-i-*.

В сообщении А. М. Щербака (Ленинград) «О сочетании *otā bogā* в памятниках рунической письменности» был предложен вариант перевода этого сочетания: «подобно огню и степной пурге». Докладчик исходил при этом из значения *bog* 'снежная буря, пурга', которое восстанавливается на основе слов *boğa* 'выжить, мести', *boğat* 'метель, вьюга, степная пурга' (сходное толкование предлагали В. Томсен, П. М. Мелиоранский).

В следующей группе докладов рассматривались вопросы исторической лексикографии тюркских языков и проблемы использования данных памятников при изучении тюркской лексики.

З. Б. Мухамедова (Ашхабад) в докладе «Значение арабо-кыпчакских словарей для изучения истории тюркских языков» отметила, что эти словари содержат, помимо лексических данных, ценные сведения по фонетике и грамматике, отражающие особенности разговорного языка (ср. форму на *-sapa: barsapa, jesene*), поэтому они являются важным дополнением к материалам литературных памятников, язык которых подвергался влиянию сложившихся канонов. Так, например, словари подтверждают замену с XIV в. формы имперфекта на *-gil* формой на *-gip*, отмеченную и по восточнотуркестанским текстам.

Доклад В. И. Асланова (Баку) «Значение „Ферхенг-и тюрки“ Мухаммед-Таги для изучения истории тюркских языков» был посвящен характеристике этого крупного уникального памятника (1184 стр.), составленного в 1724 г. в Индии и охватывающего более 20 тыс. исконно тюркских слов, представленных с соответствующей огласовкой. Словарю предпосланы краткие грамматические очерки пяти тюркских языков (азербайджанского, узбекского, уй-

гурского, туркменского и турецкого) в сопоставлении с грамматикой арабского и персидского языков. Значения слов иллюстрируются литературными примерами (чаще всего из Навои и Физули).

Историко-диалектологические примечания в «Фирдавс-ул икбол» Муниса, узбекского поэта и историка (1778—1829), были рассмотрены в докладе А. Матгазиева (Фергана). Докладчик остановился также на этимологических толкованиях в этом памятнике некоторых слов, представляющих большой интерес для исторической лексикологии узбекского языка.

Э. А. Умаров (Ташкент) в докладе «Фразеологизмы, созданные Навои в узбекском языке» показал на конкретных примерах историческое развитие ряда «навоизмов» и их использование в современном разговорном и литературном узбекском языке.

В сообщении А. И. Чайковской (Ташкент) «Об арабоязычных филологических сочинениях по старотюркскому языку» говорилось о различии в трактовке разными авторами одних и тех же явлений в тюркской грамматике.

Работа Литературоведческой секции носила характер симпозиума по проблемам тюркской поэтики (руководитель — С. Н. Иванов). Было заслушано и обсуждено 15 докладов.

В докладе С. Н. Иванова (Ленинград) «Поэтический перевод как истолкование текста» было выдвинуто и обосновано положение о том, что поэтический перевод классических произведений восточной поэзии должен представлять собой художественное истолкование текста, то есть содержание произведения и его художественная структура должны воспроизводиться в единстве. Такое воссоздание поэтического произведения возможно лишь при условии сознательного переключения одной поэтики в другую. При этом поэтический перевод рассматривается докладчиком как *вторичное искусство*, в принципе не отличающееся от других вторичных искусств, связанных с *исполнительской интерпретацией* авторского замысла. Для переводчика поэтического произведения обязательно знание сопоставительной поэтики языка оригинала и языка перевода.

З. А. Ахметов (Алма-Ата) в своем докладе «Свободный стих в современной казахской поэзии» показал, что развитие свободного стиха в казахской поэзии опирается на определенные элементы традиционного силлабического стиха. Ритмику свободного стиха не следует противопоставлять силлабическому строю употребительных стихотворных форм: в свободном стихе своеобразно отражается общая тенденция стихотворной речи — стремление к сочетанию размерности и гибкости, к ритмическому разнообразию.

Доклад Х. Г. Короглы (Москва) «Туюг и его разновидности в тюркоязычной поэзии» был посвящен характеристике туюга как

своеобразного вида тюркоязычной лирической поэзии. В докладе подробно анализировались различные типы туюгов, отличающиеся друг от друга строфическим строем, рифмой, содержанием, сферой употребления. Автором доклада была прослежена также степень распространенности этого жанра у разных народов.

В докладе Н. И. Иванова (Чебоксары) «О строфических формах чувашской поэзии» было показано, как на фоне развитых форм строфической поэзии развились и астрофические формы. Строфы чувашской поэзии рассматриваются автором в историческом и теоретическом аспектах. Докладчик сообщил также факты, показывающие становление в чувашской поэзии новых строфических форм (сонет, октава, «онегинская строфа») в связи с развитием теории и практики художественного перевода.

У. Т. Туйчиев (Ташкент) в докладе «Классификация узбекских стихотворных систем и элементов стихосложения» отметил наличие в узбекской поэзии смешанной и слога-ударной стихотворных систем, существующих наряду с традиционными системами аруза и силлабики.

Доклад Н. А. Айзенштейн «Об антифеодальной оппозиции Дж. Руми» содержал материалы, доказывающие, что в основе антифеодальной оппозиции Руми лежала идея дуализма (двуклассовая структура общества, противопоставление добра и зла, богатства и бедности и т. д.).

В докладе В. И. Асланова (Баку) «О поэтической манере Кады Бурханеддина» были показаны самобытность и значительность творческого наследия поэта, рассмотрены художественные особенности его произведений.

Ш. В. Габесхирия (Тбилиси) в докладе «К характеристике иноязычной лексики в произведениях Юнуса Эмре» охарактеризовал нетюркскую лексику в произведениях поэта, возможные пути ее проникновения, структурные модели заимствованных слов, а также привел статистические данные, подтверждающие основные положения доклада.

В докладе Н. С. Смирновой (Алма-Ата) на материале ранних и поздних вариантов социально-бытового эпоса казахов было прослежено развитие в конце XIX — начале XX в. описательно-изобразительных и монолог-диалогических композиционных форм, а также воздействие на поэтику социально-бытового эпоса казахов восточной («книжной») литературы. В докладе говорится также о новообразованиях в поэтике эпоса.

И. В. Пухов (Москва) в докладе «Из поэтики якутских олонхо» остановился на вопросах, связанных с местом и ролью монологов в структуре олонхо, строением монологов, набором художественно-изобразительных средств и характеристикой стиха.

Х. Р. Курбагов (Казань) в докладе «Словесно-образная структура четырех лирических миниатюр (Дердменд, Тукай, Джа-

лиль, Файзуллин)» показал, что художественная завершенность произведения является критерием его целостности. Данное положение рассматривалось автором в связи с системой четырех главных структурных элементов лирического стихосложения (ритмика, композиция, словесная образность, образ лирического героя).

А. Джафар (Баку), выступивший с докладом «Опыт сравнения аруза с античным стихосложением», остановился на проблемах сравнительного изучения систем стихосложения. Докладчик утверждал, что попытки возведения аруза к античному стихосложению не могут считаться обоснованными, так как система аруза имеет яркие черты самобытности и структурного своеобразия.

Доклад А. И. Чудоякова (Новокузнецк) «Древние сюжеты шорского эпоса» был посвящен двум наиболее распространенным разновидностям шорского эпоса и отражению в них внутриплеменных и межплеменных отношений.

В сообщении А. Д. Ахмедова (Баку) «Изучение турецкой литературы в Азербайджане» были прослежены основные направления исследования в Азербайджане турецкой литературы.

В зачитанном на конференции докладе З. И. Будаговой (Баку) «О художественно-изобразительных средствах в поэтической речи» говорилось об образных средствах азербайджанской поэзии.

В обсуждении докладов приняли участие З. А. Ахметов, А. Джафар, Н. И. Иванов, С. Н. Иванов, Х. Г. Кюроглу, Х. Р. Курбатов, И. В. Пухов, Н. С. Смирнова, У. Туйчиев.

В работе секции **История, экономика и литература Турции** («Османская империя в период реформ нового времени»), руководимой Ю. А. Петросяном, приняли участие 28 тюркологов-османистов из Баку, Ленинграда, Москвы, Тбилиси и Болгарской Народной Республики. На четырех заседаниях были заслушаны и обсуждены 24 доклада по истории, экономике, а также истории идеологии, дипломатии и культуры Османской империи в новое время.

В докладе «Турецкий документ о внешне-политических представлениях Османской империи в начале XVIII в.» С. Ф. Орешкова (Москва) осветила особенности формирования новых принципов османской дипломатии в начале XVIII в., когда в Турции зарождался интерес к Европе, и она в дипломатических отношениях все еще отстаивала свои собственные позиции. Однако в этот период она плохо ориентировалась в международной обстановке, что подтверждает протокол заседания турецкого дивана, отнесенного С. Ф. Орешковой к 1736 г. (протокол хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР, аннотирован в I томе

«Описания турецких рукописей». М., 1965, стр. 190—191).

А. В. Витол (Ленинград) в докладе «О посольстве Йирмисекиз Челеби Мехмеда эфенди во Францию (1720—1721 гг.)» охарактеризовал одно из первых описаний Европы, принадлежащее перу турецкого посла. Это сефаретнаме явилось «первым окном, открывшимся на Запад». Докладчик отметил талантливость и наблюдательность представителя Турции и его немалую по тем временам компетентность в вопросах науки и техники.

С докладом «К вопросу об изменениях в структуре и составе османского правящего класса в XVIII в.» выступил М. С. Мейер (Москва). Главное внимание докладчик уделил процессу формирования новой системы социальных представлений об оценках и требованиях для определения статуса прав человека в обществе, а также в связи с этим усиления роли института аянов. М. С. Мейер отметил, что в XVIII в. отдельные представители правящей элиты Турции стремились воспринять систему культурных ценностей современного им европейского общества.

И. М. Смилянская (Москва) в докладе «Тенденции изменения социального лица городских торгово-ремесленных слоев Османской империи конца XVIII — начала XIX в. (на материале Сирии)» отметила, что в указанный период, когда в Турции еще господствовала докапиталистическая организация производства, в стране наблюдались активный рост крупных торгово-ремесленных центров, развитие отраслей производства, рассчитанных на экспорт, зарождение капиталистической мануфактуры. Одновременно увеличилось влияние торгово-ремесленных слоев на политическую жизнь города, возникали политические группировки, оказывавшие давление на бюрократическую и землевладельческую верхушку города и провинции. Все эти процессы сказывались на предтанзиматской политической атмосфере Османской империи.

М. Н. Тодорова (Болгария) проанализировала состав высшей бюрократии Османской империи в период с 1826 по 1878 г., с точки зрения образованности, возраста и происхождения сановников. Докладчик отметила, что уже со второй половины XVIII в. в формировании господствующего слоя общества все большую роль стали играть родственные связи (*бейзаделер*). Однако и в период Танзимата уровень образованности и компетентности высшей бюрократии в вопросах государственного управления не отвечал требованиям времени, что явилось одной из причин неудач реформ.

Д. А. Гудиашивили (Тбилиси) в докладе «Ремесленные аснафи городов Турции в первой половине XIX века» охарактеризовал структуру цехов и внутрицеховую деятельность ремесленников.

В докладе *П. П. Моисеева* (Москва) «Аграрный вопрос в Турции периода Танзимата в освещении современных турецких экономистов» были изложены общественно-исторические концепции некоторых современных экономистов и общественных деятелей Турции, касающиеся путей исторического развития страны. Обращение к прошлому объясняется попыткой осмыслить современные социально-экономические проблемы, волнующие турецкую общественность.

И. В. Алибеков (Баку) рассказал «О концессионной промышленной политике Турции после Танзимата (1864—1902)», проведением которой Порты пыталась оживить развитие местной промышленности. Докладчик отметил недостаточность и непоследовательность принятых султанским правительством мер, не изменивших отсталого характера турецкой промышленности.

«О светских правовых нормах в законодательстве Османской империи периода реформ XIX века» доложил *Ф. Ш. Шабанов* (Баку). Докладчик остановился на проникновении в Турцию западных буржуазно-демократических идей, оказавших влияние на ее правовую систему — судопроизводство, государственное управление, гражданско-правовые отношения, а также идеологию. *Ф. Ш. Шабанов* подчеркнул, что проникновение новых идей было сопряжено с чрезвычайными трудностями в связи с активным противодействием, оказываемым этому процессу феодально-клерикальными кругами.

В докладе *Н. А. Дулиной* (Ленинград) «Отношение Мустафы Решида паши к христианскому населению Османской империи и вмешательству европейских держав во внутренние дела государства (1839—1856)» были освещены некоторые новые аспекты данного вопроса. Документы указывают, что в 1839—1841 гг. Мустафа Решид считал давление, оказываемое европейскими державами на султана, одним из необходимых условий ускорения реформ, ибо он тогда не мог предвидеть ни оскорбительных форм, которые примет вмешательство, ни его отрицательных последствий для Турции. В 1842—1856 гг. он уже противился вмешательству, стремясь ограничить его допустимыми для Османской империи границами. В 1839—1841 годах Мустафа Решид считал немусульманское население Османской империи своим союзником в деле осуществления реформ, а в 1856 г. — уже противником, так как претензии христианского населения вышли за границы, намеченные им. Последнее обстоятельство говорит о том, что Мустафа Решид никогда не был сторонником подлинного равенства мусульман и христиан. Реформы Танзимата (1839—1856), так же как и национальная политика Мустафы Решида паши, носили двойственный и противоречивый характер, что было одной из важнейших причин их неудач.

А. Д. Новичев (Ленинград) в докладе «Итоги Крымской войны для Турции (1853—1856 гг.)» остановился на военных и материальных потерях, а также тяжелых внутренних и внешнеполитических последствиях войны для Турции, приведших в конечном итоге к превращению этой страны в полуколонию западноевропейских держав.

В докладе «Финансовая и политическая зависимость Турции от европейских держав после Крымской войны в 50—60-х гг. XIX в.» *И. Л. Фадеева* (Москва) описала причины финансовой задолженности Порты, охарактеризовала финансовую и внешнюю политику султанского правительства в указанные годы, а также англо-турецкие отношения. Говоря о финансовой политике Порты, *И. Л. Фадеева* отметила некомпетентность султанского правительства, систематическое нарушение финансовой дисциплины (система серги, отсутствие четкого таможенного законодательства, система краткосрочных ссуд), огромные расходы на вооружение, хищения чиновников. Докладчик подчеркнула факты вмешательства европейских держав во внутренние дела турецкого государства.

Э. Ю. Гасанова (Баку) в докладе «К вопросу о генезисе левых идей в Турции последней четверти XIX в.» рассказала о том, что деятели движения «новых османов», члены кружка «Серветифюнун» и некоторые другие круги прогрессивной турецкой интеллигенции в последней четверти XIX в. были знакомы с идеями марксизма, социализма, социалистов-утопистов, утопических коммунистов, мелкобуржуазных политических деятелей Европы, анархистов, пролетарских социалистов. Публиковавшиеся в турецкой прессе статьи свидетельствуют о том, что прогрессивная интеллигенция не всегда четко представляла себе принципиальную разницу между этими учениями и течениями. Однако она черпала в «левых идеях» некоторые социальные представления, соотнося их с собственными историческими задачами.

Ю. А. Петросян (Ленинград), сделавший доклад на тему «Из истории пропаганды идей „европеизации“ в Османской империи», рассказал о произведении турецкого публициста Тюдджар заде Ибрагима Хильми «Европеизироваться» (Стамбул, 1332/1913). Автор этой работы — представитель одной из группировок «западников», представлявших заметное идейное течение в общественно-политической жизни Турции в начале XX в. Докладчик отметил, что подобного рода публицистические работы, рассчитанные на образованные слои турецкого общества, способствовали формированию новой турецкой интеллигенции.

Вопросам законодательства в области печати был посвящен доклад *А. Д. Желтякова* (Ленинград) «Из истории печати при младотурках». Основное внимание докладчик уделил проблемам цензуры и фактиче-

ским правам, которыми могла пользоваться турецкая пресса в период младотурецкого господства. Описав юридическое и фактическое положение политической периодики, докладчик коснулся и степени достоверности турецкой прессы как источника для изучения истории страны.

В. И. Данилов (Москва) в докладе «Сравнительная характеристика политических устремлений турецкого офицерства в период младотурецкой революции и в 60—70-е годы XIX в.» отметил, что офицеры-младотурки отличались высоким радикализмом и критическим отношением к действительности. Объективно они выражали интересы национальной турецкой буржуазии, стремившейся к ограничению феодально-абсолютистского режима. Современные радикальные офицеры выступают в широкой коалиции социальных сил за ограничение политических и экономических позиций верхушки национальной буржуазии, заключившей тесный союз с империализмом. Докладчик говорил и о втором направлении политических устремлений офицерства в указанные периоды — консервативном, подчеркнув двойственный характер национализма младотурок и современного офицерства.

Два доклада касались положения женщин в Турции в XIX и XX веках: **Н. З. Эфендиевой** (Баку) — «К постановке женского вопроса в Турции в период Танзимата» и **А. А. Джафаровой** (Москва) — «Роль турецкой женщины в экономической, общественной и политической жизни (60—70-е гг. XX в.)».

В ряде докладов затрагивались различные проблемы истории турецкой литературы, просвещения и эстетической мысли.

В докладе **Е. И. Маштаковой** (Москва) «Опыт изучения некоторых идей просветительского характера в турецких сочинениях XVIII в.» был дан обзор отдельных записок послов (сефаретнаме), публицистических трактатов Ахмеда Ресми и Ибрагима Мютефферрики под углом зрения содержащихся в них просветительских идей, которые, однако, в XVIII столетии еще не смогли сложиться в единую систему социально-политических и этических концепций, именуемых просветительством.

Воспитательной и просветительской роли драматургии и театра, теоретическим проблемам этих областей культуры в XIX в. был посвящен доклад **А. Б. Курбанова** (Баку) «Взгляды танзиматских писателей на драматургию и театр».

В докладе «Формирование эстетической мысли в Турции во второй половине XIX века» **Э. Э. Заманова** (Баку) говорила о конкретных проявлениях процесса формирования нового буржуазного мировоззрения и просветительской идеологии в литературе и искусстве 60—70-х гг. XIX в., об изменениях в идеологических и эстетических представлениях в 80—90-е гг. того же столетия, вызванных наступлением внутренней реакции.

Т. П. Дадашев (Баку) выступил с докладом «Реакционная политика Абдул Хамида II в области народного образования в Турции (в последней четверти XIX — начале XX в.)».

Г. А. Клейнман (Москва) посвятила свой доклад опубликованным и неопубликованным трудам Михаила Павловича Вронченко (1802—1855), автора выдающегося для своего времени и по сей день сохранившего свое научное значение труда «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии» (СПб., 1839).

С докладом «Изучение в Грузии истории Турции за тридцать лет (1945—1975)» выступил **М. Х. Сванидзе** (Тбилиси), рассказавший о научных востоковедческих центрах Грузии и основных направлениях проводимых там научных исследований: 1) публикация османских источников, 2) изучение грузино-турецких отношений, 3) изучение истории Турции.

На четырех заседаниях секции **История тюркских народов** (руководитель — **С. Г. Кляшторный**) были прочитаны 22 доклада, объединенных общей тематикой — «Проблемы древней истории тюркских народов».

Первое заседание было посвящено памяти **А. Н. Бернштама**. **Ю. А. Заднепровский** (Ленинград) в докладе «**А. Н. Бернштам** — историк тюркских народов Средней и Центральной Азии» подробно охарактеризовал основные направления научной деятельности **А. Н. Бернштама** и раскрыл исключительно важное значение его этнографических, исторических и археологических трудов.

В докладе **Л. П. Потанова** (Ленинград) «Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов» на основе анализа конкретного материала о культе Неба у тюркоязычных саяно-алтайских народов были выявлены черты, аналогичные древнетюркским. Докладчик подчеркнул важное значение анализируемого материала, отражающего этногенетические связи современных тюркоязычных народов Саяно-Алтая с древними тюрками.

Сообщение **Б. Х. Кармышевой** (Москва) «К вопросу о раннетюркских компонентах в составе узбеков» было посвящено катаганам-тагчи, одной из этнических групп узбеков, впервые выявленной и изученной докладчиком в горных районах Сурхандарьинской, Кашкадарьинской и Самаркандской областей Узбекской ССР. Анализ особенностей традиционных черт культуры и быта указанной группы позволил **Б. Х. Кармышевой** прийти к заключению, что по своему происхождению катаганы-тагчи связаны с кочевыми тюркскими племенами, обитавшими в Среднеазиатском междуречье и в бассейне левых притоков Амударьи задолго до переселения в эти области кочевых узбеков из Дешт-и Кипчака.

Т. И. Султанов (Ленинград) свое сообщение «О казахских жузах» посвятил одной из важных проблем истории казахского народа, все еще остающейся предметом дискуссии. По мнению докладчика, образование казахских жузов (второе десятилетие XVI — начало XVII в.) относится к эпохе сложения собственно казахской народности; более того, объединение в жузы явилось конкретной социально-политической формой организации складывавшейся народности, формой, получившей впоследствии традиционное и правовое («Жети-Жаргы») закрепление.

В докладе «Памятник изобразительного искусства древнетюркского времени из Монголии» *Э. А. Новгородова* (Москва) акцентировала внимание на новых археологических материалах, обнаруженных в последние два десятилетия. Архитектурные ансамбли и погребения, раскопанные чешско-монгольской археологической экспедицией в Кошо-Цайдаме (1958 г.) и обследованные советско-монгольской историко-культурной экспедицией (1968—1974 гг.), позволяют предложить первую реконструкцию древнетюркского каганского погребального комплекса, наиболее ярким образцом которого, несомненно, является погребение Кюль-тегина. Новой страницей в изучении истории и военного дела племен Центральной Азии можно считать открытие петроглифов в горах Монгольского Алтая. Среди них наибольший интерес представляют изображения тяжеловооруженных воинов на скале Хар-Хад в Эрденбурен-сомоне Кобдосского аймака. Ряд аналогий позволяет датировать писаницу на Хар-хадской скале VII—VIII вв. и отнести ее к древнетюркскому времени. Доклад иллюстрировался цветными диапозитивами и фотографиями.

Совместное сообщение *А. П. Окладникова* и *А. П. Асеева* (Новосибирск) «Курыканская проблема и новые раскопки в Прибайкалье» было посвящено обзору археологических материалов, полученных за последние 10—15 лет в результате раскопок поселений и могильников курыканского времени (VII—X вв.) в долине р. Ангары.

Л. С. Гераськова (Ворошиловград) прочла доклад «Древнетюркские изваяния на территории Украины». Докладчик показала связь изваяний из южных районов Украины с древнетюркскими изваяниями VIII—X вв. н. э. из Центральной и Средней Азии.

Ф. Х. Арсланова (Калинин) в докладе «К вопросу о расселении кимаков», учитывая распространенность специфического обряда погребения, наметила основные границы расселения кимаков в пределах казахстанского Прииртышья. По мнению докладчика, вещевой комплекс позволяет разделить археологические памятники на два этапа: VII—IX и IX—XI вв.; в памятниках IX—XI вв. наиболее ярко проявляется социальная дифференциация кимакского общества. Докладчик высказала также

предположение, что определенная часть населения, входившая в кимакский племенной союз, была автохтонной.

В докладе *Д. Г. Савинова* (Ленинград) «Ранние упоминания о кыпчаках» рассматривался вопрос о первоначальной локализации кыпчаков. По мнению докладчика, анализ данных ряда источников позволяет локализовать кыпчаков в районах юга Западной Сибири и Северного Алтая.

Ю. И. Трифонов (Ленинград) выступил с докладом «Основные типы древнетюркских погребений Саяно-Алтая и их этнокультурная интерпретация». Докладчик предложил классификацию древнетюркских памятников, основной особенностью которой является выделение нескольких типов внутри трех основных категорий погребений VI—X вв., главным образом — среди погребений с конем и одиночных захоронений. Погребения с конем определяются при этом как телеские; одиночные же захоронения, по мнению докладчика, с точки зрения этнокультурной интерпретации более проблематичны. Поздние памятники (IX—X вв.) такого же вида могут принадлежать кимакской этнической общности.

Ю. С. Худяков (Новосибирск) выступил с сообщением «Военное дело у кыргызов IX—XII вв.».

В докладе *С. Г. Кляшторного* (Ленинград) «Стела Алтын-келе» были предложены новое чтение и перевод двух енисейских памятников, указаны исторические события, с которыми они связаны. Обе стелы датируются временем, близким к 711 г.

З. Б. Чадамба (Кызыл) свой доклад «Древнетюркские надписи из урочища Оорзак Пий-Хемского района Тувинской АССР» посвятила описанию трех оленьих камней с руническими надписями.

О. Т. Молчанова (Ярославль) в докладе «Древние исторические связи тюрков Алтая (по данным топонимики)» рассмотрела вопросы этнической стратификации топонимической номенклатуры Горно-Алтайской автономной области.

В докладе *Д. Д. Васильева* (Москва) «Метод и вспомогательные материалы для исследования тюркской рунической графики» был предложен возможный метод палеографического исследования руники не в традиционном структурно-генетическом отношении, а в функциональном плане. Коррелятивные данные серии иллюстративных материалов и таблиц позволяют в диахроническом разрезе нанести на карту ряд очагов (школ) и установить их взаимные контакты, а в хронологическом — обозначить линии и направления эволюции дукта и его крайние точки.

Доклад *В. А. Лившица* (Ленинград) «Согдийская палеография и древнетюркская руника» показал несомненную зависимость древнетюркского рунического письма от согдийского.

Ш. Ф. Мухамедьяров (Москва) в докладе «Основные этапы происхождения и этниче-

ской истории тюркских народов Поволжья (к историографии проблемы)» **рассказал о** работах европейских, русских и советских исследователей по данной проблематике.

Б. Е. Кумеков (Алма-Ата) в докладе «Развитие феодальных отношений в Казахстане при Караханидах (X—XII вв.)» показал, что эпоха Караханидов для территории Казахстана была по существу новым этапом в развитии производительных сил и феодальных производственных отношений.

Г. И. Семенюк (Калинин) огласил доклад «Особенности классовой борьбы у кочевников-скотоводов (на материалах Казахстана)».

Н. Н. Шенгелия (Тбилиси) в докладе «Вопросы грузино-сeldжукских взаимоотношений в современной турецкой историографии» отметил значение для изучения упомянутых взаимоотношений грузинских источников, которыми турецкие историки (за исключением О. Турана и М. Кирзыоглу) не всегда пользуются.

В зачитанном на секции докладе **М. А. Сейидова** (Баку) «О тюркоязычных племенах раннесредневекового Азербайджана» говорилось, что предложенная докладчиком интерпретация отдельных терминов в древнеармянских источниках указывает на тюркизацию Азербайджана еще в эпоху гуннов.

Доклад **Г. З. Анчабадзе** (Тбилиси) «Эвлия Челеби о закубанских ногайцах» раскрыл важное значение интересных материалов, содержащихся в труде известного турецкого путешественника XVII в.: о численности и расселении закубанских ногаев, об их занятиях и социальном строе, их одежде и вооружении.

На заключительном пленарном заседании с докладом «Первая турецкая конституция. К столетию со дня провозглашения» выступил **Ю. А. Петросян** (Ленинград). Докладчик говорил о роли турецкой конституции 1876 года в процессе становления и развития буржуазного правопорядка и идей буржуазного либерализма в Турции. Он охарактеризовал конституционное движение 60—70-х гг. XIX века как важный этап в общественно-политической жизни Турции нового времени. **Ю. А. Петросян** подчеркнул, что первая турецкая конституция, несмотря на кратковременность ее действия, сыграла немалую роль и не только в истории Турции. С провозглашением этой конституции впервые в истории был установлен конституционно-монархический режим в мусульманском государстве. Докладчик высказался за изучение влияния опыта введения первой турецкой конституции на развитие конституционных движений в других странах Востока.

Главный редактор журнала «Советская тюркология», действительный член Академии наук Азербайджанской ССР **М. Ш. Ширалиев** (Баку) сделал доклад «Журнал „Советская тюркология“ — итоги первого десятилетия и перспективы». С докладом

«„Советская тюркология“ — состояние и нужды» выступил заместитель главного редактора журнала **И. С. Сеидов** (Баку) (тексты обоих докладов публикуются ниже).

С докладом «О деятельности Советского Комитета тюркологов» выступил **Э. Р. Темишев** (Москва), рассказавший о работе комитета в 1975 г. Так, комитет возглавил и активно участвовал в проведении конференции по тюркской лексикологии и лексикографии в г. Москве (март 1975 г.) и VII Тюркологической конференции в г. Ленинграде (июнь 1975 г.), подготовке к печати сборников «Сравнительно-исторические исследования (К 70-летию Э. В. Севортяна)», «Turcologica (К 70-летию А. Н. Кононова)» и «Историко-филологические исследования по тюркским языкам (Памяти В. А. Гордлевского)», в разработке требований по тюркологическим дисциплинам при вступительных экзаменах в аспирантуру, а также планов и программ подготовки аспирантов-тюркологов по тюркскому языкознанию, литературоведению и фольклористике. Ведется подготовка к проведению Всесоюзной Тюркологической конференции (сентябрь 1976 г., Алма-Ата). В числе продолжающихся коллективных работ такие, как «Атлас тюркских языков и диалектов Советского Союза» и «Корпус древнетюркских (рунических) памятников». В текущем году надлежит разработать примерное методическое руководство по описанию тюркских диалектов, примерную схему фонетико-грамматического описания памятников тюркской письменности, а также транскрипцию на основе русского алфавита.

Советский Комитет тюркологов осуществляет в настоящее время координацию ведущихся в стране коллективных тюркологических исследований по тюркскому языкознанию, историографии и литературоведению. Успех этой важной работы, как и проводимого к Всесоюзной Тюркологической конференции анкетирования тюркологов, подчеркнул докладчик, во многом зависит от ответственного и заинтересованного отношения ученых на местах к проводимым мероприятиям, от их активности и оперативности.

Выступившие в прениях **Э. В. Севортян**, **С. К. Кенесбаев**, **Е. И. Убратова**, **Н. Нартыев** единодушно отметили, что VII традиционная Тюркологическая конференция в Ленинграде прошла весьма успешно, и выразили признательность ее организаторам.

С. К. Кенесбаев подчеркнул, что советская тюркология развивается интенсивно: об этом свидетельствует плодотворная и весьма успешная деятельность журнала «Советская тюркология», равно как и сам созыв Всесоюзной Тюркологической конференции, проведение которой доверено ученым Казахстана. Ход подготовки к съезду должен регулярно освещаться на страницах журнала «Советская тюркология». **С. К. Кенесбаев** подчеркнул исключительную роль главного редактора журнала

М. Ш. Ширалиева и заместителя главного редактора И. С. Сеидова в организации и успешном издании «Советской тюркологии», призвав выразить им благодарность от имени тюркологов.

Э. В. Севортян отметил, что журнал «Советская тюркология» имеет все данные, чтобы стать в ближайшие годы авторитетным теоретическим изданием, активно влияющим на развитие тюркологической науки в стране.

Е. И. Убрятова, остановившись на координирующей и объединяющей роли журнала «Советская тюркология», полностью поддержала оценку, данную С. К. Кенесбаевым руководству журнала, отметив, что М. Ш. Ширалиев и И. С. Сеидов вложили много сил, энергии, умения и любви в такое исключительной трудности дело, как организация и издание нового всесоюзного научно-теоретического периодического органа. Их самоотверженный труд вполне заслужил общую благодарность всех тюркологов. Советский Комитет тюркологов, заявила далее Е. И. Убрятова, должен разработать теоретическую проблематику, подлежащую первоочередному освещению на страницах журнала «Советская тюркология», и всемерно практически содействовать редакции в пополнении ее портфеля соответствующими статьями.

А. К. Аханов (Алма-Ата), целиком присоединившись к предыдущим ораторам в оценке деятельности журнала «Советская тюркология» и его руководства, высказался за высококвалифицированное и глубокое рецензирование на страницах журнала капитальных трудов по тюркологии (таких,

например, как «Этимологический словарь тюркских языков» Э. В. Севортяна и т. п.); в подобных случаях можно даже открыть дискуссию, освещая на страницах журнала различные мнения об одном и том же издании, — сказал в заключение оратор.

Г. Ф. Благова (Москва) выступила с конкретным предложением по вопросу пополнения портфеля редакции журнала «Советская тюркология» теоретическими статьями. По ее мнению, авторы крупных тюркологических исследований, имеющих теоретическое значение и выполняемых в том или ином академическом институте, головном или республиканском, должны представлять в журнал «Советская тюркология» обобщающую статью по исследованной тематике, со ссылкой на подготовленный к изданию труд. Журнал «Советская тюркология», отметила Г. Ф. Благова, должен уделять больше внимания проблемам диалектологии.

VII Тюркологическая конференция в Ленинграде приняла Резолюцию и специальное Решение, касающееся деятельности журнала «Советская тюркология» в связи с пятилетием его существования (публикуются ниже).

6 июня в Ленинграде состоялось также заседание Пленума Советского Комитета тюркологов, на котором обсуждались вопросы, связанные с подготовкой к Всесоюзной Тюркологической конференции.

*Н. А. Дулина, Л. Я. Медведева,
В. М. Насилов, Х. Г. Ниязов,
Т. И. Султанов, Л. Ю. Тугушева*

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

ЖУРНАЛ «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» — ИТОГИ ПЕРВОГО ПЯТИЛЕТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Как известно, тюркские языки в СССР занимают второе место (после восточнославянских) по числу говорящих на них людей, составляющих коренное население пяти союзных, пяти автономных республик и четырех автономных областей. По переписи 1970 года в СССР проживает 23 тюркских народа, численностью свыше тридцати двух миллионов человек.

За годы Советской власти в результате плодотворной ленинской национальной политики в этих тюркоязычных республиках и областях получила всестороннее развитие качественно новая культура — национальная по форме и социалистическая по содержанию. Огромных успехов достигла и советская тюркология, ныне располагающая многочисленными высококвалифицированными кадрами научных работников, собравших и систематизировавших огромный фактический материал по диалектам и языку письменных памятников, создавших грамматики и словари различных тюркских языков и успешно решающих многие практические и теоретические вопросы тюркской филологии.

Учитывая все эти очевидные достижения советской тюркологии, а также задачи дальнейшего ее развития, Президиум Академии наук СССР вынес в 1969 году Поста-

новление об издании в Баку, в городе со сложившимися тюркологическими традициями, всесоюзного журнала «Советская тюркология», призванного не только отразить на своих страницах современное состояние тюркологии, многогранную и интенсивную исследовательскую работу ученых, но и объединить силы тюркологов, обеспечив широкий обмен идеями, опытом исследований, информацией о всех важных событиях научной жизни, и тем самым способствовать дальнейшему развитию и процветанию тюркологической филологии в СССР.

Первый номер журнала «Советская тюркология» — органа Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР — вышел в свет в мае 1970 года. В программной статье этого номера давался краткий обзор современного состояния советской тюркологии и намечались основные задачи дальнейшего ее развития. Со времени организации журнала вышли из печати тридцать два номера.

Сам факт существования, а также квалифицированного и регулярного издания журнала «Советская тюркология» уже следует считать большим достижением в области науки и культуры в целом. Журнал не только публикует материалы и исследования по всем разделам современной тюркологической филологии, но и освещает на своих страницах почти все важнейшие мероприятия, осуществляемые в области тюркологии, помещает дискуссионные материалы, дает обзоры, рецензии, хроникальные сообщения и т. д.

В 1970—1974 гг. в тридцати номерах журнала «Советская тюркология» были опубликованы 433 статьи свыше двухсот авторов из 38 городов Советского Союза и восьми городов зарубежных стран. Наибольшее количество статей было представлено Москвой (125 статей, 50 авторов). Далее следуют Баку (75 статей, 43 автора), Ленинград (50 статей, 20 авторов), Ташкент (31 статья, 20 авторов), Алма-Ата (28 статей, 22 автора) и так далее в убывающем порядке.

Почти треть всех материалов посвящалась вопросам сравнительно-исторической фонетики и грамматики тюркских языков, а также языку древнетюркских памятников. Так, по исторической фонетике были опубликованы 18, по исторической грамматике 24, по сравнительному, типологическому и ареальному исследованию 15 статей. Два специальных номера журнала посвящались древнетюркским памятникам: один из них — 900-летию «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, другой — «Дивану» Махмуда Кашгари. Отдельные вопросы, связанные с изучением этих памятников, рассматривались в 30 статьях.

Значительно меньше оказалось публикаций в области исторической лексикологии и фразеологии, историко-этимологических разысканий, не связанных с ономастикой (всего 11 статей из 124 по сравнительно-исторической тюркологии).

В области тюркской диалектологии и диалектографии из 23 диалектологических статей примерно половина (12 статей) была посвящена монографическому изучению диалектов и говоров тюркских языков, 7 статей — проблемам исторической диалектологии и только в четырех статьях рассматривались вопросы составления диалектологических атласов и диалектологических словарей. Сравнительно мало материалов было опубликовано на страницах журнала по вопросам орфографии и орфоэпии, а также стилистики (одна статья по орфографии и три по стилистике).

Более или менее равноценно были представлены статьи, посвященные отдельным вопросам фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса современных тюркских языков. Наибольшее количество статей по синтаксису сложного (21 статья) и простого (11 статей) предложений (по синтаксису словосочетаний 4 статьи). 25 статей посвящалось вопросам морфологии, 21 статья — описательной фонетике и 5 статей — экспериментальной фонетике. По лексикологии, фразеологии и терминологии в общей сложности опубликовано 15 статей. Несколько меньше материалов посвящалось словообразованию (6), лексикографии (4) и семасиологии (4).

Вопросы влияния тюркских языков на языки других семей (в частности о тюркизмах в разных языках) рассматривались в 21 статье. Еще большее место уделялось в журнале вопросам ономастики, которой отведена специальная рубрика (всего 32 статьи).

Литературоведческих статей за истекшие пять лет опубликовано 48, большая часть из них относится к поэтике и фольклору.

Важное информационное значение имела публикация статей по истории развития, современному состоянию и перспективам дальнейшего расцвета советской тюркской филологии (17 статей), по истории отечественной тюркологии (24 статьи) и о тюркологических исследованиях за рубежом (9 статей).

Следует отметить, что на страницах журнала не нашли должного освещения проблемы, связанные с выяснением закономерностей формирования, развития и обогащения литературных тюркских языков, с разработкой методов изучения истории старописменных тюркских языков и их периодизации. Не получили в должной мере отражения и вопросы литературных языковых норм, функциональных стилей литературных языков тюркских народов, а также проблематика культуры речи, теории перевода и т. д.

Журнал систематически помещает статьи, в которых рассматриваются отдельные проблемы различных языков тюркской семьи — гагаузского, азербайджанского, турк-

менского, татарского, башкирского, узбекского, каракалпакского и др. Ряд обобщающих статей посвящался истории развития, современному состоянию и перспективным задачам советской тюркологии. Это статьи А. Н. Кононова «Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского Комитета тюркологов» (1974, № 2) и «Тюркское языкознание в Академии наук СССР. К 250-летию Академии наук» (1974, № 3), М. Ш. Ширалиева «Состояние и задачи дальнейшего развития тюркской диалектологии в СССР» (1973, № 2), коллективная статья «Тюркское языкознание в СССР за 50 лет» (1972, № 6).

Весьма дельными и конструктивными были критические замечания, содержащиеся в статьях Э. В. Севортяна «Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике» (1970, № 3), Э. Н. Наджиба «О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков» (1970, № 6), Б. А. Серебренникова «О логицизме в тюркологических исследованиях» (1971, № 5).

В разделе «История отечественной тюркологии» были опубликованы специальные статьи о М. А. Казембеке, О. Н. Бётлингке, Н. И. Ильминском, П. М. Мелиоранском, А. Н. Самойловиче, В. В. Бартольде, А. Е. Крымском, В. Д. Смирнове, Н. И. Ашмарине, Н. К. Дмитриеве, А. П. Поцелуевском, В. М. Жирмунском.

В статьях зарубежных тюркологов давались обзоры состояния тюркологических исследований в Польше, Венгрии, ФРГ, Японии, Норвегии.

В центре внимания советских тюркологов оказались исторические проблемы тюркской филологии — лингвистические и литературоведческие, методологические и конкретно-эмпирические. Один из номеров журнала (1971, № 2) был посвящен сравнительно-историческому методу и его применению в области фонетики и грамматики тюркских языков. Особого внимания заслуживают статьи Э. В. Севортяна, Э. Р. Тенишева, А. П. Дульзона, Э. А. Макаева, Н. З. Гаджиевой, В. И. Асламова, Д. М. Насилова. По вопросам исторической грамматики тюркских языков с интересными статьями систематически выступали на страницах журнала А. М. Щербак, Г. Ф. Благова, Х. Г. Нигматов, Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева.

В области исследования проблем сравнительной фонетики тюркских языков следует отметить организованное в декабре 1970 года Институтом языкознания Академии наук Азербайджанской ССР и редакцией журнала «Советская тюркология» обсуждение книги А. М. Щербака «Сравнительная фонетика тюркских языков» (Л., 1970). В обсуждении участвовали сам автор и рецензенты (см. об этом: «Советская тюркология», 1970, № 1). Статья А. Васильева «Имеются ли в тюркских языках фонемы, заимствованные из русского?» (1971, № 6) открыла интересную дискуссию, в ходе которой были уточнены некоторые фонологические представления, связанные с системой фонем в том или ином из тюркских языков. Экспериментально-фонетические исследования на материале азербайджанского, казахского и киргизского языков также нашли отражение в ряде статей.

Большое внимание уделялось изучению памятников древнетюркской письменности — характеристике отдельных письменных памятников, их сопоставительному анализу и т. д. В связи с этими памятниками рассматривались вопросы развития литературных тюркских языков средневековья (статьи Э. Наджиба, Г. Благовой, Э. Груниной и др.).

Современное состояние тюркской филологии нашло отражение на страницах журнала в ряде статей, посвященных актуальным проблемам грамматики и прежде всего исследованию наименее разработанной ее области — синтаксиса тюркских языков. Отрицательно отметить публикацию большого количества статей теоретического характера по таким узловым вопросам синтаксиса, как специфика словосочетания в тюркских языках, природа придаточного предложения и распространенного оборота, типология синтаксических конструкций, сущность бессоюзного паратаксиса и гипотаксиса и др. Относительно предложенной Н. А. Баскаковым схемы эволюции синтаксических конструкций, в его общей концепции противопоставления предикативной и атрибутивной конструкций как двух основных мыслительных актов, развернулась дискуссия, в которой приняли участие Г. А. Мельников, Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева и др. Много статей посвящалось проблеме сложноподчиненного предложения, ибо по этому вопросу мнения тюркологов кардинально расходятся.

Значительное место на страницах журнала заняли статьи, рассматривающие влияние тюркских языков на языки других семей, в частности исследования, посвященные тюркизмам в различных языках, а также статьи по вопросам ономастики (о топонимах, этнонимах, гидронимах, одонимах и др.).

С сожалением приходится отметить, что предусмотренная редколлегией журнала программа литературоведческих публикаций осуществлена лишь частично, ибо такие актуальные проблемы, как художественный метод в национальных литературах, национальный характер, типология тюркских литератур социалистического реализма, и ряд других оказались заслоненными проблематикой тюркской поэтики и фольклора, важность которых, конечно, также нельзя отрицать.

Журнал систематически помещает рецензии на новые тюркологические работы, издаваемые как в нашей стране, так и за рубежом. Рецензируются почти все сколько-ни-

будь значительные исследования и издания. В качестве рецензентов, как правило, выступают специалисты соответствующих областей тюркологии.

Большое внимание журнал уделил публикации различных обзоров и сообщений. Под рубрикой «Научная жизнь» публиковались информации о состоявшихся тюркологических конференциях, совещаниях, симпозиумах. В разделе «Personalia» помещались статьи о юбилеях видных ученых-тюркологов. Специальная рубрика отведена в журнале для сообщений хроникального характера, в основном о защитах докторских диссертаций в области тюркской филологии.

В критико-библиографическом очерке о деятельности журнала «Советская тюркология», напечатанном в журнале «Народы Азии и Африки» (№ 1 за 1973 год), отмечалось, что «безусловной заслугой журнала является публикация дискуссионных материалов. Редколлегия отводит для таких обсуждений целые номера журнала. В результате выделяются как бы „ядерные“ проблемы, вокруг которых собираются основные научные силы...» (стр. 190). Эта высокая оценка, конечно, и обязывает ко многому. Редакцией журнала еще не преодолены до конца трудности издательского порядка и организационные помехи, связанные с подпиской. В редакционном портфеле журнала очень мало или почти отсутствуют статьи обобщающего обзорно-теоретического характера по наиболее важным и актуальным проблемам тюркской филологии. К их числу относится, в частности, проблема выяснения закономерностей формирования и обогащения литературных тюркских языков. По существу до сих пор не разработаны методы изучения и описания истории старописьменных тюркских языков, не определены специфические особенности истории конкретного литературного языка, в отличие от исторической грамматики данного языка. Продолжают оставаться нерешенными и многие вопросы литературно-языковых норм, функциональных стилей и т. п., требующие разработки на материале современных тюркских языков. Все это должно быть как можно более полно отражено на страницах журнала «Советская тюркология».

И. С. СЕИДОВ

«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» — ДОСТИЖЕНИЯ И НУЖДЫ

Особенно значительных успехов гуманитарные науки в нашей стране, как известно, достигли в последние годы. В полной мере это относится и к тюркологии. Научное и политическое значение этой области знания трудно переоценить. Семья тюркских языков является одной из наиболее обширных в Советском Союзе. Почти все тюркоязычные народы, за исключением турецкого и некоторых других, проживают на территории СССР.

Таким образом, значение, которое придается нашей партией и правительством тюркологии, и проявляемая ими забота о ее развитии вполне закономерны и оправданны.

Поскольку родиной подавляющего большинства современных тюркских народов является Советский Союз, то совершенно естественно, что именно он был призван стать центром мировой тюркологии. Не случайно и дореволюционная русская тюркология всегда занимала ведущее положение в истории этой науки. Имена ее выдающихся представителей Мелиоранского, Казембека, Радлова, Малова и других, внесших весомый вклад в развитие этой науки, пользуются мировым признанием.

В послеоктябрьский период тюркология вступила, так же как и все другие науки в нашей стране, в качественно новый этап своего развития. Новое в данном случае, помимо всего прочего, заключалось также и в том, что наряду с русскими учеными тюркологические исследования стали активно осуществляться и представителями самих тюркоязычных народов. Хотя и до революции отдельными талантливыми выходцами из тюркоязычной среды (А. Казембек, К. Насыри и др.) было немало сделано для изучения языка, литературы и истории своих народов, однако это были, как правило, единицы. Только после революции тюркоязычные народы, так же как и все другие народы нашей страны, получили реальную возможность приступить к широкому, подлинно научному изучению своей национальной культуры. Все они теперь имели свой алфавит, а ранее бесписьменные — письменность. Повсюду в тюркоязычных республиках и областях развернулось всестороннее изучение родного языка: предметом исследования стали лексикография, лексикология, диалектология, грамматика, фонетика, стилистика и т. д. И во всех этих областях были достигнуты важные результаты.

Особенно интенсивно тюркологическая работа стала проводиться в послевоенное время. В один ряд с именами видных тюркологов Москвы и Ленинграда встали имена ученых из тюркоязычных республик и областей. Возникла необходимость в усилении и

активизации координации исследований, проводящихся в различных, нередко весьма отдаленных друг от друга научных центрах. Это должно было способствовать ликвидации дублирования и осуществлению кооперации усилий ученых, работающих над одними и теми же или родственными проблемами. Остро встал также вопрос об оперативном информировании тюркологической общественности и ученых о проводящихся разработках, получаемых результатах, вновь обнаруженных языковых и других материалах и фактах и т. д. Все это делало необходимым издание специального всесоюзного тюркологического органа. И такой орган соответствующим решением в 1970 году был создан. Им стал издающийся на русском языке в Баку всесоюзный научно-теоретический журнал «Советская тюркология», выпуск которого был возложен совместно на Академию наук СССР и Академию наук Азербайджанской ССР.

Издание тюркологического журнала в столице одной из тюркоязычных республик имело важное научное значение и большой политический смысл. Во-первых, издание журнала в Баку отдавало дань уважения его славному «тюркологическому прошлому»: именно здесь проходил в 1920 году Первый съезд народов Востока; здесь был создан в 1926 году и Первый Всесоюзный тюркологический съезд. Во-вторых, учеными республики были получены весьма существенные результаты в области азербайджанского языкознания и филологии, имевшие немаловажное значение и для тюркологии в целом. В-третьих, наконец, выпуск журнала в тюркоязычной республике наглядно показывает, что тюркоязычные народы нашей страны за годы Советской власти благодаря ленинской национальной политике партии созрели в научном отношении настолько, что могут самостоятельно издавать теоретический орган общесоюзного масштаба, отвечающий всем современным требованиям. Последнее обстоятельство было сразу же подмечено представителями зарубежной науки. Известный американский тюрколог Карл Менгес в марте 1971 года писал (на русском языке) в редакцию: «Появление Вашего журнала очень важно и ценно, и давно ожидалось со стороны советского востоковедения. Значителен и факт, что такой журнал как раз появляется в одной из тюркских республик Советского Союза».

* * *

Со времени создания журнала «Советская тюркология» прошло пять с половиной лет. Теперь уже можно подвести некоторые итоги и сделать соответствующие выводы.

Прежде всего следует признать, что создание журнала «Советская тюркология», по-видимому, во многом себя оправдало. Хотя послевоенное время и было отмечено определенным оживлением в области проводимых в стране тюркологических исследований, однако именно создание специального всесоюзного периодического органа дало им новый импульс, окончательно утвердив за тюркологией как наукой все принадлежащие ей права. Создание журнала как бы явилось актом официального признания возросшего значения этой науки в наше время в связи с местом, занимаемым тюркскими народами в жизни нашей страны и всего современного мира, а также той заметной ролью, которую они сыграли в истории человечества. Таким образом, создание журнала «Советская тюркология» имело наряду с научным и важное политическое значение. Вместе с тем это было и предметным ответом на тенденциозную буржуазную критику политики Коммунистической партии и Советского правительства в отношении национальностей, населявших бывшие окраины царской России, в том числе и тюркских народов, якобы ущемляемых в своих правах.

С другой стороны, создание журнала «Советская тюркология», единственного в мире специального периодического, подлинно научного тюркологического органа, фактически выдвинуло нашу страну на передний край мировой тюркологии. А это обязывало журнал встать по научным и другим специальным показателям на уровень лучших зарубежных и советских тюркологических изданий, что для вновь создаваемого молодого органа было задачей не столь уж простой и легкой.

Все эти проблемы, связанные с изданием журнала «Советская тюркология», были при вынесении решения о его создании, несомненно, глубоко продуманы и дальновидно учтены. Таким образом, с выходом нового специального периодического научного органа тюркология в нашей стране вступала в новый этап, характеризующийся как возросшими требованиями к ней, так и благоприятными возможностями, созданными для ее развития.

Издание журнала «Советская тюркология» не могло, конечно, не сказаться на общем «тюркологическом климате» в научной жизни страны. Так, создание в 1973 году Советского Комитета тюркологов, по-видимому, в известной мере было подготовлено фактом существования и полезного, по общему признанию, функционирования журнала «Советская тюркология».

Журнал «Советская тюркология», несомненно, способствовал консолидации научных сил тюркологов, кооперации и координации осуществляемых ими исследований. Некоторая изолированность проводившихся в различных научных центрах тюркологических исследований, несвоевременная и не всегда достаточная их взаимная информированность об осуществляемых разработках с началом издания журнала постепенно и заметно

преодолевались. Читатели журнала стали также получать более или менее регулярную информацию об исследованиях, проводившихся зарубежными тюркологами. Они могли теперь уже судить об определяющем профиле или, иными словами, о преимущественной специализации различных тюркологических центров, получать сведения о научной жизни в области тюркологии, об основных научных сессиях, конференциях, симпозиумах и т. д.

* * *

Журнал «Советская тюркология» является как бы своеобразным зеркалом, отражающим на своих страницах состояние и характер осуществляемых в стране тюркологических исследований. Читатель, систематически следящий за публикациями нашего журнала, наглядно видит сильные и слабые стороны современной тюркологической науки, ее интенсивно развивающиеся и сравнительно медленно прогрессирующие направления, имеет представление о научных силах, которыми располагает наша наука, и т. д., и т. п.

Специалисты-тюркологи хорошо знают, какие направления тюркологии у нас развиваются интенсивно и какие сравнительно медленно. Причины этой «неравномерности» также хорошо известны тюркологам. Впрочем, как показывает история наук, именно подобный «неравномерный» характер их развития и является наиболее естественным. Хотя, возможно, наши ученые и не заслуживают какого-либо упрека в этом отношении, однако, несомненно, и то, что «отстающие участки» должны привлечь их особенно пристальное внимание.

Нельзя умолчать о том, что редакция испытывает острый недостаток в глубоких теоретических статьях обобщающего характера, подводящих научный итог результатам как индивидуальных, так и коллективных исследований. Безусловно, написание таких статей связано с определенными и хорошо известными ученым трудностями. И все же подобные работы также должны находиться в центре внимания наших видных тюркологов.

Не может вполне удовлетворить нас и поступление в журнал критико-библиографических материалов и рецензий. Хотя в каждом номере публикуется несколько рецензий, признать это достаточным нельзя. Необходимо добиться того, чтобы на страницах журнала рецензировались и аннотировались практически все тюркологические издания и не только выходящие в нашей стране. В этом должны проявить активную заинтересованность прежде всего академические учреждения тюркологического профиля всех тюркоязычных республик и областей. Нельзя забывать, что рецензирование и аннотирование является наиболее эффективным и оперативным путем введения в широкий научный обиход достигнутых научных результатов, их критического осмысления и, конечно же, пропаганды.

Очень важно также расширить и обогатить рубрику так называемой научной жизни. Эта рубрика пока еще недостаточно регулярно и не полностью отражает научную жизнь в области тюркологии как в нашей стране, так и за рубежом. А ведь читатель нашего журнала должен получать полное, чтобы не сказать исчерпывающее, представление о ней. Тем более, что в числе наших подписчиков имеются и зарубежные ученые.

Необходимо особо остановиться на тюркологическом литературоведении. Хотя об этом нами уже не раз говорилось, число поступающих в редакцию литературоведческих статей крайне ограничено, и они не всегда удовлетворяют соответствующим научным, а зачастую, как это ни парадоксально звучит, и литературным требованиям. В первую очередь данный упрек следует отнести к статьям, посвященным проблемам современных тюркоязычных литератур. Для многих из этих статей характерны в основном два следующих недостатка: либо статьи изобилуют общими местами и прописными теоретическими положениями и истинами, иллюстрируемыми отдельными примерами, либо же в них анализируются индивидуальные особенности творчества какого-либо одного писателя или даже его отдельного произведения, без соответствующих выводов и обобщений, представляющих научный интерес и для специалистов других тюркоязычных литератур. Редакция призывает тюркологов-литературоведов выступать на страницах журнала с теоретическими и другими статьями, представляющими общетюркологический интерес. Само собой разумеется, что такие статьи могут быть написаны и на материале творчества одного автора, или даже его отдельного произведения.

Редакция, безусловно, вполне сознает, что не все публикующиеся в журнале статьи стоят на одном научном уровне. Однако она руководствуется стремлением представить по возможности весь широкий и постоянно расширяющийся фронт проводящихся в стране тюркологических исследований и отдаст при этом много сил и энергии тому, чтобы спасти для печати почти все или во всяком случае многие поступающие в редакцию статьи, представляющие хоть какой-нибудь научный интерес.

В связи с этим редакция обращает внимание авторов на то, что, представляя статьи в журнал, они должны быть крайне внимательными к научному аппарату, тщательно выверять цитаты, транскрибировать тексты, следить за грамматической и орфографической правильностью иноязычных примеров и иллюстраций, в том числе и преж-

де всего из тюркских языков, не перегружать примеры диакритическими знаками, особенно в работах, не посвященных фонетике, требовательнее относиться к литературным качествам статьи, к ее стилистической, композиционной и так далее и так далее подготовленности к печати.

Известно, что научный уровень журнала непосредственно зависит от качества публикуемых в нем, а следовательно, представляемых в него материалов. Поэтому портфель редакции должен постоянно пополняться полноценными научными статьями, чтобы редакция располагала возможностью широкого выбора. Все наиболее интересные научные результаты, наблюдения, идеи и суждения должны быть своевременно оформлены в статьи, сообщения, обзоры, информации и представлены в редакцию.

Немаловажное значение имеет также вопрос расширения круга постоянных читателей журнала. В этом должен быть заинтересован каждый тюрколог. Особое внимание должно уделяться распространению подписки среди молодежи, специализирующейся в области филологии. Ведь не исключено, что именно чтение нашего журнала может привить вкус к тюркологии, приобщить к этой науке способную молодежь, из среды которой только и могут вырасти (кто знает?) будущие Мелиоранские, Казембеки, Радловы. Любопытным в этом отношении является, например, письмо студента из поселка Карабутак Актюбинской области, полученное редакцией в апреле текущего года: «По специальности я филолог. Учусь на третьем курсе заочного отделения филологического факультета Казахского государственного университета. В будущем хочу по мере возможности специализироваться как тюрколог. Немаловажную роль в моем решении стать тюркологом (а я надеюсь, что им стану) сыграл Ваш журнал». Далее он пишет: «Из тех 12 номеров, которые получил за два года, я узнал массу интересного, получил обширные сведения по истории древнетюркских и современных тюркских языков, о состоянии их развития в настоящее время и о многом другом...» Весьма показательное письмо!

Журнал «Советская тюркология» предоставляет исключительно благоприятные возможности для развития и пропаганды тюркологической науки. И было бы, конечно, крайне нерасчетливо со стороны редколлегии, редакции и авторского актива этими возможностями не воспользоваться в полной мере. Коллективными усилиями следует добиться того, чтобы журнал действительно оправдывал свое, ко многому обязывающее, название — «Советская тюркология».

РЕЗОЛЮЦИЯ

VII ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ЛЕНИНГРАДЕ

ЛЕНИНГРАД. 6 ИЮНЯ 1975 г.

С 3 по 6 июня 1975 г. Советским Комитетом тюркологов и Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР была проведена VII Тюркологическая конференция. В работе конференции приняли участие 153 человека из 33 городов СССР. На двух пленарных и двадцати секционных заседаниях был заслушан и обсужден 101 доклад.

Первое пленарное заседание было посвящено памяти выдающегося тюрколога, члена-корреспондента Академии наук СССР С. Е. Малова. В шести докладах было подробно охарактеризовано научное наследие С. Е. Малова в области тюркского языкознания, литературоведения, этнографии. В других докладах пленарного заседания было отмечено столетие со дня провозглашения первой турецкой конституции и показано ее значение для истории Турции; подведены итоги первого пятилетия издания журнала «Советская тюркология»; сообщено о деятельности Советского Комитета тюркологов.

Работа первой лингвистической секции (руководитель — А. Н. Кононов) была посвящена теме «История тюркских языков», второй лингвистической секции (руководитель — Д. М. Насилов) — проблемам диалектологии, лексикологии и лексикографии тюркских языков. В заседаниях литературоведческой секции (руководитель — С. Н. Иванов) обсуждались вопросы тюркской поэтики. Секция истории, экономики и литературы Турции (руководитель — Ю. А. Петросян) посвятила работу теме «Османская империя в период реформ нового времени», а секция истории тюркских народов (руководитель — С. Г. Кляшторный) рассмотрела проблемы древней и средневековой истории тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии, Поволжья и Закавказья.

Работа секций проходила на высоком научно-методологическом и методическом уровне, прочитанные доклады вызвали оживленную дискуссию, в ходе которой были заслушаны мнения как ряда ведущих тюркологов нашей страны, так и молодых специалистов из Москвы, Ленинграда и союзных республик. Работа конференции и повседневная исследовательская практика вновь подтвердили важное значение объединения усилий в разработке кардинальных научных проблем тюркологии и периодических встреч ученых для их обсуждения.

Конференция отмечает важное научное значение «Тюркологических сборников»,готавливаемых в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР и издаваемых Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука». Пять уже вышедших из печати сборников получили широкое признание тюркологов как в нашей стране, так и за рубежом. В связи с пятилетием издания журнала «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» конференция приняла особое решение.

Конференция с удовлетворением отмечает успешное начало работы Советского Комитета тюркологов и призывает к активному сотрудничеству в программах Комитета как тюркологов, так и представителей смежных специальностей.

РЕШЕНИЕ:

1. Обсудить в Советском Комитете тюркологов вопрос о переиздании основных трудов С. Е. Малова.

2. Просить Советский Комитет тюркологов обсудить состояние работы над словарями, отражающими историческое развитие тюркских языков, а также содействовать подготовке к изданию важнейших средневековых словарей тюркских языков, в том числе «Фарханги тюрки».

3. Одобрить инициативу азербайджанских тюркологов о проведении конференции памяти А. К. Казембека (в связи со 175-летием со дня его рождения).

4. Просить Советский Комитет тюркологов обсудить проблему преподавания тюркских дисциплин в вузах и подготовки в них молодых научных кадров.

5. Войти с ходатайством в Союз писателей СССР об организации совместного совещания по вопросам художественного перевода.

6. Отметить существенное значение для развития советской тюркологии регулярных тюркологических конференций в Ленинграде и издание по материалам этих конференций «Тюркологических сборников».

РЕШЕНИЕ

VII ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» И ЕГО ПЕРСПЕКТИВАХ

С 1970 года в Баку выходит всесоюзный научно-теоретический журнал «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» — совместный орган Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР. До настоящего времени вышли в свет 32 номера журнала. На его страницах выступило свыше двухсот авторов из 38 городов Советского Союза и 8 городов зарубежных стран.

Опубликованные статьи были посвящены наиболее актуальным проблемам современной тюркологии, в том числе сравнительно-исторической фонетике и грамматике, исторической лексикологии и фразеологии, историко-этимологическим разысканиям, диалектологии и диалектографии, фонетике, лексике, морфологии и синтаксису современных тюркских языков, тюркским заимствованиям, ономастике, вопросам литературоведения и т. д. Журнал систематически публикует рецензии на тюркологические издания, ведет интересные рубрики: «Дискуссии и обсуждения», «История отечественной тюркологии», «Хроника», «Персоналия», «Научная жизнь». Следует приветствовать инициативу редакции и редколлегии журнала по публикации информации о состоянии тюркологии в зарубежных странах.

За истекшие со дня выхода первого номера пять лет, благодаря усилиям редакции, заметно повысился и полиграфический уровень журнала, что весьма важно для этого специального филологического издания. Заметен также профессиональный рост сотрудников редакции журнала, качественно подготавливающих материалы к публикации.

Журнал «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» вносит заметный вклад в дело координации и кооперации тюркологических исследований в нашей стране, а также способствует общей консолидации советских тюркологов, обращению их к наиболее актуальным

темам современной науки. Редакция и редакция проводят большую работу по привлечению в журнал новых авторов и содействуют формированию молодых научных кадров.

Однако наряду с достижениями необходимо отметить еще неизжитые недочеты в работе журнала «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ».

Рубрика «Дискуссии и обсуждения» могла быть значительно расширена. Не все ценные тюркологические издания рецензируются и аннотируются на страницах журнала. Не полностью преодолены журналом и недочеты полиграфического характера (отсутствуют некоторые диакритические знаки, специальные шрифты, не все помещаемые в журнале клише выполняются на должном уровне). Не ликвидировано полностью запаздывание, с которым выходит журнал до последнего времени, хотя в сроках издания отдельных номеров и достигнуты заметные успехи. Недостаточно уделяется внимания в тюркоязычных республиках и областях такому важному делу, как распространение подписки на журнал, в связи с чем тираж его (в среднем 4 тыс. экз.) почти не растет.

Исходя из вышеизложенного, VII Тюркологическая конференция в Ленинграде считает:

1. Констатируя, что издание журнала «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» стало новым стимулом развития тюркологических исследований в СССР, конференция отмечает также влияние журнала на развитие филологических дисциплин в тюркоязычных республиках и областях СССР. Конференция с особой признательностью подчеркивает заботу ЦК КП Азербайджана, правительства Азербайджанской ССР и Президиума Академии наук Азербайджанской ССР об издании журнала.

2. Конференция отмечает самоотверженную работу по организации и изданию журнала коллектива редакции во главе с главным редактором академиком Академии наук Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиевым и заместителем главного редактора И. С. Сеидовым.

3. Отмечая, что редакция и редакция журнала принимают необходимые меры для устранения отмеченных недочетов, и констатируя, что общий уровень журнала соответствует требованиям современного уровня развития науки, конференция рекомендует Советскому Комитету тюркологов всемерно содействовать пополнению портфеля редакции материалами высокого научно-теоретического уровня.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

М. З. Закиев (Казань). О периодизации истории тюркских письменных литературных языков	3
Н. Нартыев (Чарджоу). Сложноподчиненное предложение в тюркских языках	12
Х. Г. Нигматов (Бухара). Синтаксическая сущность форм принадлежности в языке восточно-тюркских памятников XI—XII вв.	21
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Языковые и внеязыковые значения в дешифровке памятников древнетюркской письменности	27

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

С. Исхакова (Казань). Языковые контакты западносибирских татар с алтайскими племенами	33
---	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

И. В. Пухов (Москва). Из поэтики олонхо	39
---	----

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Е. И. Убрятова (Новосибирск). С. Е. Малов и его труды	44
Н. А. Баскаков (Москва). С. Е. Малов и изучение каракалпакского языка	53
Э. И. Фазылов (Ташкент). С. Е. Малов — исследователь истории тюркских языков СССР	60
А. М. Щербак (Ленинград). С. Е. Малов — исследователь древнетюркских и древнетатарских памятников	69
У. Доспанов (Нукус). Ценный вклад в каракалпакское языкознание	74

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Б. О. Орузбаева (Фрунзе). О структурно-морфологических особенностях корневых морфем типа ГС в киргизском языке	78
Ф. Р. Зейналов (Баку). «Дастан об Ахмеди Херами» — древнейший памятник азербайджанского языка	82
Э. А. Умаров (Ташкент). О некоторых фразеологизмах, созданных Алишером Навои	90
Д. Х. Базарова (Ташкент). О народно-этимологическом осмыслении некоторых звукоподражательных названий птиц в узбекском языке	96
З. И. Будагова (Баку). О художественно-образительных средствах	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. А. Дулина, Л. Я. Медведева, В. М. Насилов, Х. Г. Ниязов, Т. И. Султанов, Л. Ю. Тугушева (Ленинград). VII Тюркологическая конференция в Ленинграде	107
--	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>M. Z. Zakiyev</i> (Kazan). Towards the periodization of history of turkic literary languages	3
<i>N. Nartyev</i> (Charjou). Towards the problem of compound sentence in Turkic languages	12
<i>Kh. G. Nigmatov</i> (Bukhara). Syntactic essence of possessive forms of east-turkic records of the XI—XII centuries	21
<i>L. Y. Tugushyeva</i> (Leningrad). Linguistics and out of linguistics meanings in deciphering of ancient uygur relics	27

LANGUAGES IN CONTACT

<i>S. Iskhakova</i> (Kazan). The linguistic contacts of west-siberian tatars with altaj tribes	33
--	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>I. V. Pukhov</i> (Moscow). On the olonkho poetics	39
--	----

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

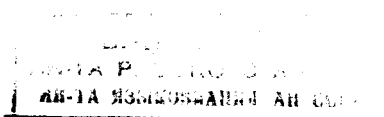
<i>E. I. Ubryatova</i> (Novosibirsk). S. E. Malov and his works	44
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). S. E. Malov and studying of Karakalpak language	53
<i>E. I. Fazylov</i> (Tashkent). S. E. Malov — explorer of history of Turkic languages	60
<i>A. M. Scherbak</i> (Leningrad). S. E. Malov — investigator of ancient turkic and ancient uygur manuscripts	69
<i>U. Dospanov</i> (Nukus). The valuable contribution in karakalpak linguistic	74

REPORTS, SURVEYS

<i>B. O. Orusbayeva</i> (Frunze). On morphological peculiarities of root-morphemes of VC type in Kirghiz language	78
<i>F. R. Zeynalov</i> (Baku). «Dastan about Ahmed Harami» — ancient record of Azerbaijan language	82
<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). On some phraseologizms in Uzbek language created by Navoi	90
<i>D. Kh. Bazarova</i> (Tashkent). The folk-etymological understanding of some onomatopoei names of bird in Uzbek language	96
<i>Z. I. Budagova</i> (Baku). On figurative means of language	101

SCIENTIFIC LIFE

<i>N. A. Dulina, L. J. Medvedyeva, B. M. Nasilov, Kh. G. Nijasov, T. I. Sultanov, L. Y. Tugushyeva</i> (Leningrad). VII Turkological conference in Leningrad	107
--	-----



Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *С. В. Лисикова, Э. Я. Алиева*

Сдано в набор 5/VIII-1975 г. Подписано к печати 18/II-1976 г. ФГ 10548 Формат
бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,75. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,4
Заказ 6132. Тираж 3745. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.